

Г.С. АГАБЕКОВ

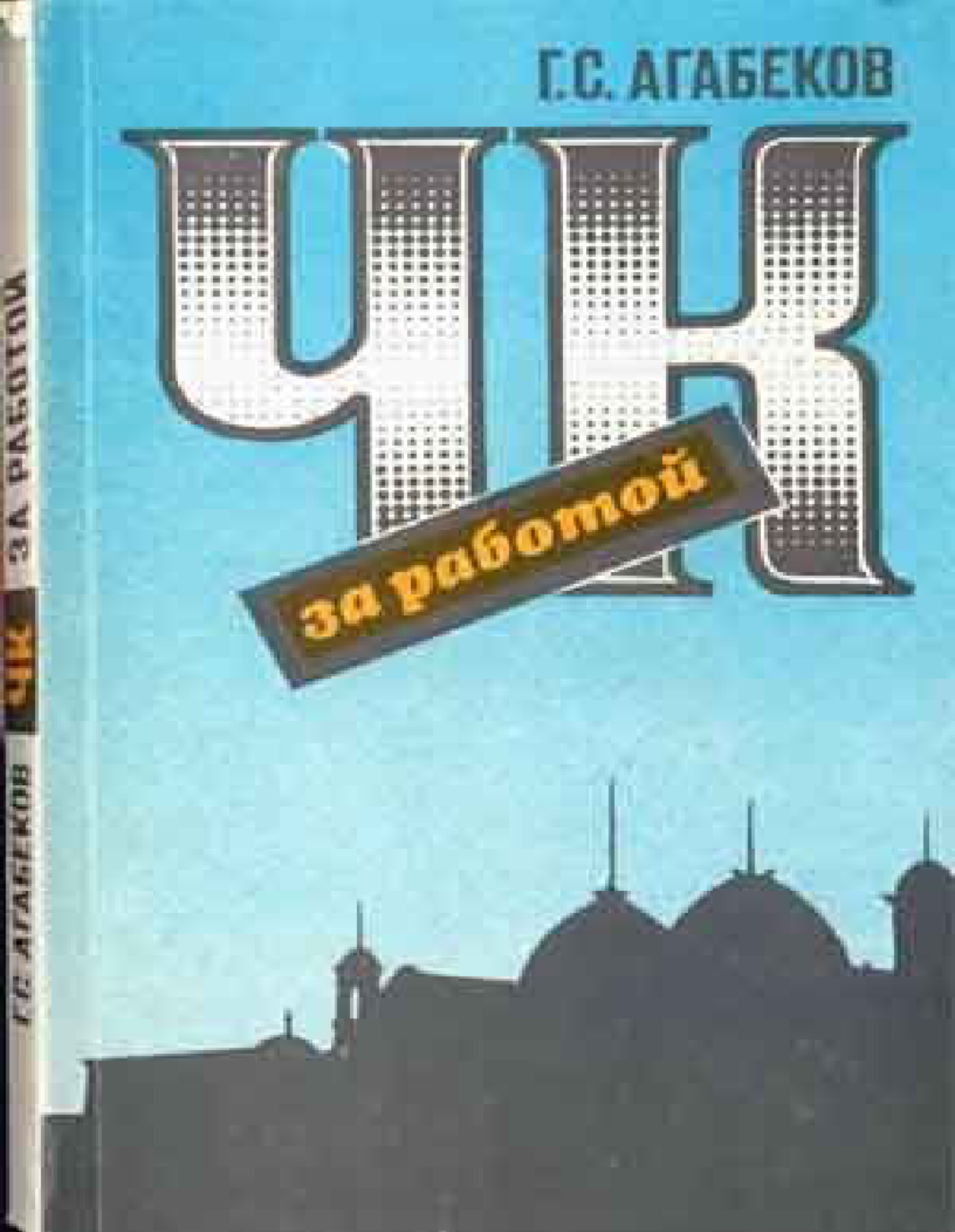
ЧК

за работой

ЗА РАБОТОМ

ЧК

Г.С. АГАБЕКОВ

Annotation

Автор мемуаров -- первый крупный советский разведчик-чекист, бежавший на Запад. Был начальником восточного сектора иностранного отдела ОГПУ, резидентом ОГПУ на Ближнем Востоке. В июле 1930 года открыто порвал со сталинским режимом и вступил в контакт с английской секретной службой. Убит агентами НКВД в 1937 году. Воспоминания Агабекова -- уникальное свидетельство активного участника событий о работе органов госбезопасности в 20-е годы. Помимо описания операций советской разведки мемуары содержат личные характеристики Г. Г. Ягоды, М. А. Трилиссера, Я. Х. Петерса и др.

- [Георгий Сергеевич Агабеков](#)

- [ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ](#)
- [ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА](#)
- [Глава I. КОММУНИСТЫ В ЧК](#)
- [Глава II. Проверка чекистов](#)
- [Глава III. Агентурное дело "Люся"](#)
- [Глава IV. Суд и расправа в ЧК](#)
- [Глава V. Сонька "Незолотая Ручка"](#)
- [Глава VI. Убийство Энвер-паши](#)
- [Глава VII. ГПУ и контрабандисты](#)
- [Глава VIII. Судебная комедия](#)
- [Глава IX. Кража консульских шифров](#)
- [Глава X. Троцкизм среди чекистов](#)
- [Глава XI. ЧК у границ Индии](#)
- [Глава XIII. "Коммунистки" Ася и Нина](#)
- [Глава XIV. Чекист... на страже нравственности](#)
- [Глава XV. Кусочек Коминтерна](#)
- [Глава XVI. Будничный день чекиста](#)
- [Глава XVII. Смерть предателям](#)
- [Глава XVIII. Восточный сектор ОГПУ](#)
- [Глава XIX. Чекисты наизнанку](#)
- [Глава XX. Шестичасовой рабочий день](#)
- [Глава XXI. Продолжение](#)
- [Глава XXII. Карахан и ГПУ](#)
- [Глава XXIII. Англо-американский отдел ГПУ](#)
- [Глава XXIV. В Центральной Контрольной Комиссии](#)
- [Глава XXV. Сталинская авантюра войны](#)
- [Глава XXVI. Вожди чистят ГПУ](#)
- [Глава XXVII. "Живой" помер](#)
- [Глава XXVIII. Москва – Константинополь](#)

- Глава XXIX. Фридрих Кейль
- Глава XXX. Под флагом германской разведки
- Глава XXXI. Между двух огней
- Заключение
- КОММЕНТАРИИ

Георгий Сергеевич Агабеков

ЧК за работой

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Долгие годы имя автора этой книги находилось под запретом, лишь немногие специалисты знали о ее существовании и буквально единицы из них могли получить издание в специальных хранилищах двух -- трех библиотек страны.

Георгий Агабеков – уникальный исторический персонаж, чья жизнь напоминает остросюжетный авантурный роман, был первым крупным разведчиком-чекистом, который порвал со сталинским режимом и выступил на Западе с разоблачением деятельности ОГПУ. Его воспоминания представляют собой свидетельство человека, на протяжении десяти лет работавшего в "органах" в тот период, когда они окончательно сформировались как специальная система обеспечения государственной безопасности, разведки и контрразведки.

Служба Агабекова в органах ВЧК началась в 1920 г., когда ему было 24 года. О его ранней молодости нам почти ничего не известно. Сам он упоминает только о том, что окончил гимназию и служил во время гражданской войны в Красной Армии. Тогда же вступил в коммунистическую партию, был командиром батальона войск Внутренней службы, дислоцированного в Екатеринбурге. По решению губернского комитета партии направлен для работы в местную ЧК, где занимал должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и ведал секретной агентурой. Агабеков владел несколькими восточными языками и, видимо, потому его очень скоро перевели на работу в Среднюю Азию. Официально он был назначен начальником разведки штаба армии Бухарской народной республики, а на самом деле являлся начальником нелегальной агентуры Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности в Бухаре. Агабекову удалось завербовать одного из главных агентов секретной разведки Совета народных назиров – правительства республики. Этим агентом была молодая женщина, невеста начальника разведки Софья

Кацман. Сначала подкупив ее, а затем используя шантаж, Агабекову удалось получить важнейшую информацию о готовившемся в Бухаре антисоветском выступлении, организаторами которого были сами члены правительства. Эта операция сыграла не последнюю роль в ликвидации суверенной Бухарской народной республики.

Позднее Агабеков занимал должность начальника отделения по борьбе со шпионажем и контрабандой Государственного политического управления в Ташкенте и одновременно был секретарем бюро партячеек ГПУ и членом партийного комитета. Агабеков принял непосредственное участие в ликвидации известного политического авантюриста, одного из вождей басмачества в Средней Азии, бывшего турецкого военного министра Энвер-паши. В 1918 г. после падения военного режима Энвер-паша уехал в Европу, а в 1920 г. появился в Москве, где объявил себя сторонником социальной революции, заинтересовав большевистское руководство планами создания широкомасштабного мусульманского движения для борьбы против Великобритании. Осенью 1921 г. паша был назначен правительством Бухарской народной республики инструктором по формированию частей Красной Армии, но уже в конце года вступил в контакт с эмиром бухарским Сеид Алим-ханом и объявил себя "главнокомандующим вооруженными силами ислама и наместником эмира". С этого момента Энвер-паша вел открытые военные действия против советских частей, вскоре занял почти всю территорию Восточной Бухары и захватил Душанбе. Пользуясь непрекаемым авторитетом среди мусульман и имея большой военный опыт, паша представлял особую опасность для советской власти в Туркестане. ЧК совместно с Разведывательным управлением Туркфронта и армейскими подразделениями буквально охотились за Энвер-пашой, но повсеместная поддержка населением басмачей весьма осложняла эту задачу. Внешне вполне мирные и лояльные к советской власти декхане и торговцы при появлении отрядов басмачей почти поголовно с оружием в руках были готовы следовать за ними, беспрекословно выполняя распоряжения "борцов за веру". Добиться от местного населения сведений о местопребывании Энвер-паши было почти невозможно – люди частью искренне верили в "дело ислама", частью были запуганы угрозами кровавой расправы со стороны повстанцев. Для поимки паши был избран единственно верный путь – внедрение агентов ЧК в среду местных обывателей и закамуфлированный подкуп людей, имеющих нужную чекистам информацию. Агабеков вместе с сотрудником военной разведки под видом мелких торговцев сумели проникнуть в район дислокации отряда Энвер-паши и, выследив его, вызвали войска. 4 августа 1921 г. в стычке с отрядом 8*й кавалерийской бригады Энвер-паша был убит.

Работая в Средней Азии, Агабеков непосредственно столкнулся с деятельностью разведки и, успешно проявив себя в этой области,- при его участии были похищены афганские

дипломатические шифры – скоро был назначен в состав советского посольства в Кабуле. Его официальным дипломатическим прикрытием был незначительный пост помощника заведующего бюро печати. На самом деле он под кличкой "Петр" возглавил секретную советскую агентуру ОГПУ в Афганистане.

Дальнейшая карьера Агабекова складывалась вполне благополучно, он провел несколько удачных операций в Афганистане и Персии, а в 1928 г. занял должность начальника восточного сектора иностранного отдела ОГПУ. Это был весьма высокий ранг в иерархии органов, назначение свидетельствовало о полном доверии Агабекову со стороны высшего партийного руководства.

Для современного советского читателя необходимо сказать несколько слов об организации службы государственной безопасности, действовавшей в стране в конце 20-х – начале 30-х годов, куда входила разведка, работе которой Агабеков в основном посвятил свои мемуары.

Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР было создано по решению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР в ноябре 1923 г. Формально ОГПУ подчинено было только СНК СССР. Однако на практике эти два учреждения вообще не имели точек соприкосновения, как инструмент обеспечения госбезопасности ОГПУ целиком и полностью находилось в ведении руководящего органа партии – Политбюро Центрального Комитета. При Ф. Э. Дзержинском, вплоть до его смерти 20 июля 1926 г., мнение председателя ОГПУ, как кандидата в члены Политбюро и одного из признанных лидеров партии, имело самостоятельное значение и могло влиять на решения о проведении тех или иных операций внутри страны и за границей. Сменивший его В. Р. Менжинский не пользовался таким авторитетом, и при нем каждая операция ОГПУ, имевшая какое-либо политическое значение, санкционировалась и затем детально контролировалась Политбюро и лично И. В. Сталиным. Пожалуй, это был период максимального ограничения самостоятельности органов государственной безопасности. Позднее, при Г. Г. Ягоде, Н. И. Ежове и особенно Л. П. Берии, органы в своей повседневной оперативной работе получили некоторую независимость, притом, впрочем, что Сталин всегда лично определял общее направление деятельности госбезопасности в СССР и за рубежом.

Во главе всего учреждения стоял председатель ОГПУ, действовала коллегия, куда входили два его заместителя и

начальники важнейших структурных подразделений. Помимо других функций коллегия ОГПУ имела права высшей судебной инстанции относительно всех сотрудников этого ведомства.

В конце 20-х годов управление, размещавшееся в Москве на Лубянке, составляло девять отделов: контрразведывательный, иностранный, секретный, особый, специальный, информационный, оперативный, восточный и отдел пограничной охраны. Кроме того, существовали два управления на правах отделов – экономическое и административно-организационное. В аппарат входили также вспомогательные части: комендатура, внутренняя тюрьма, фельдъегерский корпус, типография и др. В штате центрального аппарата, по словам Агабекова, состояло всего около двух с половиной тысяч человек, а агентура только по Москве превышала десять тысяч осведомителей.

Организация госбезопасности на местах повторяла структуру московского управления в уменьшенном масштабе. В республиках и центрах крупных регионов ОГПУ имело свои полномочные представительства, построенные по такому же принципу, с той лишь разницей, что здесь действовали отделения – филиалы московских отделов. Губернские, окружные и уездные органы ОГПУ подчинялись республиканским и территориальным представительствам.

Пост председателя ОГПУ с 1926 по 1934 г. занимал старый большевик, член партии с 1902 г. В. Р. Менжинский, работавший в органах с сентября 1919 г. Его первым заместителем был печально знаменитый Г. Г. Ягода, член РСДРП с 1907 г., впоследствии возглавивший Наркомат внутренних дел СССР. Из-за частых болезней Менжинского Ягода фактически руководил всей работой управления внутри страны. Вторым заместителем председателя ОГПУ являлся долгое время М. А. Трилиссер, тоже старый большевик, член партии с 1901 г. В конце 20-х годов он был смещен в результате интриги Ягоды, который видел в нем соперника, и заменен С. А. Мессингом, занимавшим до того должность уполномоченного ОГПУ по Ленинграду.

Контрразведывательный отдел вел борьбу с иностранным шпионажем внутри СССР, в частности, в сферу его деятельности входило наблюдение за всеми иностранцами, дипломатическими миссиями и коммерческими представительствами, а также перлюстрация корреспонденции, поступающей в страну из-за рубежа.

В ведение секретного отдела входили антикоммунистические организации и политические партии. Его шестое отделение осуществляло надзор за духовенством и вербовку агентуры в этой среде.

Особый отдел наблюдал за политическими настроениями личного состава вооруженных сил, курировал снабжение армии, охрану военных объектов и т. п.

[1] См.: Агабеков Г. ГПУ. Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 9, 18.

Специальный отдел обеспечивал охрану государственных тайн, осуществлял надзор за порядком хранения секретных документов и, что самое важное, ведал шифровальным делом. Он занимался перехватом иностранных шифров, расшифровкой корреспонденции и составлял шифры для всех советских учреждений как внутри, так и вне страны. Кроме того, отдел инспектировал тюрьмы и другие места заключения. Здесь же было сосредоточено изготовление необходимых для нужд разведки фальшивых документов. Ввиду особого значения специального отдела, а также в связи с тем, что его начальник Г. И. Бокий (член партии с 1900 г.) пользовался большим влиянием в руководстве партии, он фактически не подчинялся ни Менжинскому, ни Ягоде, а находился в ведении ЦК.

Отдел пограничной охраны управлял частями особого назначения ОГПУ, предназначенными для карательных функций, и пограничными войсками.

Оперативный отдел ведал организацией наружного наблюдения, причем его персонал (по дореволюционной терминологии – филеры) обслуживал все остальные отделы. Ему была подчинена также комендантская часть, в круг задач которой входило производство арестов, обысков и приведение в исполнение смертных приговоров.

Информационный отдел осуществлял секретный надзор за настроениями населения через сеть осведомителей из числа советских граждан. Здесь же были сосредоточены политическая цензура и перлюстрация корреспонденции, обращающейся внутри СССР.

Экономическое управление занималось борьбой с промышленным шпионажем, финансовыми и хозяйственными преступлениями.

Восточный отдел, в отличие от прочих, функциональных, можно было бы назвать национально-территориальным; в сферу его деятельности входил контроль за обеспечением государственной безопасности в азиатских республиках СССР и среди мусульманских национальных меньшинств.

Особое место занимал иностранный отдел во главе со вторым заместителем председателя ОГПУ и выделенный из общей структуры управления. Несколько лет во главе его стоял Трилиссер, с которым Агабеков работал в непосредственном

контакте. Отдел фактически руководил всей разведкой за рубежом. Конкретно это означало, что его сотрудники, добывая секретную информацию, доставляли материал для анализа политического, экономического и отчасти военного положения иностранных государств. Главным потребителем информации отдела были Всесильное Политбюро ЦК и лично Сталин. На базе сведений, доставленных разведкой, в значительной степени основывались внешнеполитические стратегия и тактика советского режима. Заметим, что специально военной разведкой в тот период ведало Разведывательное управление штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Его штатный аппарат за границей составляли военные атташе посольств, а нелегальная агентура вербовалась независимо от ОГПУ.

В иностранный отдел входили несколько секторов, работа которых была связана с различными регионами мира. Выполняя свои задачи, они действовали в двух направлениях. Во-первых, в каждом советском представительстве за границей был специальный сотрудник – резидент ОГПУ. Занимая официальный дипломатический пост, он в то же время руководил секретной агентурой. Как правило, резидентам предоставлялись должности вторых секретарей или атташе полпредств СССР. Однако в зависимости от ситуации резидент мог формально числиться в любом советском торговом или культурном учреждении. Их связь с Москвой осуществлялась через дипломатических курьеров Наркомата иностранных дел. Для этого резидент передавал запечатанный конверт с информацией полпреду, а тот, не знакомясь с текстом, отправлял его в конверте дипломатической почты. Адресована эта корреспонденция была "Историко-научному обществу" в Москве – этот наивный шифр означал заглавные буквы настоящего адресата – иностранного отдела ОГПУ на Лубянской площади.

Помимо резидентов, имевших дипломатический статус (они иногда даже работали под своими фамилиями), за границей действовала строго законспирированная секретная резидентура. Эти разведчики внешне никак не были связаны с СССР, в их задачу, в первую очередь, входила полная натурализация в стране. Они жили либо по фальшивым, либо по подложным документам других лиц и не поддерживали никаких явных контактов с советскими представительствами. Все связи с руководством иностранного отдела ОГПУ осуществлялись, как правило, по конспиративным каналам. В частности, для организации связи с резидентом в Стамбуле на советских торговых судах, курсировавших между Одессой и турецкой столицей, действовал специальный разъездной агент, который

под видом члена экипажа, находясь в городе, получал донесения советских разведчиков и передавал их в Москву. Аналогичная система существовала в других крупных портовых городах. Позднее эти каналы частично сменила радиосвязь. В некоторых случаях натурализовавшиеся резиденты пользовались и дипломатической почтой.

Основным методом работы секретных резидентов была вербовка людей, имевших доступ к секретной информации. Особое внимание чекистов при этом привлекали западные дипломатические миссии, и наибольших успехов ОГПУ достигло именно в перлюстрации дипломатической почты.

Агабеков подробно описал технику такой работы, практиковавшуюся в Иране, когда давал показания представителям западных спецслужб. Глава бельгийской разведки барон Ферхюльст сначала не поверил, что вся бельгийская дипломатическая почта в Персии перлюстрировалась ГПУ. По свидетельству барона, Агабеков в ответ на это предложил провести эксперимент. Ему был дан запечатанный и прошитый конверт, он вышел в соседнюю комнату и через полчаса вернул его в целости и сохранности, при этом сообщив точное содержание бывшего в пакете документа. Ферхюльст был буквально "покорен" высоким профессионализмом работы бывшего советского резидента². Для Интеллидженс сервис также было полной неожиданностью, что с 1926 г. советская разведка имела в своем распоряжении копии почти всех сообщений из Англии, адресованных в Тегеран и даже в Индию. Всего люди Агабекова, работавшие в Мешхеде, вскрывали ежемесячно свыше пятисот секретных дипломатических писем. Для англичан и бельгийцев это была весьма малоприятная новость, тем более, что им было вполне ясно – аналогичные службы ОГПУ успешно действовали в большинстве советских полпредств по всему миру. Советская разведка, видимо, затрачивала на подобные операции небольшие деньги. Во всяком случае, в Мешхеде за каждое переданное ОГПУ английское или персидское письмо местные почтовые чиновники получали всего два доллара, а за любое другое – один доллар. После того, как Агабеков раскрыл эту систему, англичане и их бельгийские коллеги смогли принять меры для прекращения систематической перлюстрации дипломатической почты.

Работа агентов, завербованных сотрудниками иностранного отдела, оплачивалась из специальных фондов ОГПУ. Бюджет отдела был строго засекречен и ежегодно утверждался в обход общепринятого порядка. Предполагаемая смета не поступала в Народный комиссариат финансов СССР, а направлялась

непосредственно в Политбюро Центрального Комитета партии. В 1929- 1930 гг. бюджет иностранного отдела составлял, к примеру, один миллион пятьсот тысяч долларов. Большая часть этих денег шла на оплату деятельности секретных резидентов. Каждый из них ежегодно отчитывался об истраченных суммах, прилагая расписки своих платных агентов. Именно таким резидентом в Стамбуле и был автор воспоминаний к концу своей работы в разведке.

Назначение Агабекова в Стамбул было связано с тем, что бывшего резидента Я. Г. Блюмкина, знаменитого участием в убийстве германского посла графа Мирбаха в 1918 г., отозвали в Москву. Сеть агентов ОГПУ на Ближнем Востоке осталась без руководителя. По указанию начальника иностранного отдела М. А. Трилиссера новый резидент должен был обратить особое внимание на палестинские события. Политическое руководство СССР намеревалось использовать столкновения между евреями и арабами в своих интересах. В зависимости от того, чью сторону в конфликте приняло бы британское правительство, Сталин планировал организовать поддержку другой стороны и тем самым закрепить свои позиции в стратегически важной Палестине на случай войны.

[2] См.: Б а ж а и о в Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., Инфодизайн, 1990. С. 269.

Агабеков прибыл в Турцию по подложным документам под именем персидского коммерсанта Нерсеса Овсепьяна и успешно натурализовался, используя в основном связи с армянскими купцами. Вообще в Стамбуле и его легальная, торговая, деятельность и работа конспиративная, разведывательная, были в значительной мере основаны на широких контактах с членами армянской колонии. Традиции взаимной поддержки и помощи землякам создали благоприятную почву для активной шпионской работы, получения разнообразной информации и вербовки агентов.

Состоятельный владелец экспортно-импортной конторы с обширными знакомствами, щедрый на угощения и обаятельный Нерсес Овсепьян налаживал работу своего предприятия, вел переписку с различными торговыми фирмами Европы и изучал местный турецкий рынок. А секретный резидент Георгий Агабеков не менее успешно работал над организацией нелегальной агентуры, создал на конспиративной квартире подпольную фотолабораторию, планировал наладить прямую радиосвязь с Москвой, завербовал несколько новых агентов среди стамбульских армян, не раскрывая при этом своей связи с советской разведкой. Казалось бы все шло вполне благополучно,

но 19 июня 1930 г., получив предварительно французскую въездную визу, Агабеков покинул Турцию и бежал, окончательно порвав с ОГПУ. Этот поступок имел несколько причин. Сам Агабеков писал, что такой шаг был вызван, в первую очередь, политическими соображениями. По его словам, ему еще в Москве постепенно становился ясным агрессивный характер сталинской внешней политики, грубая политическая демагогия и подтасовка фактов во внутрипартийной борьбе, в частности, в борьбе сталинистов с Троцким, полная противоположность официальной коммунистической идеологии и реальной жизни.

Агабеков утверждал, что каждый руководитель-коммунист и, в первую очередь, такие чекисты, как Ягода, Петере, чины ОГПУ поменьше, дипломаты – все с кем он сталкивался – стремились к личному благополучию, роскоши, обогащению и, главное, упрочению личной бесконтрольной власти, лишь прикрываясь партийными лозунгами, которые превратились в официальную догму. Голод в России и насильственные методы Центрального Комитета партии по осуществлению программы первой пятилетки, как подчеркивает автор мемуаров, стали для него главным фактором, определившим решение порвать с советской системой.

Возможно политические мотивы для Агабекова играли определенную роль. Во всяком случае, он утверждал, что в начале своей чекистской карьеры был преданным, вполне ортодоксальным и искренним коммунистом. У нас нет формальных оснований не верить в это. За десять лет работы в ВЧК – ОГПУ он увидел подлинное лицо режима, который постепенно формировался в стране и вскоре получил логическое завершение в сталинском тоталитарном государстве. Так или иначе оценки Агабекова безнравственной атмосферы, лжи, жестокости и стяжательства, царивших в среде "власть имущих", не могли появиться из ничего – он многое знал, многое должен был обдумать и постепенно переоценить. Его саркастические характеристики коллег, безусловно, вполне откровенны. Явно антисоветская и антикоммунистическая направленность мемуаров Агабекова не могла быть только результатом смены конъюнктуры, желанием показаться на Западе идейным врагом советской власти. В их основе, видимо, заложена личная позиция автора. В то же время сам материал воспоминаний дает основание сомневаться в полной искренности и нравственных принципах бывшего чекиста. Достаточно упомянуть описанную им в третьей главе мемуаров первую самостоятельную операцию в качестве сотрудника ЧК – "Агентурное дело "Люся". Без особых сомнений Агабеков буквально отправил на расстрел (вспомним,

что речь идет о 1920 г.) близкую ему молодую женщину, хотя какой-нибудь серьезной опасности для "дела революции" она не представляла.

Конечно, немаловажную роль в бегстве Агабекова сыграл личный мотив. Автор интереснейшей монографии "81огту-ре(ge1'5" ("Буревестники"), в русском переводе названной "Судьба советских перебежчиков"³, Гордон Брук-Шеперд вообще считает его единственным. Однако внимательно и беспристрастно оценивая личность Агабекова, с ним нельзя согласиться. Любовная история Агабекова в двух словах такова. Намереваясь усовершенствовать свой английский язык, он стал брать уроки у младшей дочери английского чиновника, служившего в стамбульской конторе британского пароходства – двадцатилетней Изабел Стритер. Между учеником, которому было тогда 34 года, и его молодой учительницей возник роман. Семейство Стритеров было категорически против этой связи. В январе 1930 г. Агабеков раскрыл возлюбленной свою настоящую профессию, но она, несмотря на это, не отвергла его, и они решили во что бы то ни стало соединить свои судьбы. Тогда же Агабеков впервые попытался наладить контакт с британской секретной службой, но только три месяца спустя Интеллидженс сервис проявила к нему интерес.

[3] Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков// Иностранная литература. 1990. No 6- 8.

Тем временем семья Стритеров, чтобы прекратить всякие отношения дочери с Агабековым, отправила ее к сестре в Париж. Туда же 26 июня 1930 г., спустя четыре дня после нее, прибыл теперь уже бывший резидент ОГПУ. Решительный шаг был сделан. Поначалу Агабекову не удалось наладить плодотворные связи с западными разведками. В августе 1930 г. французские власти выслали его в Бельгию, под фамилией Арутюнов он поселился в Брюсселе. Очевидно причиной высылки послужила антисоветская статья Агабекова в издававшейся П. Н. Милюковым газете "Последние новости". Французы, вероятно, не хотели дипломатических осложнений с СССР. Брук-Шеперд считает, что Агабекова выслали, в основном, из-за Стритеров, так как мать Изабел обратилась к английскому консулу в Париже с просьбой помочь оградить ее дочь от настойчивого поклонника. Впрочем, вряд ли это произошло бы в том случае, если бы бывшим чекистом заинтересовалась французская контрразведка. В Брюсселе, наконец, налажился контакт с англичанами. Он сумел доказать, что его информация представляет серьезный интерес. Основным условием сотрудничества Агабеков назвал содействие английских властей его женитьбе на Изабел и в этот раз

отказался от денежного вознаграждения. Английская секретная служба выполнила условие Агабекова, но встретиться влюбленные смогли только в ноябре 1930 г. К этому времени Изабел уже достигла официального совершеннолетия и при содействии британского консула в Стамбуле получила паспорт. Вскоре после приезда Изабел состоялась свадьба.

Помимо романтических мотивов и соображений политического характера разрыв Агабекова с ОГПУ имел, на наш взгляд, и вполне рациональную подоплеку. В аппарате ОГПУ, в этот период происходили серьезные изменения. Смещены были Трилиссер и еще несколько видных чекистов. Агабеков чувствовал угрозу вызова в Москву и опалы. Бажанов, бывший секретарь Сталина, бежавший из СССР 1 января 1928 г. и встречавшийся с Агабековым вскоре после приезда того в Париж, писал об этом вполне определенно. По его словам, стамбульский резидент сильно подозревал, "что если его отзовут в Москву, то это для того, чтобы его расстрелять"⁴. Кроме того, Агабеков получил от своих армянских друзей сведения о том, что турецкая тайная полиция негласно наводила о нем справки. Видимо, все это сыграло не последнюю роль в принятии решения о бегстве.

В предисловии к своей книге Агабеков говорил, что его "основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием секретный аппарат ГПУ за границей". Безусловно, при этом он несколько преувеличивал свои возможности, так как не мог обладать всей исчерпывающей информацией о советской заграничной агентуре. Он утверждал, что достиг поставленной цели, но это справедливо лишь отчасти. Парализовать деятельность всей разведки один человек, какими бы сведениями он не владел, конечно, не мог. Тем не менее информация, переданная Агабековым британской, бельгийской, румынской и другим разведывательным службам, нанесла весьма ощутимый урон работе ОГПУ.

[4] Бажанов Б. Указ. соч. С. 268.

В Москве, чтобы предотвратить возможные последствия бегства Агабекова, незамедлительно предприняли кое-какие упреждающие действия. Брук-Шеперд приводит полученные в архивах британской секретной службы свидетельство об этом. Уже 2 июля 1930 г., т. е. спустя восемь дней после того, как Агабеков приехал в Париж и стало известно о его измене, административный центр ОГПУ, который действовал в советском посольстве в Берлине, получил шифрованное распоряжение отозвать в Москву десять агентов, известных перебежчику. При этом надо заметить, что свои показания английским разведчикам Агабеков начал давать систематически только в октябре 1930 г.

Можно предположить, что бюрократические проволочки Интеллидженс сервис, связанные с выполнением поставленных Агабековым условий, несколько ослабили удар, который был нанесен советской разведке его разоблачениями. Ее агентура получила время для перестановки кадров. Но вполне эффективно воспользоваться этим временем ОГПУ не сумело, возможно недооценивая информированность своего бывшего резидента, а скорее всего избрав по решению Сталина другой, излюбленный им путь – физическое устранение противника. Вероятно, это было ошибкой. Поскольку Агабекову успешно удалось бежать и вступить в контакт с западными разведками и прессой, для того чтобы свести к минимуму ущерб, нанесенный его информацией, ОГПУ необходимо было действовать в двух направлениях. Во-первых, по возможности предотвратить провал агентурной сети и, только во-вторых, устранить его лично. Очевидно, чекистам следовало детально проанализировать служебные контакты и связи Агабекова за весь период его работы в иностранном отделе, отозвать или переместить всех известных ему лично резидентов и тем самым ограничить масштабы провалов. В этом плане советская разведка оказалась не на высоте, о чем свидетельствует, в частности, дело Пирковича-Шульмана. В ноябре 1931 г. Агабеков оказался в Австрии. Незадолго до этого в Вене был убит видный австрийский коммунист и агент ОГПУ Зиммельман. Арестованный полицией убийца утверждал, что он югославский гражданин по фамилии Пиркович. Австрийская секретная служба обратилась за содействием в проведении следствия к Агабекову, и тот опознал в Пирковиче агента ОГПУ Шульмана, с которым был близко знаком по работе в Москве. Этот эпизод лишь незначительная частность на фоне того, что раскрыл Агабеков сотрудникам Интеллидженс сервис во время бесед в штаб-квартире бельгийской разведки в Брюсселе. Им были названы имена десятков агентов в различных странах Европы и Азии. В значительной степени нелегальная сеть ОГПУ была дезорганизована и требовала замены. Кроме того, Агабеков передал английской секретной службе данные о многих агентах ОГПУ, действовавших под дипломатическим прикрытием в советских представительствах, консульствах и миссиях за рубежом. Возможно, разоблачения Агабекова для советской разведки означали крупнейший провал за все довоенные годы.

Физическое устранение изменившего резидента, после того как он передал информацию западным секретным службам, в общем не имело принципиального значения. Но помимо мотива мести отступнику, который нельзя, конечно, сбрасывать со счетов, в убийстве Агабекова для ОГПУ был также и определенный

"деловой" смысл. Неотвратимость карающей руки органов должна была предостеречь всех чекистов-разведчиков от попытки повторить шаг стамбульского резидента. Однако и здесь ОГПУ ожидал ряд серьезных неудач. Охота за Агабековым затянулась на несколько лет и стоила больших затрат. В ходе ее беглец неоднократно проявлял свои уникальные профессиональные качества разведчика, упреждая действия противника и уходя живым от преследования казалось бы всемогущего ведомства.

Сложность расправы над Агабековым для чекистов заключалась в том, что по распоряжению самого высокого начальства – Г. Г. Ягоды и, вероятнее всего, лично И. В. Сталина первоначально предполагалось захватить его живым. Возможно, над предателем святая святых – органов госбезопасности хотели устроить нечто вроде аутодафе, зрителями которого стали бы сами чекисты. Для них это было бы устрашающим уроком верности. Небезынтересны для ОГПУ были, конечно, и сведения Агабекова о западных секретных службах, в особенности об английской Интеллидженс сервис.

Для того, чтобы похитить Агабекова, Москва разработала сложную операцию, которая впоследствии получила в западной прессе название "Дело Филомена". При подготовке плана похищения руководители ОГПУ ловко использовали случайно подвернувшееся им прикрытие, которое должно было ввести в заблуждение бывшего стамбульского резидента. Один из российских эмигрантов греческого происхождения некий Нестор Филия предпринимал безуспешные попытки вызволить из Советской России оставшихся в городе Николаеве жену и дочь. Он сумел заинтересовать в этом несколько "деловых" людей, что было не сложно, так как мадам Филия имела на своем личном счету в одном из швейцарских банков огромный вклад – 100 миллионов швейцарских франков. Пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что этот вклад действительно существовал. Среди тех лиц, которых Филия привлек к своему делу, были инженер француз Лекок и агент ОГПУ грек Паниотис, живший в Париже. Последний связался со своим руководством в Москве и информировал начальника иностранного отдела С. А. Мессинга о предложении Филии помочь ему вывезти семью из СССР. Как раз в это время органы искали любую возможность для того, чтобы похитить Агабекова и решено было использовать Филию как прикрытие. По плану советской разведки бывшего резидента необходимо было привлечь к организации бегства мадам Филии. Это удалось после того, как Агабеков убедился в подлинности истории Нестора Филии и существовании баснословного счета. Кстати, последнее ему конфиденциально подтвердил еще один

агент ОГПУ, скрывавшийся под видом швейцарского банкира Отто Йегера. В задачу Агабекова входило встретить беглянок в болгарском порту Варна и организовать их переезд в Париж. За это ему была обещана крупная по тем временам сумма – 2 тысячи фунтов стерлингов. Чекисты намеревались заманить своего бывшего коллегу на борт судна, прибывшего из Одессы в Варну, там схватить и переправить в СССР. Однако болгарская тайная полиция, хорошо осведомленная о личности Агабекова-Арутюнова и, вероятно, имевшая какую-то информацию о предполагаемом похищении, не объясняя причин, предложила ему немедленно покинуть страну. Оказавшись снова в Брюсселе, Агабеков передал все сведения о неудавшемся предприятии своим партнерам из английской секретной службы. Видимо, это был шаг предосторожности – опытный разведчик интуитивно почувствовал какой-то подвох во всем этом деле. Тем не менее он согласился предпринять еще одну попытку. На этот раз предполагалось использовать как базу операции румынский порт Констанца. ОГПУ тщательно готовилось к похищению. В Марселе было зафрахтовано греческое судно "Елена Филомена". По его названию впоследствии получила в газетах наименование вся эта авантюра. Официально фрахт на шесть месяцев осуществлял Совторгфлот, но капитан грек Катаподис был посвящен в дело, причем ему обещали выплатить огромную сумму – 8 тысяч фунтов стерлингов в случае успеха. Семеро из двадцати членов команды "Филомены" уже в Марселе были заменены агентами ОГПУ.

Агабеков, одновременно с Лекоком, также действовавшим по заданию чекистов, прибыл в Констанцу в самом конце декабря 1931 г. Здесь Лекок представил предполагаемой жертве еще одного компаньона – болгарина по фамилии Цончев. На самом деле это был сменивший Агабекова в Стамбуле резидент ОГПУ, руководитель сети советской разведки в Турции. С этой минуты Агабеков не сомневался в том, что все дело Филии – провокация советской госбезопасности с целью его выкрасть или убить. Он точно догадался об этом по внешнему облику Цончева и его манерам.

9 января 1932 г', в Констанцу прибыла "Филомена". На ее борту находился агент ОГПУ Г. Алексеев (кличка "Триша"), которому была отведена роль исполнителя похищения или, в зависимости от обстоятельств, убийства. Но ни 10, ни 11 января чекистам не удалось убедить бывшего резидента подняться на борт судна – он все понял, но не предпринимал тем не менее никаких шагов. Видимо, для Агабекова не было секретом постоянное наблюдение румынской тайной полицией, под

которым он находился с момента пересечения границы. Румынская секретная служба – Сигуранца – также как ее болгарские коллеги хорошо знала Агабекова. Однако ее действия были куда более решительные. Вечером 11 января агенты Сигуранцы схватили с поличным "Гришу" у ресторана "Юбилейный" в тот момент, когда он пытался выстрелить в Агабекова. Тогда же была конфискована "Филомена", арестована ее команда во главе с капитаном, задержаны Цончев и Лекок. Началось следствие, в ходе которого были разоблачены несколько советских агентов в Стамбуле, Бухаресте и других европейских столицах. Кстати, все задержанные румынами сотрудники ОГПУ, почти не запираясь, сразу же начали давать показания и называть фамилии известных им сообщников. В расследовании приняли участие полиции шести стран Европы. Громкое "Дело Филомена" стало известно газетчикам всего мира, общественное мнение западных стран было привлечено к этой скандальной истории, причем ОГПУ предстало в самом неблагоприятном свете. Конечно, советская пресса ни словом не обмолвилась о скандале в Констанце.

Агабеков на короткое время стал знаменитостью и оказался в связи с этим недосыгаем для советской разведки – его жизнь на какой-то срок была в безопасности. Неприятности, связанные с "Делом Филомена", на этом для ОГПУ не кончились. Судно капитана Катаподиса в начале 1934 г. было зафрахтовано, на этот раз уже на самом деле, Совторгфлотом и с грузом леса пришло в египетский порт Александрию. Здесь капитан заявил, что продаст советский лес с аукциона в свою пользу в счет ущерба, нанесенного ему ОГПУ из-за неудачного похищения Агабекова. Снова начался судебный процесс и опять в газетах Европы и Ближнего Востока замелькали фамилии агентов ОГПУ. Для престижа ведомства и для его нормальной оперативной работы в ближневосточном регионе и на Балканах это была весьма нежелательная огласка. Таким образом, Агабеков с помощью румынской тайной полиции сумел избежать похищения и нанести ощутимый урон советской разведке.

История с неудавшейся попыткой нелегально вывезти двух советских гражданок с территории СССР обернулась неожиданными осложнениями и для самого Агабекова – Арутюнова. Бельгийские власти вынесли решение о том, что участие в подобной аванюре несовместимо с его прибытием в стране и, несмотря на попытки главы секретной службы Бельгии барона Фельхюста отменить высылку, чекист-перебежчик был вынужден покинуть бельгийскую столицу и обосновался в Германии.

Как утверждает Брук-Шеперд, незадолго до переезда в Германию бывший начальник восточного сектора иностранного отдела ОГПУ стал фактическим агентом британской секретной службы. Чем конкретно он занимался в этом новом для себя качестве – неизвестно. В Берлине Агабеков имел некоторые деловые связи – именно здесь в 1930 г. он издал на русском языке свою первую книгу "ГПУ. Записки чекиста". О деятельности Агабекова в Германии мы, к сожалению, ничего не знаем. В апреле 1936 г. завершилась история его романтической любви. Он разошелся с Изабел, которая вернула себе девичью фамилию и уехала в Англию. А органы тем временем не оставляли намерений ликвидировать перебежчика. Охота за ним продолжалась.

Обстоятельства гибели Агабекова до сих пор точно не установлены. Брук-Шеперд выяснил, что в 1937 г. во время гражданской войны в Испании Агабеков через агента НКВД5 Зелинского был вовлечен в осуществление операции по вывозу художественных ценностей из этой страны.

Дело заключалось в следующем – по инициативе НКВД специальные службы Испанской республики организовали широкомасштабные акции по разграблению монастырей, церквей и частных коллекций. Изъятые произведения искусства переправлялись через французскую границу, а затем поступали к перекупщикам антиквариата в Европе. Значительная часть вырученных таким образом средств шла на оплату советской помощи испанским республиканцам. Прельстившись большими комиссионными, Агабеков принял участие в этой незаконной и нечистоплотной аванюре. Осторожность на этот раз изменила ему – очевидно, что он не мог не догадываться о том, кто стоит за спиной испанцев и тем не менее согласился. В его задачи входило получение ценностей на границе и наблюдение за их транспортировкой на территории Франции. Летом 1937 г. Агабеков поселился в приграничном районе и в августе был убит в горах при загадочных обстоятельствах. Подробности убийства не известны, но и Бажанов и Брук-Шеперд утверждали, что спустя семь лет после бегства его настигла в Пиренеях месть советской госбезопасности. Труп Агабекова был обнаружен на испанской территории через несколько месяцев после убийства.

В июле 1936 г. по постановлению ЦИК СССР органы госбезопасности вошли в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР.

вой записки Г. Агабеков начал в Стамбуле незадолго побега. Их публикация на Западе должна была в какой-то степени обезопасить автора от немедленной расправы со стороны ОГПУ.

Гласное разоблачение методов работы этого учреждения за границей действительно серьезно осложнило задачу по ликвидации бывшего резидента. Это был испытанный и единственно верный способ избежать убийства из-за

Им же воспользовался бежавший в начале октября г. с территории советского посольства в Париже полпред 3 во Франции Г. Беседовский, который сразу же после побега опубликовал серию на шумевших статей в крупнейшей британтской газете "Последние новости". История Беседовского была отлично известна Агабекову. Через несколько дней после того, как ОГПУ в Москве узнало о парижском инциденте с Беседовским, начальник иностранного отдела Трилиссер послал Агабекова и именно ему поручил ликвидацию бежавшего советского дипломата. Однако очень скоро планы ОГПУ отменены по решению Политбюро ЦК партии, которое азрешило провести намеченную операцию. По словам Агабекова, "вследствие опубликованных Беседовским разоблачений, убийство теряло смысл, могло поднять большой шум вызвать дипломатические осложнения"⁷. Видимо, Агабеков решил использовать опыт своей несостоявшейся жертвы, записки он не решился везти в Париж сам, ее доставила туда Изабел Стритер. Через мужа сестры Изабел, английского дипломата Чарльза Ли, Агабеков попытался было предложить ее для издания в Лондоне, запросив при этом 10 тысяч фунтов стерлингов, но Ли отказался иметь дело с возлюбленным Изабел. Записки на русском языке были очень скоро изданы в Берлине. Этот вариант мемуаров состоял из частей – в первой автор дал общую характеристику организации и методов ОГПУ, а вторая содержала собственно воспоминания о работе в этом учреждении. Кстати, машинописная копия рукописи этой книги хранится в составе недавно рассекреченных материалов Русского заграничного исторического архива в Праге в ЦГАОР СССР (фонд 5881, опись 1, 701). Заметим попутно, что в справочных документах Агабеков именуется не иначе как "белоэмигрант". Применим ли этот термин к человеку, свыше 10 лет служившему в ЧК, состоявшему членом коммунистической партии и ставшему перебежчиком только в 1930 г. Вслед за берлинским изданием мемуары Агабекова вышли в Париже на французском языке, а несколько позднее в – переработанном и дополненном виде были опубликованы на английском .

Бажанов Б. Указ. соч. С. 269. Агабеков Г. Указ. соч. С. 233.

Второй, значительно более полный вариант воспоминаний, вышел в берлинском издательстве "Стрела" в 1931 г. Его мы и предлагаем вниманию читателей.

Необходимо сказать несколько слов об особенностях книги. Не вызывает сомнения, что факты, изложенные в ней, соответствуют действительности. Об этом говорит, в первую очередь, то, что никаких опровержений или разоблачений автора во лжи со стороны официальных советских источников не последовало. Полностью подтверждают верность изложения событий Агабековым воспоминания другого перебежчика – Бажанова. Эпизод описания бегства последнего в XVII главе книги Агабекова буквально совпадает с главой XVI мемуаров Бажанова. Сопоставление двух текстов дает интересную возможность проследить развитие событий с двух противоположных точек зрения – преследователя и преследуемого.

Вообще содержание мемуаров свидетельствует в пользу их искренности. Достаточно сказать, что Агабеков не умолчал даже о самых непривлекательных сторонах своей деятельности в качестве агента ОГПУ. Он прямо пишет о провокациях, предательстве, подкупе и шантаже. Таковы всегда были методы разведки, и ОГПУ в этом плане, естественно, не изобрело ничего нового. Сам стиль воспоминаний, несмотря на некоторую их беллетризацию, весьма непритязателен – автор просто пишет о повседневной работе разведчика без каких-либо попыток придать ей романтический ореол. Больше того, в изложении профессионала будничная работа даже кажется иногда несколько рутинной. Это нашло отражение и в языке мемуариста – он лаконичен, в тексте почти отсутствуют описания, для передачи содержания бесед и деловых переговоров использована форма прямых диалогов, восстановленных автором по памяти. Агабеков подчеркивал, что он отнюдь не профессиональный литератор, а его мемуары не предназначены для развлечения широкой публики. Автор стремился к краткой передаче фактического материала, который должен был стать документальным свидетельством о деятельности ОГПУ.

Основное содержание книги Агабекова – описание операций, которые он проводил сам лично или которыми руководил в качестве резидента. Исключение составляет глава "Живой помер", посвященная известному авантюристу Я. Блюмкину, которого Агабеков сменил на посту нелегального резидента в Стамбуле. Блюмкин играл видную роль в советской разведке на Ближнем Востоке, в 1929 г. за связь с троцкистами был приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу. Агабеков добросовестно передал все, что ему было известно об обстоятельствах этого дела.

Говоря о достоверности воспоминаний, необходимо отметить заявление, которым автор предварил первую их публикацию. В предисловии к книге "ТПУ. Записки чекиста" он л: "Я ставлю

своей задачей объективную передачу фактов, участником и непосредственным свидетелем которых я был. "Заинтересованные державы могут свободно их проверить", более конкретную формулировку содержит предисловие настоящей книги, где Агабеков говорит, что, ручаясь за достоверность фактического материала, он "готов дать объяснения и нести ответственность перед любым заинтересованным правительством или лицом". Эта фраза, напоминающая более юридическое обязательство нежели литературный антураж, на наш взгляд, во многом определяет характер книги. Зрук-Шеперд, вообще склонный романтизировать личность Агабекова, назвал его "шекспировским героем"⁹, в действительности в нем сочетались диаметрально противоположные качества – он был эмоционален, смел, склонен к риску, умел влиять на людей и, в то же время, расчетлив, повосточному хитер, неразборчив в средствах при достижении цели. При этом, видимо, деньги не играли в его жизни главной роли – главное было победить противника кем бы тот ни был. Агабеков в своих записках составил автопортрет человека эпохи революции, когда сломаны нравственные принципы, рушены привычные моральные устои и на смену им пришла всеобщая ненависть, отчаянная борьба за выживание всех против всех. Бажанов, впрочем мемуарист небеспристрастный, охарактеризовал личность Агабекова несколько иначе, чем английский ученый. Он писал: "У него вид и психология типичного чекиста"¹⁰.

Мемуары Агабекова уникальный документ, рассказ очевидца о строго засекреченных страницах отечественной истории, которые сегодня в условиях гласности, наконец, приоткрываются перед советскими читателями. Издатели сочли необходимым снабдить текст воспоминаний комментариями и, по возможности, дать необходимую дополнительную информацию об авторе.

А. В. ШАВРОВ, кандидат юридических наук

[8] Агабеков Г. Указ. соч. С. 5.

[9] Брук-Шеперд Г. Указ. соч.//Иностранная литература. С. 249. 10 Бажанов Б. Указ. соч. С. 268

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В середине прошлого года я открыто порвал с ГПУ, где я работал в течение 10-ти лет непрерывно. Не будучи уверен, что я останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно руководителям ГПУ, я составил записки о деятельности ГПУ во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием секретный аппарат ГПУ за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех агентов ГПУ во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои "записки" достигли поставленной цели. Часть агентуры ГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: "разоблаченный агент теряет всякую ценность". В аппарате иностранного отдела в Москве вождям ГПУ также пришлось произвести массовые пертурбации. Разоблаченные резиденты ГПУ уже не могли быть использованы для заграничной работы. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ГПУ боялись, что, вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом, иностранный отдел ГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, в течение какового времени сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет, и ГПУ приступило к подготовке новых резидентов, которые должны снова начать прясти свою шпионскую сеть по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ГПУ,- комплектование работников ГПУ и методы работы чекистов за границей. Я обещал это сделать в своей ой книге, но это мне не удалось по ряду причин и я стараюсь сдержать свое обещание выпуском настоящей книги. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их узнает, встретив на своем жизненном пути.

В этой книге, так же как и в первой, я привожу исключительно фактические данные, по которым я готов дать объяснения и нести ответственность перед любым

заинтересованным правительством или лицом.

Глава I. КОММУНИСТЫ В ЧК

"Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России – теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт – фронт трудовой: для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и гражданской войны...",- монотонно, по складам читал политрук передовицу екатеринбургской газеты "Уральский рабочий"¹ сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты – политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (Внутренней службы)². Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то, что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, 24-летний юнец, будучи военкомом батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть окоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубашке с разносной книгой в руке.

– Вам срочный пакет из губкома, товарищ комиссар, распишитесь,- обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет. Члену РКП (б) тов. А...

получением сего предлагается Вам немедленно явиться в губком партии РКП (б) к заведующему учраспредом³ тов. ...",- пробежал я письмо. Зачем это я понадобился в губкоме? Наверно, опять опять сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже – руководить субботником",- подумал я, пряча отношение в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм, и я решил сходить туда до конца занятий и узнать в чем дело, за десять минут я уже был в губкоме, дождавшись очереди, подошел к заведующему учраспредом и протянул ему письмо.

– А! Тов. А... по постановлению губкома вы направлены в распоряжение губчека, где срочно требуются сотрудники-

коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую вам завтра же с утра явиться в распоряжение губчека,- сказал заведующий и вслед за этим повернулся, и начал говорить со следующим посетителем.

Я медленно отошел от него и, выйдя из губкома, направился в казарму. Занятия шли к концу, но они меня уже перестали интересовать. Я даже забыл о предстоящем горячем кипятке. Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о которой много слышал, как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции.

О которой все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,

В губчека попадешь, не воротишься...

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. У меня мелькнула мысль: "А что я там буду делать? Ведь я в сущности только старый солдат, несмотря на 24 года, и ничего кроме войны не знаю. Может, мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь там, говорят, расстреливают десятками каждую неделю. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу военкома батальона? А, впрочем, завтра увидим!".

К 9 часам следующего утра я уже подходил к зданию Чека, помещавшемуся на Пушкинской улице. Широкое двухэтажное деревянное здание. У входа стоит часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и пашкой. Я медленно направляюсь ко входу.

– Пропуск, товарищ! – спрашивает часовой у меня.

– У меня еще нет пропуска, я только что назначен в ЧК,- отвечаю я неуверенным голосом.

– Третья парадная налево, в комендатуру. Там спроси пропуск,- указывает мне часовой.

Подхожу к комендатуре. Дверь наверх и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. "Это, наверное, подвал губчека",- думаю я и, отвернувшись, быстро вхожу в комендатуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высунувшаяся рука возвратила мне бумагу и пропуск.

– 2-й этаж, комната 8, к тов. Корякову,- дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к большому зданию. Часовой,

осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий коридор, освещенный электрической лампочкой. По бокам коридора двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. "Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией",- читаю я на двери. Значит сюда. "Входи",- слышу голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более 5 кв. метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, какой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет 26 с папахой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и кольт, висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

– В чем дело, товарищ? – спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать. Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

– Пойди сюда! Смотри! – подозвал он меня.- видишь того буржуя в черной шубе? – спросил он. Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному тротуару.

– Вижу,- ответил я.

– Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до 12 часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях,- прибавил он.

– Да, но я командирован...- начал было я.

– Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказывают, товарищ! – скомандовал он.

Я подумал, что, пока я буду спорить, человек на улице уйдет и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился

– Стой, товарищ! Пропуск! – остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

– Проходи!

И я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротом. Он шел спокойными шагами, не обращая на

меня никакого внимания. Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где, как правило, шпики следили за своими жертвами незаметно для них, и также, чтобы не быть замеченным своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел противоположную сторону улицы. Так мы шли минут пять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту, я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре, разговаривающим с другими посетителями, которые, обращаясь к нему, называли его "товарищ заведующий", так, это был заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу, и, вероятно, он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4 часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к председателю домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Покончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего "буржуя". Он, видимо, был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же, как проклятый, ждал его до 12 часов ночи на морозе не евши. В полночь я, околоченный, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в губчека в комнате No 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, одетом на русскую рубаху.

– А, здорово, товарищ! Ну, как дела? – обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке.

– Вот, товарищ Коряков, губком прислал нам нового работника. Парень ничего, шустрый.

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Ознакомившись с моими бумагами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

– Вот, товарищ А... заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите,- сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать:

"Я... сотрудник Екатеринбургской губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и ее органов. Обязуюсь сообщать о всем слышанном и замеченном, могущем принести вред советской власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания -

расстрелу".

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и иску. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на которой старательно вывел: "Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова". И также аккуратно, открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в Ч К. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить. Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница! . Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом.

Глава II. Проверка чекистов

Это было месяц спустя, после того как я был назначен в губчека. Благодаря моей, сравнительно с другими грамотности, мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван уполномоченным Коряковым.

– Вот, товарищ А... Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочок бумаги с адресом одного лица, живущего здесь в Екатеринбурге, и пароль "Сибирь тезка Уралу". На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы решили послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить в чем дело. Вы не побоитесь принять эту задачу на себя? – Спросил он.

– Нет, конечно,- ответил я,- но я бы хотел знать больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасться впросак.

– Других данных, кроме того, что я сказал, нет. При нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. кстати, имеете ли вы револьвер?

– Да, наган всегда при мне,- ответил я.

– Так и прекрасно, товарищ! Вот вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

– Здесь живет гражданин П.? – спросил я.

– Да. Пожалуйста, входите,- любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. "Странно,- подумал я,- зачем у контрреволюционера висит Маркс? Наверно, чтобы лучше себя замаскировать",- ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно

посмотрел на меня. Я, также ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бумаги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

– А, наконец-то, вы приехали. А мы вас ждали раньше. Что так задержались? – спросил он, держа в руках пароль.

– Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят,- ответил я.

– Да, да! Ну, ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе,- предложил он, надевая шубу.

Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидел, что он перекладывает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что если он угадал, что я не тот, за кого себя выдаю. Что если он меня пристрелит здесь на окраине города, и концы в воду...

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройти к чернеющему недалеко лесочку.

– Нет, уединяться опаснее,- возразил я,- лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.

А сам думал: "На главных улицах он не посмеет стрелять".

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу.

По ходу он задавал вопросы о состоянии "нашей организации" в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать.

В свою очередь я начал расспрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

– О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати,- продолжал он,- вы приготовили тезисы вашего доклада на съезде?

– Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее,- ответил я, а сам подумал: однако дело серьезное; собирается какой-то съезд".

– Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером при новой встрече,- предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. Я поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения, и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

– Прекрасно, продолжайте,- сказал Коряков, потирая руки.- Я

заготовлю тезисы к завтрашнему дню,

вы их передадите ему. В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше времени.

Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем была прекрасно сшитая кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне.

– Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в 9 часов вечера быть у городского театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти автомобиль, который остановится около вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: "Светло", на что он ответит: "Но холодно". Тогда спокойно садитесь в машину и вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше. "Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно", – решил я и, несмотря на поздний час, направился прямо в губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому начальнику секретно-оперативной части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

– Войдите! – ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под 40, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в губчека.

– В чем дело, товарищ? – обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контрреволюционеров.

– Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову, и он примет меры, – сказал он и, поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

– Подожди,- окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик.- Хочешь выпить? – спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом. Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил. Долгое время, кроме того, я не кушал в этот день. Спирт ударил мне в голову; я зашатался.

– Что, слаб ты, я вижу, по этой части? – сказал Хромцов, ухмыляясь.- На, закуси, пройдет. И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе так же хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контрреволюционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с приготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты No 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая в чем дело, обвел взглядом комнату, и о, ужас: за столом напротив Корякова сидел мой таинственный "организатор съезда", усмехался.

– Вот, познакомься,- продолжая смеяться, обращался ко мне Коряков.- Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь ли, мы просто организовали твою эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышишь. А теперь давай примемся взаправду за работу по борьбе с контрреволюцией.

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

Глава III. Агентурное дело "Люся"

На окраине города Екатеринбурга большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими же древними и крепкими, как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а ставшиеся несколько старушек переселились в маленький флигелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров, и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то, что рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном из монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были, главным образом, мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья, как эти старые маленькие комнатки, служившие, видимо, кельями прежним обитателям.

В этом же флигеле жила молодая девушка Люся с маленьким братом. Потерявшая во время гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я, видимо, также был для нее не безразличным, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала 3/4 фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме, и часто сидел в задумчивости.

– Что ты все думаешь? – как-то спросила Люся в один из таких моментов.

– Да так, дела,- ответил я уклончиво.

– Я вообще замечаю, что ты в последнее время что-то много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи в чем дело? – продолжала она.

– Ах, что говорить! Все равно ведь не сможешь помочь!

– А может быть, и смогу. Я ведь не такая уж дура, говори в чем дело. Заговор какой-нибудь, что ли? – просила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

– Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых ли красных?

– Как тебе сказать,- задумчиво ответила она,- к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой.

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более – чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее информаторы ЧК.

– Скажи, верно ли я угадала, что ты подготавливаешь восстание. Я ведь тоже могу помочь в этом деле,- продолжала она.

– А чем ты могла бы помочь? – задал я вопрос.

– А что нужно! Я же не знаю. Скажи, что нужно прислать? – приставала она.

– Ну, что бывает нужно для восстания? – уже равнодушно говорю я.- Конечно, люди, деньги и оружие.

– Я могу помочь тебе людьми,- вдруг выпалила на.

– Как, какими людьми? – в тревоге спросил я.

– Видишь ли,- начала она,- здесь в лесах сейчас скрываются очень много красноармейцев-дезертиров, это в большинстве крестьяне из окрестных деревень, их мобилизовали в армию и хотели отправить на польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! Если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их также возненавидел, как я,- продолжала она.- Их сейчас в лесу около 50 человек. Они хотят подобрать еще человек 50, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается, тут у меня

под боком организовывается банда для борьбы с советской властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может быть, даже я ее люблю. Что делать?

– Ну, что же ты молчишь? – оборвала Люся мои мысли. – Хочешь, я познакомлю тебя с ними?

– Подожди, посмотри, нужно подумать, – ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко – километра два. Холодный ледяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел и, не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Докладить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе ли это испытание со стороны ЧК! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и, раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но если потребуется и самого себя. Ведь на то я коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

– Товарищ Коряков, у меня к вам важное дело, – сказал я, подсаживаясь к нему. И я пересказал ему мой разговор с Люсей во всех подробностях.

– Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к 12 часам, чтобы я успел доложить Хромцову

Я написал рапорт и, подписав его, вложил в папку, на которой большими буквами вывел: "Агентурное дело, дезертиры, кличка "Люся".

Коряков вернулся с доклада улыбающийся и довольный.

– Тебе придется разрабатывать это дело дальше, пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет ли у них связи контрреволюционными партиями,- приказал Корякин в, возвращая дело.

– Слушаю,- ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам заводил ее на разговор о дезертирах.

– Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними,- предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крестьянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки и обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом, пьем морковный чай без сахара и беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне, решили бороться с большевиками.

– Вот только плохо с оружием,- говорит один.- у нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может быть, вы сможете достать оружие? – спросил он меня. Я ответил, что оружие, может быть, я сумею добыть из воинской части, где я служу.

– Но я боюсь, что у вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст,- добавил я.

– Да что вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам и увидите сами, что за ребята,- пригласили они.

И мы тут же условились, что в следующее воскресенье ни опять придут сюда за продуктами и поведут меня лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока, наконец, не свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли, наверное, около двух верст вглубь леса. Внезапно из темноты раздался голос.

– Кто идет?

– Свои, братишка,- разом ответили мои спутники. Из-за

дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести, и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный дощатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печки, расположившись прямо на полу в полушубках и шинелях, человек двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежавшие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечей, воткнутой в бутылку, стоявшей на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

– Так вот, братишка, видишь, как живем,- обратился ко мне мужчина лет 35-ти с длинными унтерскими усами, закрученными кверху.- Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется.

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, которые разорили дочиста хозяйства крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь чем могу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим "милым братьям" и принес им три берданки, которые было решено

на заседании губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с докладом от Хромцова, сказал:

– Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу. Операция назначена на 12 часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами.

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами шел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, подошли к флигелю, и я, оставив своих спутников дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нее я не мог. что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглянув комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не мог уснуть. Я все время смотрел часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сегодня все они будут ночевать в подвале Губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором взирающее на меня.

Глава IV. Суд и расправа в ЧК

Большая комната в два окна, на которых висят полупущенные шторы. Комната обставлена мебелью, обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На ном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Ленина и Троцкого. Дверь занавешена желтой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет председателя губчека Тунгускова.

Идет заседание коллегии губчека. За столом сидят Тунгусков, напротив него в креслах начсоч Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков – старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад. Вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более 25-ти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко остриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека, наиболее бессердечный. Она иногда не только приговаривает к расстрелу, но и сама приводит приговор в исполнение.

– Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад,- обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами: "Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания – расстрелять".

Члены коллегии слушают следователя вяло, или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

– Есть какие-нибудь возражения, вопросы? – спросил Тунгусков. Молчание.

– Утвердить,- пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которой слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановления членам тройки на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов, он высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем, одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколотая большая звезда и красный бант.

– Ну как, работы много будет сегодня, тов. Рабинович? – спросил он, войдя в комнату следователя.

– 14 человек, – ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, не спеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

– Остальных шесть человек отправьте сегодня же в исправдом, – добавил следователь.

– Есть, – ответил комендант по-морскому, поправляя наган на ремне, и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендатуру.

Большое полуподвальное помещение под комендатурой губчека. Саженой тридцать, не больше. Помещение разгорожено деревянными перегородками на три места. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лампочек под потолком каждого отделения, да парашек. Узкие в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянуты тряпьем или старой валенкой. Деревянный пол, отопления никакого. Да оно и не нужно, и без того душно, две двери ведут: одна во двор, а другая прямо в комендатуру. За закрытыми дверями стоят часовые и смотрят рез просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто поджив под голову шапку, спят тревожным сном около 100 человек. Это арестованные. Тела

покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушают лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери, и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных – новую партию контрреволюционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах. Какой-то интеллигентного вида человек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер и, наконец, старый деревенский поп, одетый в такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают, куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбирают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место, и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают собачьи ножки и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: "Откуда, земляки?"

– Щадринские, камышовские,- слышны ответы. Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

– А кто его знает, за что посадили? За контру эту самую. А какая контра и сам не знаю. Одно известно – весь хлеб отобрали вчистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего,- отвечает устало, безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили сигарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурный комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию – полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные садятся группами и, закулив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что его арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек. Вновь открывается дверь и опять появляется дежурный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны

красноармейцы.

– Иванов, Петров, Сидоров... выходите с вещами на допрос.

Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают шмотки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них желтые сомнения. Почему на допрос с вещами? Не ведут ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, то значит, что их или освободили, или же перевели в исправительный дом. Если же нет, то это значит, их вели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в исправдом, в тюрьму. Какие счастливы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и, может быть, даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале... горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное, не меньше 10 часов вечера, в подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись ней спиной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

– Иванов, Петров, Сидоров... на допрос к следователю,- кричит он, делая веселое лицо.

– С вещами или без вещей? – спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

– Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же,- бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный поторапливает. Ведь следователь ждет.

– Ну, прощайте, братишки, может, и не увидимся больше, не поминайте лихом,- прощаются уходящие.

Некоторые на прощание целуются с оставшимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним. Может быть, сегодня же.

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие чека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет

комиссар в кожаной куртке, брюки галифе и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздетые и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от дверей, и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит или, вернее, воет и плачет, и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубине. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы "Зефир" и спешат в комендатуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут же в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами, полными ужаса, и затем внезапно прячется глубже в полушубок, и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху в губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальбег спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой.

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые почище. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

На утро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контрреволюция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Глава V. Сонька "Незолотая Ручка"

Я в Бухаре. Официально я устроился на службу начальником разведки в штаб Бухарской армии, фактически же я начальник агентуры нелегального чека в Бухаре.

Повсюду на территории Бухарской народной республики свирепствует восстание против Бухарского правительства. Перед нами стоит задача выяснить причины этого движения, а главное же источники, которые поддерживают восставших.

Я проживал одновременно на двух квартирах. В старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном помещении недалеко от штаба армии, а в Новой Бухаре, расположенной в 12-ти верстах от Старой, занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице "Европа". Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в коридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент ЧК – Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен УЧК

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкаф у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий, худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, проходил ко мне.

– Ну, что у тебя новенького? – спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

– Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю,- ответил я, откладывая бумаги в сторону.

– Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы.

Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо.

– Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

– Кто же это такая? – спросил я.- Уж не завлекла ли она тебя в свои сети,- смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

– Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она, и даже

не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению все места были заняты и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эсер и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи и в то же время на головах белые, как снег, тюрбаны. Работают, как во времена фараонов, примитивным способом засевая на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой черт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое. Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

– Ладно, это ты потом,- перебил я его.- А где же девочка, я все-таки не вижу.

– Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает, как видно, с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что на должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось опробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у нее колоссальные знакомства в Бухаре и что она знает туземный язык. Поезд подходил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с черными, как маслины, жгучими глазами. Из-под черной шляпки выбивались иссиня-черные густые волосы. Одетая она была в черное же пальто и темно-синее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, пройдя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

– Немного в сущности,- подумав, сказал я.

– Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

– В том то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств в сущности никаких, за исключением пары коммунистов,- возразил я.

– Однако давай попробуем,- начал опять Окопов.- Во-первых,

что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьмичасовым поездом, то значит, она служит где-то в Старой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность, и главная примета – это шляпа с квадратиками. Наконец, мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы,- добавил он уже начальническим тоном.

– Слушаюсь,- ответил я и придвинул к себе бумаги.

– Ну, я пойду к себе работать. Когда закончишь писать сводку, положи в шкаф,- сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в "Европе" с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта военного министерства, который, по нашим сведениям, был начальником секретной агентуры при Совете народных назиров.

Получив нужные сведения, Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

– Вот увидишь, я ее завербую,- говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

– Слушайте, я получила ваше письмо. Я не думаю, чтобы вы по пустякам назначали свидание. Я уверена, что вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что в сущности у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что...

– Я не пришла слушать ваши любовные признания,- прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел

из засады и нашел Окотова, сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

– Послушай, Коля,- сказал я,- дай мне взяться за нее, и ты увидишь. Разреши только недельку заняться ею.

– Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет,- отрезал он. Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что "Сонька" (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета народных назиров. Еще через два дня, когда я пришел в "Европу", нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда.

– Что случилось? – спросил я.

– Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно, расшифрован и мне нужно выехать, чтобы не провалить других. Я ему передал новые сведения о "Соньке".

– Так вот кто натравил на меня шпииков,- воскликнул он.- Ну, братишка, возьмись за нее. Мне все равно теперь нельзя выходить на улицу,- предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не греет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на севере. К пятичасовому поезду из Старой Бухары в Каган собралась масса народу. Тут, главным образом, служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где и живут. Много женщин, приехавших в Старую Бухару за покупками, и, наконец, немало и узбеков, ушедших в Каган провести вечер, а может быть, и ночь в дали от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делали покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах, большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издала слежу за "Сонькой", прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице неучастующее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей не интересен и она не прочь от него избавиться, продвигаюсь к ней ближе. Наконец, она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

– Извиняюсь, если не ошибаюсь, вы мадемуазель Кацман ? – обратился я к ней.

– Да, а в чем дело? – спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

– Я начальник разведки Бухарского штаба. Мне нужно поговорить с вами по одному очень важному делу, откомендовался я.

– Пожалуйста, говорите, я вас слушаю.

– Видите ли,- начал я,- здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь ли вы поехать со мною в штаб, где мы спокойно могли бы поговорить,- предложил я.

– Нет,- ответила она, взглянув на часы на руке,- я опоздаю к поезду.

– Это поправимо,- сказал я.- Вы сможете поехать в Каган на штабном фаэтоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего эмира бухарского.

– Так вот, Софья Владимировна...- начал я.

– Откуда вы знаете, как мое имя, отчество,- перебила она меня.

– Мы многое знаем, на то мы и разведка,- продолжал я.- Мы знаем, что вы хорошая патриотка, что вы очень умная женщина и что у вас большие знакомства. Наконец, нам известно, что вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь ваших целей. Поэтому, нуждаясь в вашей помощи, я и решил прямо обратиться к вам.

– Чем же я могу быть полезной,- уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

– Я хочу просить вас принять участие в нашей работе и надеюсь вы принесете очень много пользы. Особенно ценя вас, я предлагаю вам сразу исключительные условия. Я готов платить вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что если в месяц вы дадите 30 рапортов, это составит 1500 рублей золотом или 30 миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нужно будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами,- соблазнял я ее.

Она сидела и некоторое время обдумывала. Предложение для нее, видимо, заманчивое, но что-то ее удерживало согласиться.

Наконец, она заговорила:

– Да, все это хорошо, но я боюсь, что кто-нибудь узнает, что я у вас работаю шпионкой, а у меня родные, они скажут! Наконец, жених...

– Вы можете быть уверены,- прервал я,- что никто не будет и не должен знать. Мы даже наружно не будем подавать вида, что знакомы, а наши встречи будут происходить на конспиративной квартире,- уговаривал я.

– Хорошо, я согласна. Только имейте в виду, я не буду ничего писать своей рукой. Я только буду сообщать что вам нужно,

словесно.

– Прекрасно, это для нас безразлично,- согласился я, делая радостное лицо.

– А теперь говорите, что нужно, а то уже поздно. Я дал ей пустяковое задание и адрес конспиративные квартиры, где мы должны в будущем встречаться. мы вышли из кабинета, и я предложил ей ехать дальше одной, дабы не быть компрометированной такой кампанией.

Вечером того же дня состоялся очередной доклад Окотову.

– Ладно, а что ты думаешь делать с ней дальше? – спросил он.

– А вот подожди, втянем ее постепенно в работу, там видно будет,- ответил я, хотя признать и сам не знал, что я буду делать дальше. Но я был уверен, что обстоятельства подскажут.

Кацман начала работать очень усердно и добросовестно. Я ей давал все более сложные поручения, и она выполняла их без особых затруднений. Она уже могла дать много сведений о красноармейских частях, стоявших в Кагане. Она освещала жизнь и деятельность тогдашнего афганского консула в Бухаре Расула. От нее же я имел сведения о деятельности восставшего Энвер-паши⁷. Одновременно моя агентура следила за самой Кацман и выяснила, что она со своим женихом являются душой секретной разведки Совета народных назиров. По-видимому,

пользуясь тем аппаратом, она легко выполняла мои поручения, зарабатывая себе личные деньги.

Теперь она была менее осторожна со мной. Она уже подписала несколько расписок в получении денег от меня. Она заполнила анкету, где ее настоящая фамилия стоит рядом с ее кличкой. Наконец, она даже принесла в последний раз два рапорта, написанных ее рукой. План расправы в голове у меня созрел.

Однажды Кацман по обыкновению пришла на конспиративную квартиру. Она застала меня сидящим за столом с печально опущенной головой.

– Что с вами? – спросила она, усаживаясь в кресло.

– Плохие дела,- начал я,- вчера ночью напился пьяный и не знаю, где потерял портфель. Сегодня я искал по всем местам, где был вчера, но портфеля не нашел.

– А что там были деньги? – равнодушно спросила она.

– В том то и дело, что не одни только деньги,- я сделал паузу.- Вы знаете, как я скрываю вашу работу для нас. Так вот, чтобы никто не знал о нашей связи, я все ваше личное дело всегда хранил при себе в портфеле. И вот теперь портфель пропал, вместе с бумагами. Не знаю, что и будет.

Мгновение она сидела и соображала. Затем она вскочила как ужаленная.

– Так что же вы сидите? Нужно же разыскать. Ведь что будет со мной, если кто-нибудь прочтет эти бумаги. Я же тогда пропала. Что скажут мои родные! Ах! – и она начала плакать.

– Бросьте, не нервничайте! – раздраженно остановил я ее.- Моя агентура сейчас разыскивает портфель, и, я надеюсь, он будет найден.

Она ушла заплаканной. Я взял телефонную трубку, вызвал трибунал и соединился со следователем-узбеком Хитаровым. Он являлся нашим секретным агентом, и я попросил его прийти ко мне.

– Вот что, товарищ Хитаров,- встретил я его,- пошлите, пожалуйста, за своей подписью повестку на бланке трибунала по этому адресу.

– Хорошо,- ответил он, читая адрес.- А что мне делать, когда она явится ко мне?

– Не беспокойтесь, она не придет. Видите ли, это частное дело между нами, я ей симпатизирую, но она очень горда. И вот я хочу ее немного попугать,- объяснил я смущенно.

Спустя два дня Кацман буквально влетела ко мне.

– Смотрите, я получила повестку из трибунала. Вероятно, по поводу этих несчастных бумаг. Боже, я буду делать?

– Слушайте, Софья Владимировна, я знаю этого следователя. По моим сведениям, он большой взяточник, не ходите в трибунал, и я постараюсь поговорить с ним. Я, вероятно, смогу уладить дело. Не беспокойтесь, идите домой и приходите завтра в это же время. Я вам сообщу о результатах.

На следующий вечер она пришла. Я поджидал ее с серьезно-озабоченным лицом.

– Ну как? – спросила она, не успев войти в комнату.

– Не знаю, как и сказать. Я был у следователя, бумаги у него. Он обвиняет вас в международном шпионаже. В конце концов он согласился потушить дело, просит 40 миллионов взятки. А я такими деньгами не располагаю,- закончил я.

– Слушайте, товарищ Азадов (я тогда работал под этой фамилией). Найдите эти деньги, я вас умоляю. У меня есть накопленные 8 миллионов; я их передам вам, а остальные я отработаю. Только прекратите это дело во что бы то ни стало,- просит она, и слезы катятся по щекам.

Я сидел в раздумье минуты три. Затем внезапно обратился к ней:

– Слушайте, Софья Владимировна, с одной стороны, вас жалко и вместе с тем обидно, что вы со мной откровенны. Ведь вы

же одновременно работаете в агентуре Совета бухарских назиров. Почему бы вам взять денег оттуда.

– Откуда вы знаете, что я там работаю? – спросила она, покраснев.

– Я вам уже говорил, что нам очень многое известно. Поскольку мы начали говорить откровенно, давайте продолжать. Хотите, я заплачу следователю 40 миллионов и буду продолжать платить вам по миллиону, как раньше. Я сделаю это при одном условии.

– Каком? – спросила она.

– При условии быть со мной абсолютно откровенной. Если вы сейчас же назовете всех руководителей и агентов секретной разведки назиров и задачи, которые они поручали вам, то я завтра же покончу со следователем и все по-прежнему останется только между нами,- предложил я.

Короткое молчание.

– Хорошо, я согласна. Пишите, я буду говорить.

В этот вечер я получил полный список всей бухарской агентуры, и из заданий, которые назирь давали этой агентуре, мне стало ясно, что вдохновителем восстания против Бухарского правительства являются сами же члены этого правительства.

Теперь оставалось отправить Кацман куда-нибудь подальше, чтобы она не могла помешать нашей дальнейшей работе.

– Прекрасно. Дело в том, что следователь просил, чтобы вы уехали недели на две из Бухары, дабы он смог начисто, без всяких подозрений, уничтожить начатое против вас дело. Куда бы вы могли поехать на недельку? – спросил я, укладывая в карман полученные сведения.

– У меня тетка живет в Самарканде. Я могу поехать к ней,- ответила она.

– Так вот вам еще пять миллионов и завтра же выезжайте в Самарканд. Отдохните там неделю – две, затем приедете и будем продолжать работать,- закончил я, вставая.

Той же ночью я сидел в своей комнате отеля "Европа" и составлял обширную сводку на основании полученных материалов. Через открытый шкаф вошел Окотов.

– Ну, все кончено,- обратился я к нему.- Подпиши вот эту телеграмму и завтра можешь опять свободно расхаживать по городу.

И я рассказал ему мой последний разговор с Кацман.

– Я же тебе с самого начала говорил, что эта женщина окажется полезной,- смеясь, сказал Окотов, подписывая телеграмму, которая гласила: "Самарканд. Начальнику особого отдела ВЧК. Сегодня наблюдением нашего агента выезжает

Самарканд Кацман София, повторяю Кацман София. По прибытии немедленно арестуйте Кацман Софию, содержите до особого распоряжения. Окотов".

Дальше нам легче работать. Мы знаем, кто работает против нас и как. Мы теперь будем бить наверняка. Бухарская народная республика будет уничтожена. Люди, ее поддерживающие, будут арестованы и "ликвидированы". Их места займут наши люди и будет объявлена "социалистическая республика".

Глава VI. Убийство Энвер-паши

Я вместе с сотрудником Разведывательного управления Туркфронта Осиновым лежали на средней полке вагона 4-го класса. Под головами у нас стояли ларек, забитый всяким мелким бакалейным товаром, и мешок с бельем и частью того же товара.

Уже утро. Мы стоим на станции Эмирабад. Наш поезд еще вчера вечером вышел из Кагана и, пройдя всего четыре версты, до первой остановки Эмирабад, встал. Говорят, причина задержки – это налив воды в цистерну, которую нужно доставлять на все станции вплоть до Карши. На всех станциях водокачки разрушены повстанцами, и жители сидят без воды.

Я смотрел из окна вагона на куполообразную постройку почти нового станционного здания. Наверху под куполом виднелись сохранившиеся золотые письма на арабском языке: эта станция служила для стоянки ночного поезда эмира бухарского и названа его именем, теперь все разрушено. Купол станционного здания пробит в трех местах попавшими снарядами. Я не выходил из вагона и не мог видеть, что вообще осталось от остальных построек. Да это меня и не интересовало, лежал и думал о порученном мне Реввоенсоветом Туркфронта задании.

После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции, Энвер-паша, отступил с восставшими басмачами в Восточную Бухару. Красная Армия вынуждена была следовать за ним, обеспечивая свой тыл и связь от нападений почти поголовно восставшего населения, маленькими гарнизонами. Русские солдаты, не привыкшие к нестерпимой туркестанской жаре, без воды, без провианта, гибли как мухи. Целая дивизия вышла из строя только от малярии и дизентерии. Войска шли, не имея возможности встретиться с врагом.

Энвер-паша все время менял свое расположение, а войска, состоявшие из местных жителей, при появлении Красной Армии прятали оружие и превращались в мирных жителей. Но горе отряду, если он был малочислен или же залег спать после душной дневной жары, не выставив сильную охрану. Их ночью убивали.

Перед командованием армии стал вопрос – во что бы то ни стало найти место восставших и уничтожить. А главное – уничтожить самого Энвер-пашу. Но как? Где его найти в горах и пустынях Восточной Бухары, где все население помогало ему и ненавидело пришельцев-русских.

Вот эта-то задача и была поручена мне. Я должен был найти Энвер-пашу и сигнализировать о месте его пребывания, не теряя

его из виду, пока он не будет уничтожен. Это тяжелая, трудная задача. Даже при благоприятном исходе – смертельно рискованная задача. Но что значит риск, смерть для коммунистического? Разве не должны они жертвовать жизнью для советской власти? А в Бухаре ведь советская власть. Правда, пока лишь формально, на основании постановления Всеузбекского курултая (состоявшегося, кстати, под руководством бывших агентов ЧК), но это неважно. Сейчас нужно уничтожить врага, а там можно взяться и за строительство.

Итак, нужно найти Энвера. Об этом я и думал, лежа на жестких досках в вагоне. Я ехал сейчас на его розыски в Восточную Бухару под видом мелкого торговца. Узбеки уважают мирных торговцев. Мне нужно с ними подружиться, а там видно будет.

– Ну, Саша, давай будем пить чай. Сбегай за кипятком, а я нарежу колбасы и хлеба,- предложил я своему спутнику Осипову.

Он не спеша одел сандалии на босу ногу и, взяв чайник, пошел на станцию за кипятком. Осипов – здоровый детина одних со мной лет. По натуре очень флегматичен. Больше надеется на свои кулаки, чем на голову. Завариваем мутную воду зеленым чаем, который вся Бухара употребляет в летние месяцы.

Вдруг резкий толчок вагона назад, затем вперед, и поезд тронулся. Идет он медленно, так как путь опасен. В любом месте могут быть разобраны рельсы.

Попивая чай, мы смотрим в узкое окно вагона на мелькавшую перед глазами панораму. Кругом солончаковые пески. Издалека мелькают маленькие оазисы-кишлаки из глинобитных построек, которые теперь разрушены и напоминают древние развалины. Кое-где торчат одинокие деревья тутовника, покрытые густым слоем серой пыли. Жителей почти не видно. Точно все вымерло

И так повсюду, до самого города Карши. Глаза устают смотреть. Жуткое однообразие. Мы, убрав чай, вынимаем колоду карт и играет в 66 одурения. Так ехали весь день и ночь, пока на следующее утро не прибыли на станцию Карши. Поезд дальше не шел. Нужно было искать других способов передвижения.

– Ну, Сашенька, забирай монетки, давай слезать, ныне придется драть пешком,- сказал я, взявшись за лоток.

– Зачем пешком, ведь едет же народ как-то. Может, и мы как-нибудь устроимся. Давай сходим в город и спросим. Заодно и отдохнем, может быть, в последний раз,- предложил Осипов.

– Да, пожалуй, ты прав, пойдем в город,- согласился я.

От станции Карши до города восемь верст. Единственная дорога, по сторонам которой тянутся сады, огороженные глиняными заборами, настолько изъезженная что густая пыль

примерно с фут толщины покрывает ее всю. Воздух, несмотря на ранее утро, уже накален летним солнцем. Прошедшие арбы подняли густое облако пыли, которое неподвижно осталось висеть в воздухе

без малейшего движения ветра. Кое-где у станционных строений навесы узбекских чайных, под которыми, укрываясь в тени, сидят на корточках несколько туземцев и пьют чай из пиалов.

Закинув мешки с товаром на плечи, мы тронулись в город. Не прошли мы и версты, как услышали за собой стук колес. Обернулись и видим, едут красноармейские повозки порожняком.

– Товарищ, подвези до города, угощу,- остановил Осипов первую повозку.

– А что у тебя есть? – спросил красноармеец, бросая взгляд на мешок за спиной Осипова.

– Сотню папирос хочешь? – сразу предложил он.

– Садись,- согласился армеец. Мы, быстро забросив товар в повозку, взобрались к нему на сидение.

– Спасибо, товарищ,- поблагодарил Осипов, передавая сотню папирос и предлагая отдельно закурить армейцу из своего портсигара.- А куда вы едете?

– Да вот едем в город на базу. Заберем продукты и завезем в Гузар,- ответил красноармеец.

– Эх, вот счастье-то. А ведь и мы в Гузар. Как бы с вами поехать, товарищ? – продолжал Осипов.

– А вы кто такие будете? – спросил армеец, подозрительно окинув нас взглядом.

– Да как тебе сказать. Мы тоже солдаты, демобилизованные, и вот решили поторговать немного.

– Что же выходит, спекулянты,- усмехнулся армеец.

– Мы бы заплатили,- вставил я.

– Да я ничего против вас не имею, да вот как бы начальство не было против. А сколько вы дадите? Миллион сможете дать? Я уж тогда на свой риск свезу вас,- внезапно предложил армеец.

Мы немедленно согласились и уже по-дружески закурили по новой папироске.

– Только вот что. Вы подождете где-либо у чайханы. Когда погрузившись выедем из базы, то вы и сядете.

Недалеко от города стоит двухэтажное здание. Это караван-сарай. Тут же, у ворот сарая, чайхана. У самой двери гигантский, желтый, всегда кипящий самовар. Рядом мангал, на углях которого завариваются несколько разбитых и починенных цветных чайников. Перед чайханой арык с медленно струящейся водой. Тут же у воды столетний карагач, который бросает тень на

большое пространство у чайханы. Вокруг дерева приделаны широкие сидения, покрытые коврами. На них сидят и полулежат узбеки. Около каждого чайник с чаем. Мы подошли к скамьям.

– Салам алекум,- по традиции поздоровались мы.

– Алекум салам,- ответили нам, и мы, сбросив мешки, заняли места рядом с ними.

В ожидании повозки мы пили чай со свежими лепешками и наслаждались прохладой тени.

Наконец, подъехали повозки. Мы уселись в повозку нашего знакомого и, покачиваясь по ухабам дороги, выехали из города.

– Ну, Саша, теперь смотри в оба. Ты должен изучить дорогу наизусть. Ты же связь, сказал я.

– Не беспокойся! – ответил Осипов, накрывая голову платком для защиты от палящего солнца.

Мы въехали в Гузар. Маленький, крытый навесом, базар. По обеим сторонам прохода темные, прохладные лавки. На крытых кошмами и ковриками нарах лавок сидят, поджавши под себя ноги, лавочники и равнодушно смотрят на снующую по базару публику. Мы подъехали к традиционной чайхане – этой восточной гостинице и, расплатившись с красноармейцем, соскочили с повозки.

Мальчишка принес в медном кувшине воду для мытья. Смыв с себя грязь и пыль, мы расположились пить чай. Узбеки в чайхане расспрашивают нас, кто мы, откуда приехали и чем занимаемся. Вместо ответа я открыл свой ларек и предлагаю товар. Это наша лучшая рекомендация. Начинается рассматривание товара и удивленный разговор о рыночных ценах товаров в сарае. Мы, со своей стороны, интересуемся рынками Ценнау¹⁰ и Юрчи, куда намерены ехать "продавать товар". Ко мне сбоку подсел узбек, одетый довольно бедно. Ему на вид лет 35. Желтое худое, но энергичное лицо, умные глаза.

– Слушай, бай,- обратился он ко мне,- меня зовут Абдурахманом. Я здесь в Восточной Бухаре уже 15 лет занимаюсь комиссионными делами. Раньше все богатые русские купцы продавали товар через меня. Теперь дела плохи, торговли нет! Товары из России не доходят, и мне нечего делать. Хочешь я тебе буду помогать торговать? Я знаю здесь положение каждого торговца. Знаю, где какой товар можно выгодней продать, даже поеду с тобой в Деннау и Юрчи,- добавил он торжественно, точно этим он приносил какую-то жертву.

– Очень хорошо, Абдурахман-бай,- ответил я,- мы пробудем здесь дня два. Давай поработаем, а дальше и увидим. Если ты сможешь сделать нам хорошие дела, то мы с тобой всегда будем работать даже из Бухары.

Отныне мы под опекой Абдурахмана. Он повсюду нас рекомендует и стал с нами более интимен. Он заинтересован в успехе нашей торговли, ибо надеется улучшить свою долю. Мы в его сопровождении пошли покупать кое-какие товары, которые выгодно можно продать в районе Деннау.

– Слушай, бай,- прошептал он мне на ухо,- мы должны купить товар у старого Рахматуллы-бая и поесть с ним чаю.

– Почему именно у него? – спросил я.

– Ты же слышал, что в Деннау и Юрчи много басмачей,- начал он объяснять мне,- так вот, нужно беречь свой товар. Мало ли разбойников шляется по дорогам. Но если мы будем иметь письмо Рахматуллы – к его брату в Деннау, то мы можем спокойно ехать. Верь старому Абдурахману, он знает, что говорит.

Мы подошли к лавке Рахматуллы-бая. Узкое, глубокое помещение, заваленное всяческим товаром, начиная с пуговиц и ситца и кончая керосиновыми лампами и галошами. У двери сидит сам Рахматулла, одетый в белый чесучевый халат. Его большой живот обвязан цветными бухарскими шелковыми платками. Скуластое жирное лицо, со скудной растительностью. Узкопосаженные монгольские глаза блестят под густыми седеющими бровями. Таков старик Рахматулла. В руках он перебирает длинные, черного дерева, четки.

– Салам алекум, Рахматулла-бай,- поздоровался Абдурахман, низко кланаясь. Мы также поклонились.

– Вот привел к тебе хороших купцов из Бухары,- продолжал он, сбрасывая туфли с босых ног и садясь на корточках у края ковра.

– Добро пожаловать,- ответил спокойным голосом Рахматулла, разглядывая нас.- Садитесь, гостем будете. Два чайника чаю,- командует он проходившему мальчику из чайханы. За чаем он стал расспрашивать, как мы путешествовали, что нового в Бухаре, но ни слова о нужных нам товарах. Таков обычай Востока. С делом не спешить.

Наконец, Абдурахман начал говорить о деле.

– Видишь ли, Рахматулла-бай, мои баи приехали из Бухары и привезли много товару. Еще больше товара идет за ними. Но они по моему совету хотят купить кое-что здесь для Деннау и Юрчи, куда мы, Рахматулла-бай, поедem вместе. Так вот, я привел их к тебе, ибо кто лучше тебя знает, что нужно для Деннау, где твой брат Джума-бай является аксакалом.

Долго говорили. Затем выбирали товар. Обмениваясь любезностями, стали торговаться. Спорили. Делали вид, что уходим, ибо у него дорогие цены. Клялись друг другу всеми святыми, что он продает, а мы покупаем себе в убыток. И,

наконец, сторговались.

– Хай, Рахматулла-бай,- начал опять Абдурахман после того, как мы ударили по рукам,- ты сам видишь, что баи богатые купцы и хорошие люди. Они закупили у тебя столько товару, но ты знаешь, что сейчас в районе Деннау, куда мы едем, беспокойно, а люди они нездешние. Напиши своему старшему брату аксакал Джума-баю, что тебе эти люди известны и что ты посылаешь их его покровительству. С этим письмом, Рахматулла, они продадут успешно товар и вернутся к тебе за новым.

– Хорошо,- ответил Рахматулла, уже опять постоянно-невозмутимый, кидая четки.- Позови мирзу писца, я пошлю привет своему брату.

Подошел уличный писец. Сев на ковер и раскрыв журнал с ручкой и чернилами, он начал писать под диктовку Рахматуллы. Закончив писать, он прочитал писанное вслух и передал письмо Рахматулле. Тот, скинув халат, достал золотые часы на цепочке. На этой же цепочке висела его личная печать. Обмакнув печать в чернила, Рахматулла лизнул конец письма и наложил печать.

– С Богом. Иншалла, благополучно приедете и пользой будете торговать. Привет моему брату аксакалу,- сказал Рахматулла, передавая письмо и прощаясь с нами.

Раннее утро. Мы в пути на Деннау. У нас три маленьких выносливых осла. На двух сидим я и Осипов. На третьем привязан товар и изредка на этом же осле отдыхает Абдурахман, идущий пешком. Сейчас он идет с ослом, понукая его палкой.

– Абдурахман-бай, трудно сейчас жить стало. совсем нет торговли,- сказал я от скуки.

– Да,- вздохнул он,- это революция все испортила. Не будь революции, я теперь богатым человеком был бы.

– А ведь басмачи тоже против революции, почему ты не с ними? – продолжал я.

– Басмачи хотят эмира,- ответил он, оглядываясь по сторонам, точно кто-нибудь в этой пустыне мог его подслушать.- А я знаю, что такое эмир. При старом эмире наш гузарский бек силой взял мою сестру и изнасиловал. А его писарь заставил сожительствовать с ним моего младшего брата. А что сделаешь? Только скажи и голову отрубят. Нет, лучше русские. Они лучше, чем эмир. Вот теперь Энвер-паша хочет быть эмиром,- продолжал он,- его из Турции выгнали, и он пришел к нам. Они воюют, грабят, а нам житья нет. Да, все плохо,- и он злобно стал бить палкой осла, точно вымещал на нем всю злобу.

– Абдурахман-бай, а почему бы тебе не поехать в Бухару и спокойно там торговать? – не отставал я.

– А как поедешь? У меня семья, трое детей. На торговлю

нужны деньги,- ответил он безнадежно.- А хорошо было бы жить в Бухаре. Я там был два раза,- мечтательно добавил он.

У меня мелькнула мысль завербовать его.

– Да, деньги большая сила, а сейчас заработать их очень трудно,- задумчиво сказал я.- А знаешь, Абдурахман-бай, что русские обещают большие деньги тому, кто найдет Энвер-пашу и сообщит властям, где он укрывается.

– Неужели? А сколько они дают? – спросил он с любопытством.

– Сто миллионов,- ответил я,- я сам читал объявление в Бухаре, когда выезжал оттуда.

– Хоп! Это очень большой капитал. Только зачем они дадут столько денег, если каждый мальчик знает, что Энвер в кишлаках у Деннау,- сказал он с сомнением.

– Ну, а если это правда, ты пошел бы на это дело? – спросил я.

– За половину, за четверть этих денег отдал бы Энвера и всех этих турок. Это они принесли войну в наши края,- с ненавистью сказал он.

– Да, тогда ты был бы очень богатый купец,- сказал я и замолчал. Я решил, что нужно дать время переварить ему эту мысль. Я перешел разговаривать с Осиновым о пустяках. Он, ухмыляясь, поддерживал разговор. Он понял мой план и одобряет его.

Вечером мы расположились отдыхать на ковре, расстеленном прямо на земле у придорожной чайханы. После жирного плова мы пили последний перед сном чай.

– А хороший ты человек, Абдурахман-бай, и я бы очень хотел, чтобы ты разбогател и стал большим купцом. Тогда бы мы вместе торговали,- начал я разговор.

– Да, было бы не плохо,- ответил он.

– Вот ты сегодня говорил, что Энвер у Деннау. А не опасно ли для нас ехать туда с товаром,- сказал я, наводя его на разговор об Энвере.

– С письмом к Джума-баю нам бояться нечего. Он большой басмач. Все продукты басмачам доставляет и может быть, к нашему приезду русские поймут Энвера и все будет кончено,- закончил он.

– А знаешь, я бы хотел, чтобы ты помог русским поймать его. Тогда бы ты получил большие деньги.

– Я бы тоже хотел. Сто миллионов большие деньги, как? Я даже русского языка не знаю,- сказал он.

– Если хочешь, пойдем вместе в Деннау к русскому коменданту,- вмешался в разговор Осипов,- он мой хороший

знакомый. Ты ему расскажешь, а я буду переводить. Он тебе, наверно, сразу даст денег.

– Хай! – сказал Абдурахман,- пойдём с тобой. Только не забудь Алексан-бай.

Мы легли спать тут же на ковре. Приехав в Деннау, я с Осиповым вместе пошли к начальнику гарнизона. Во дворе у ворот привязано несколько оседланных лошадей. В глубине двора маленькое здание. На двери на листе бумаги старательно карандашом выведено: начгар Деннау. Зашли. За простым, кухонным столом, накрытым простым солдатским сукном, сидит военный. Об этом можно догадаться по брюкам-галифэ, сапогам и шпорам, до пояса же он раздет, так как стоит сильная жара.

– Вы товарищ начальник гарнизона? – спросил я.

– Да, а в чем дело, граждане? – ответил он, глядя на нас вопросительно.

– Я – уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта,- представился я и, достав из кармана ножик, и стал распарывать подкладку моего пиджака. Достав из подкладки мандат, напечатанный на куске шелкового полотна, подал ему.

"Предъявитель сего тов. Агабеков назначен для активной борьбы с контрреволюционными повстанцами, всем военным и гражданским учреждениям и лицам надлежит оказать тов. Агабекову всемерное содействие выполнению возложенной на тов. Агабекова задачи. Член Реввоенсовета Туркфронта Воронин. Начразведки Ипполитов".

– А это мой товарищ по связи, товарищ Осипов,- представил я.

– Садитесь, товарищи,- засуетился начгар, предан нам стул, на котором сидел.

– Итак, сегодня ночью мы выезжаем к басмачам в штаб Энвер-паши. Установите тесную связь со штабом дивизии и ждите от нас известий,- – закончил я беседу с начгаром, и мы вышли.

У нас все готово. Мы получили письмо от Джума-бая, где он рекомендует нас как мирных купцов, и Абдурахман, сияющий, получив от начгара десять миллионов, собирает все вещи в мешки. Ночью мы выехали в кишлаки к басмачам.

Уже вторую ночь мы проводим среди басмачей. Большая часть товаров распродана. Мы уже подружились со многими басмачами и считаемся своими людьми среди них. Вечером мы сидели у чайханы среди басмачей. Настроение у них подавленное. Никуда нельзя носу показать, повсюду Красная Армия.

– Вот подождите немного,- говорит один свирепого вида, со шрамом на щеке басмач,- паша послал послов во все страны мира.

Скоро к нам на помощь придут афганцы, а потом и англичане. Тогда уж мы прогоним русских.

– Ждать долго придется,- говорит другой, работающий на кухне у Энвера,- я вчера во время обеда слышал, как паша сказал, что придется здесь прожить не меньше трех недель.

– А хорошо бы сейчас сделать налет на какую-нибудь станцию. Я обязательно захвачу себе русскую жену,- говорит третий, лет 40, басмач с большим хищным носом на худощавом лице.

– Ты лучше гляди, что делает твоя теперешняя жена,- перебивает его другой. Все смеются. Люди оживляются. Разговор завязывается, и каждый вспоминает о замечательных случаях своей жизни.

Я лежал с Осиповым. Мы слушали разговор басмачей.

– Шура, завтра с утра тебе придется выехать вместе с Абдурахманом в Деннау, и пусть немедленно наши окружают кишлак. Слышал, что они намерены здесь жить три недели? – сказал я на ухо Осипову.

– Ладно, а как же ты? – спросил Осипов.

– А я буду здесь ждать результатов.

– Укокошат они тебя одного,- после короткого молчания сказал Осипов.- Давай лучше уйдем вместе.

– Брось дурака валять,- оборвал я его,- делай, что говорят. Ты поедешь под предлогом привезти новую партию товара.

– Ладно,- ответил Осипов и, повернувшись на бок, закурил папироску.

Уже четыре дня я один среди басмачей. Товары все проданы. Мне абсолютно нечего делать. Я почти все время проводил в чайхане. Только изредка выходил смотреть, нет ли чего нового у небольшого глиняного садика, где помещался Энвер-паша. Однажды я его увидел.

Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста, красивое лицо, приподнятые вверх усы, аккуратно выбритый. Он носил, все еще, форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал. В одиночестве я тоже думал. И чем больше думал, страшнее становилось. Я ведь был молод, и мне ведь жить хотелось. А тут, один, в стане басмачей, отгонял эти мысли. Старался думать об успехе. Зато как приятно будет, выполнив задание, вернуться в Ташкент. В город, где жизнь, где нет басмачей, где безопасно.

Но назойливые тревожные мысли возвращались. Не устали бы там наши в Деннау. Не опоздали бы. Но нет, Осипов – верный и умный парень. Он не напутает и не даст напутать. Нужно взять

себя в руки и ждать... На другое утро на осле с товарами приехал Абдурахман. Разгружаясь, он незаметно передал мне клочок бумаги: "Войска вызваны, связь не прерывайте. Следите,

изменения дислокации противника срочно сообщите".

Я закурил этим клочком бумаги папироску. Опять стали торговать привезенными товарами, время проходило незаметнее. Поздно вечером приехал Осипов. При виде меня на лице засияла улыбка.

– Ну, братишка,- начал он, когда мы уединились,- сегодня нужно тикать отсюда.

– Почему?- спросил я. .

– Дивизион прибыл в Деннау и к утру будет здесь.

– Ладно, предупреди Абдурахмана.

Через час мы, по одному выйдя из чайханы точно на прогулку, прошли за кишлак. Соединившись в темноте, мы ускорили шаги и, наконец, пустились бежать. Осипов держал в руках наган, захваченный в последнюю поездку. Мы бежали и шли, шли и бежали. Сердце точно хотело лопнуть от напряжения, но мы боялись погони. Мы хотели жить. Наконец, вдали послышался глухой топот конницы. Мы бросились в сторону от дороги и залегли. Проехало человек шесть кавалеристов, а за ними показался весь дивизион.

Мы вышли им навстречу. Нас радостно встретили. Начальник дивизиона и начальник гарнизона. Дав нам запасных лошадей и красноармейцев, дивизион исчез в темноте.

Рапорт командира дивизиона в штаб 13-го корпуса: "Приняв тщательные меры предосторожности, дивизион направился по указанному направлению. Недалеко от кишлака, где был расположен штаб противника, мною был выделен один эскадрон и послан в обход, чтобы отрезать путь на случай отступления противника. В пять часов утра дивизион пошел в атаку, но был встречен оружейным огнем противника. Нашим пулеметным огнем противник был сбит с позиций и беспорядочно бежал.

Штаб басмачей во главе с Энвер-пашой бросился в горы, но наткнувшись на эскадрон, посланный в обход, принял бой. В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на месте боя. Среди них опознан и Энвер-паша. Ударом шашки у него снесена голова и часть туловища. Рядом с ним был найден Коран".

Так сложил голову бывший военный министр Турции Энвер-паша, один из авантюристов от революции.

Я лежал на скамейке в кабинете начальника гарнизона Деннау и, подложив под голову седло, отдыхал. В углу сутился Абдурахман, заваривая традиционный чай. Он теперь богат, так

как получил обещанную награду. Он уже держит себя с другими узбеками очень важно. Но мне он услуживает. Он хочет ехать со мной в Бухару, где думает открыть торговлю.

Сейчас он преданно-ласково смотрит на меня и приготавливает чай. Я также ему улыбаюсь, но вместе с тем зорко смотрю за его манипуляциями.

Не насыпал бы яду в чай. Это на Востоке случается...

Глава VII. ГПУ и контрабандисты

Звонит настольный телефон. Я поднял трубку.

– Слушаю!

– Откуда говорят,- спросил голос.

– Это ГПУ,- ответил я.- Кто спрашивает?

– Это товарищ Агабеков?

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, товарищ Агабеков, говорит с вами "Доктор".

Нельзя ли сейчас с вами встретиться? У меня срочное дело.

– Одну минутку,- ответил я в трубку и посмотрел часы.

– Хорошо, я буду через полчаса на нашей квартире,- и положил трубку.

Я начальник отделения ГПУ по борьбе со шпионами и контрабандой в Ташкенте. В моем распоряжении около пятидесяти секретных агентов, работающих повсюду, начиная с иностранных консульств и кончая гостиницами и базарами. Я говорил по телефону из своего кабинета, комнаты No 14 в здании ГПУ. Звонил мне секретный агент по кличке "Доктор", дававший сведения о контрабандистах. Это очень пронырливый человек из торговцев. Раньше, вероятно, сам занимался контрабандой, а потом нашел более выгодным выдавать вчерашних своих коллег. Он даром не любит меня тревожить. Его сведения всегда наводят на верное дело. Я запер бумаги в несгораемый шкаф, сунул в карман револьвер, лежавший на столе, и вышел из кабинета. В гостинице "Касым", на Ура-Тюбинской улице, один из номеров занят неизвестным лицом. Это одна моих конспиративных квартир. При входе в номер со стула поднялся мне навстречу выше среднего роста пожилой человек с брюшком. Тупые черты лица, живые хитрые карие глаза. Большой загнутый нос придавал лицу хищный вид. Это – "Доктор", прозванный мною этой кличкой, ибо он прекрасно разбирался в качестве контрабандных химических продуктов.

– Что у вас нового?- спросил я, усаживаясь.

– Маленькое дело, товарищ Агабеков,- сказал он, улыбаясь.- Я уже давно слежу за группой лиц, торгующих опиумом и сантонином¹⁴, и вот сегодня я выяснил, что продавцом этих товаров является одна женщина по фамилии Н.

– Вы знаете ее адрес?- коротко спросил я.

– Да, я уже успел с ней познакомиться и побывал на ее квартире. Сейчас она имеет в наличии два пуда опиума и десять сантонина. Я обещал сегодня же привести к ней покупателя на эти товары. Так что дело верное.

– Так что же вы предполагаете делать?- спросил я.

– Я думал, не будет ли лучше, если вы пойдете со мной к ней под видом покупателя. Тогда вы сами убедитесь в наличии товара,- предложил "Доктор".

Я, обдумав предложение "Доктора", согласился.

– Тогда пойдем сейчас же,- сказал он и, выходя из комнаты, добавил.- Только, товарищ Агабеков, не забудьте мою долю после ликвидации дела. Вы знаете, что у меня семья и сто пятьдесят рублей жалования хватает с трудом.

– Не беспокойтесь,- прервал я его жалобы,- вы получите третью часть казенной стоимости захваченной контрабанды. Вам это полагается по закону.

Дойдя до небольшого домика, мы постучались в калитку. Вышла средних лет блондинка с утомленным и озабоченным лицом. Видно, она вышла из кухни, не успев снять передника. "Доктор" любезно поздоровался и представил меня. Она беспокойно посмотрела на меня и, видимо, не найдя ничего подозрительного в моем виде, предложила войти.

– Посидите в комнате, я сейчас, сказала она, направляясь на кухню. Через минутку она вернулась к нам уже без передника и села.

Торг наш был очень короткий. Она вытащила из-за стенного зеркала кусок опиума и порошок сантонина и передала нам как образец товара. Мы попробовали товар, нашли его подходящим и быстро пришли к соглашению в цене.

– Извиняюсь, мадам, я не знал, что мне сегодня придется купить такую большую партию товара, и не взял с собой достаточно денег. Если вам не трудно, я бы предложил вам пойти на мою квартиру, где вручу вам деньги,- предложил я.

– Хорошо, я только оденусь,- согласилась она и ушла в другую комнату.

– Итак, "Доктор", когда мы выйдем из дома, вы позовете нас под благовидным предлогом. Ее же я возьму в ГПУ,- прошептал я своему осведомителю.- Вечером идете на конспиративную квартиру, я вам принесу деньги за работу.

– Спасибо,- ответил он.- Кстати, у меня есть одно дельце. Может быть, к вечеру я сумею кое что выяснить и передать вам.

Мы шли по улице с женщиной одни. Несмотря на жару, она оделась в темное осеннее пальто, в котором ей, очевидно, жарко. Я вел ее по направлению к ГПУ.

– Слушайте, гражданин, далеко еще до вашей квартиры?- спросила она после десятиминутной ходьбы.

– Нет, осталось всего два квартала,- успокаивающе ответил я. Мы завернули за угол, и вдали показалось огромное

четырёхэтажное здание ГПУ.

– Ах, я что-то неважно себя чувствую, очень жарко-беспокойно сказала моя спутница, распахивая пальто.

Мы все ближе подходили к комендатуре ГПУ.

– Ах, слушайте,- опять сказала она,- где же ваша квартира? Я что-то беспокоюсь, мне страшно почему-то.

Женщина, видимо, чувствовала что-то неладное.

– Что вы боитесь, мадам,- успокаивал я ее.- Вот сейчас мы придем ко мне, получите деньги, и все будет кончено. Осталось несколько шагов до комендатуры.

– Ох! Я больше не могу идти. Я не хочу идти дальше. Мне страшно. Слушайте, это же ГПУ!- выговорила уже чуть не плача. В глазах ее виден испуг и ужас.

– Не бойтесь! Разрешите вас поддержать!- я взял под руку и повел в комендатуру ГПУ. Она покорно шла.

Длинная комната. Стоят три стола, обнесенных деревянным барьером от посетителей. За первым столом сидит дежурный комендант. Темно-синяя фуражка с красным околышем, защитного цвета гимнастерка, револьвер на ремне через плечо. Темные жандармские брюки в сапогах. У дверей стоит красноармеец с винтовкой.

– Товарищ дежурный, отправьте эту женщину под конвоем ко мне наверх,- обратился я к коменданту.

– Слушаю, товарищ Агабеков!

Я вышел из комендатуры. Уже в дверях я слышал грубый голос дежурного:

– Ваша фамилия, гражданка?- это он заполнял для нее пропуск в здание ГПУ.

– Итак, гражданка, вам, я полагаю, запирается уже нечего. Скажите, где у вас спрятан товар и кто вам его доставляет? – спросил я.

Женщина сидела на стуле предо мной с бледным лицом, но она уже несколько пришла в себя и, видимо, приняла какое-то решение.

– У меня нет никакого товара,- ответила она.

– Как нет товара? А что же вы мне собирались продавать?- спросил я.

– Я только была посредником у другого человека. Если я продала бы товар, то взяла бы у хозяина. А у меня самой товара нет. Можете обыскать мою квартиру,- с жаром проговорила она.

– Ну, мы это сделаем без вашего предложения, а пока в таком случае скажите, у кого же вы должны были взять товар?- задал я вопрос.

– Ну, а это – хоть расстреляйте меня на месте – не скажу. Ни

за что не скажу,- уже истерично кричит она.

– Что же, придется вам посидеть в подвале, пока не скажете,- спокойно сказал я.

– Товарищ красноармеец,- обратился я к часовому, сопровождавшему женщину ко мне и ожидавшему у двери,- отведите гражданку обратно в комендатуру, и пусть ее посадят до моего распоряжения.

Красноармеец подошел к женщине. Она встала и направилась к двери; однако, не дойдя, она резко повернулась и, рыдая, говорит:

– Ах, не сажайте меня в подвал. У меня ребенок, что я буду делать? Господи, Господи! Я все скажу, только не сажайте.

– Так, я вас слушаю,- сказал я, приглашая занять место.

– У меня нет товара. Товар принадлежит Ахун-баю, кашгарскому купцу, который давал продавать мне на комиссию. Я – бедная женщина, у меня ребенок. Нечем жить,- говорила она с трудом сквозь рыдания.

– Скажите адрес Ахун-бая,- требовал я.

– Он живет на Урбе,- называет улицу.- Только ради Бога, не сажайте меня в тюрьму.

– Хорошо, я должен проверить ваши показания, но я предупреждаю вас, что за контрабандную торговлю следует три года тюрьмы и вы их получите, если сказали неправду. А если вы сказали правду, то мы посмотрим, что можно сделать для вас. Сейчас же вы посидите в комендатуре, пока я проверю ваши показания. Через полчаса я, снабженный ордером на обыск, подъехал к ее квартире. Калитка была не заперта, зайдя двор, я вошел в коридор и увидел направо кухню

Стоя у шипящего примуса, худенькая девочка лет десяти, одев передник матери, что-то размешивала в кастрюле.

– Как тебя зовут, девочка?- спросил я, подойдя ей.

– Ольга,- ответила она, продолжая свое занятие.

– А что ты делаешь, Ольга?- спросил я.

– Мамы нет дома, и я смотрю за обедом, чтобы не горел,- ответила она.

– А где твоя мама? – опять задал я вопрос.

– Она ушла в город и придет к обеду. А ты можешь подождать ее,- предложила она,- она скоро придет. Я смотрел на эту девочку, ожидавшую свою маму к обеду. Мысли роем неслись в голове. Глядя на ее русую головку, я думал: "А что она будет делать, если ее мать не придет к обеду ни сегодня, ни завтра, ни через ?". Я вспомнил, что мне нужно сделать обыск. Но ? Как я мог делать обыск, раскидывать в комнатах (и в присутствии этого ребенка, ожидавшего мать к обеду? Нет, ни за что!

– Нет, Ольга, я пойду, а ты смотри за обедом,- сказал я, глядя ее мягкие, русые волосы.

И в первый раз за всю службу я не выполнил своего долга. Я ушел, не сделав нужного обыска. Я остановился в одном из узких переулков Урбы у обитой жестью калитки и постучал. Через минуту за дверью послышались шаги, и калитка открылась. Передо мной стоял маленького роста смуглый кашгарец, на лице которого при виде меня выразилась жалкая улыбка.

– Вы гражданин Ахун-бай?- спросил я по-русски. Он мотнул головой.

– Я сотрудник ГПУ и имею ордер на производство у вас обыска,- сказал я, перешагнув порог.

– Пожалуйста,- ответил он и начал беспомощно горбиться передо мной.- Только я вас прошу, пожалуйста

делайте все потихоньку, чтобы моя жена не слышала. Она лежит больная.

– А что с ней?- спросил я.

– Она вчера родила мальчика,- ответил он, и на минутку на его лице показалась счастливая улыбка. Я ему не поверил. Наверно,- это трюк, чтобы получше запрятать контрабанду. Я пошел вперед и открыл первую дверь. Полутемная комната. Прямо на полу постелена постель, в которой лежит еще молодая женщина с бледным больным лицом. Рядом с ней что-то копошится и издает писк. С другой стороны сидит другой ее ребенок, мальчик лет четырех. Он смотрит на меня своими черными большими глазами, держа палец во рту. Я выскочил из комнаты и закрыл за собой осторожно дверь.

– Слушай, Ахун-бай...- обратился я к кашгарцу, и мы с ним говорили целый час.

В своем кабинете за письменным столом сидел начальник секретно-оперативной части ГПУ, Моисей Борисович Гордон. Несмотря на свои 35 лет, он уже до того разжирел, что едва помещается за столом. Его толстое рыхлое лицо и шевелюра сильно напоминают Зиновьева¹⁵, и он, зная это, старается подражать председателю Коминтерна¹⁶. Я сидел напротив и докладывал о работе моего отдела.

– Слушай, Агабеков, у тебя происходит что-то странное. Ты сегодня кого-то арестовывал, куда-то ездил с обыском и в результате ничего. В чем дело?- спросил он.

– Да, я задержал двух контрабандистов, но после допроса решил отпустить,- ответил я.

– Почему?- опять задал он вопрос, подозрительно глядя на меня.

– Потому, что оба они оказались лишь посредниками и у них

не было обнаружено никакого товара. Кроме того, я долго говорил с задержанным кашгарцем и в результате завербовал его. Он обещал в течение месяца поймать для нас минимум сорок пудов контрабанды. Наконец, я думаю, что он нам пригодится и для разработки кашгарского шпионажа у нас. Исходя из этих соображений, я решил, что нам полезнее иметь 40 пудов опиума и плюс агента, чем лишнего арестованного в подвале,- ответил я.

– Да, но по закону ты не имел права освобождать их, раз налицо совершенное против государства преступление,- уже нервничая, говорил Гордон.

– Товарищ Гордон, может быть, с точки зрения заговорщиков вы и правы. Но я смотрю на дело иначе. Основной революционный закон – это закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия. Сейчас нам нужна валюта, и я уверен, что мы получили больше пользы от кашгарца, который нам мог бы помогать ловить контрабанду, чем от кашгарца за замком. Впрочем, если вы находите в моих действиях состав преступления, то можете привлечь меня к ответственности. Я же обращусь в комитет партии,- угрожающе добавил я.

Я знал, что Гордон боится партийного комитета, ибо много грязных поступков, мне известных. Кроме того, ведь я был секретарем бюро ячеек ГПУ и членом партийного комитета. Он побоится поднять дело против меня.

– Ну, ладно, дай Бог, чтобы ты оказался прав, сказал он, вздыхая уже примирительным тоном. Я оказался прав. Благодаря кашгарцу мы обнаружили сотню пудов контрабанды. Он же оказался полезным и в политических делах. Чувство и на этот раз меня не обмануло.

Глава VIII. Судебная комедия

Я пришел по вызову заведующего орготделом в областной комитет партии и, постучавшись, вошел к нему в кабинет. Небольшая, хорошо обставленная, но просторная комната. Пыль на креслах, на столе. У одной стены стоит большой книжный шкаф, набитый книгами, журналами, брошюрами. В углу стоя на древках стоят несколько свернутых знамен, покрытых пылью. Несколько полотнищ с разными лозунгами прибиты к стене. За столом сидит заведующий орготделом Галустян с выделяющейся большой стриженной черной головой. Он рассматривал и подписывал какие-то бумажки. – А, товарищ Агабеков, садитесь. У меня для вас ответственное поручение,- проговорил он, торопливо делая пометки на бумаге и отодвигая от себя все папки в сторону.

Я, взяв одну из лежащих на столе папирос, закурил и сел.

– Так вот, вы знаете, наверно, о деле Махлина, Мадуева и К°, этих мерзавцев,- начал он.

Я кивнул головой.

– Дело в том, что Махлин и Мадуев,- коммунисты, или, вернее, были коммунистами, потому что сейчас партийные билеты у них отобрали. Слухи об их деяниях проникли в рабочую массу и вызывают возмущение. У меня имеются много заявлений на этот счет от наших товарищей-партийцев. Поэтому мы решили их расстрелять не обычным порядком, а предварительно устроить показательный процесс. Нужно показать массам, что советская власть одинаково расправляется с провинившимися коммунистами также, как и с контрреволюционерами. По нашему предложению ГПУ передало их дело в Верховный Суд, который и будет судить. Председателем суда назначен товарищ Смирнов, вы, наверно, его знаете, а членами суда мы решили назначить вас и одного товарища-женщину из женотдела. Так вот, нужно повести дело так, чтобы массам была ясна их классовая чуждость и приговорить их к расстрелу.

– А каково мнение Центрального Комитета партии?- спросил я.

– ЦК утвердил наше решение,- продолжал Галустян,- и даже сам Межлаук (председатель Сред.Азбюро ЦК) будет выступать общественным обвинителем. Тут все согласовано. Вам только нужно технически провести процесс. В особенности вам, ибо, между нами, ведь Смирнов неграмотный, а товарищ из женотдела не в счет. Поэтому вам придется, так сказать, подводить под статьи. Я думаю, вы по своему опыту в чека это дело сумеете

провести.

– Будет сделано,- ответил я.- Когда же начнется процесс?

– Да вот завтра мы вынесем постановление о назначении вас членом Верховсуда. Затем нужно нажать на профсоюзы, чтобы они мобилизовали как можно больше народа на процесс, и, я думаю, со следующего понедельника можно начать. Другие члены суда уже инструктированы, и о деталях вы сами с ними договоритесь,- закончил он.

На прощание он мне подарил несколько новейших брошюр, и я вышел на улицу из областного комитета партии.

Итак, с завтрашнего дня я буду членом Верховного суда и должен публично выступать как представитель правосудия. Первой моей мыслью было сейчас же пойти верховный Суд и ознакомиться со следственным материалом. А затем я, вспомнив инструктирование Галустяна, подумал: "Зачем? Ведь вопрос уже решен. Нужно просто приговорить к расстрелу". И я повернул в здание чека.

Не успел я, придя к себе в кабинет, приняться за дела, как позвонил телефон.

– Это Агабеков? Здорово, говорит Смирнов. Слушай, нам придется с понедельника работать вместе, так вот, суд будет заседать в театре "Колизей". Начало с трех часов дня, чтобы публика успела подойти.

– Хорошо, это все?- спросил я.

– А с делом не хочешь ли ознакомиться, их тут четыре папки?- в свою очередь спросил Смирнов.

– Нет,- ответил я,- не стоит терять время.

– Правильно, на суде во время допроса лучше развлечемся, чем по бумагам. Ну, прощай.

– Прощай,- я положил трубку.

Театр "Колизей". Большое круглое здание, вмещающее до 4000 человек. Оно было построено под цирк, но в последствии переделано в театр. Весь состав суда, в том числе и я, собрался за кулисами. Я взглянул сквозь щель занавеси. Партер уже был заполнен публикой, но прибывали все новые партии профсоюзников. На эстраде стоял длинный стол, покрытый красным сукном. Комендант суда устанавливал на столе чернильные прибор, графин с водой и звонок. Направо от стола виднелась кафедра для прокурора. Налево были расставлены в одной из лож стулья для защитников. Вверху в ложе уже сидели подсудимые.

Наконец раздалась команда коменданта суда: "Встать. Суд идет", и мы вышли из-за кулис. Все заняли свои места. Председатель суда Смирнов, маленького роста с изрытым оспой

лицом и красноватым от чрезмерного злоупотребления спиртом носом, сел посередине жду мной и женщиной. Он держит себя важно и, видимо, чувствует себя уверенно. Я в форме ГПУ, а женщина – член суда в кожаной тужурке. Направо от нас разместился прокурор, еще молодой человек с высохшим лицом и воспаленными красными глазами. Он – молодой коммунист, и данный процесс был первым серьезным делом, порученным ему партией. Он явно волновался. Налево сидели защитники. Видно, старые опытные юристы. Они держались очень спокойно. Безнадежно спокойно. Видимо, и им было известно, что весь этот суд – простая комедия и что приговор уже имеется наготове.

Обвиняемых трое: заведующий исправдомом Махлин, областной прокурор Мадуев и один из следователей прокуратуры. Махлин, с крупными чертами лица, живыми энергичными глазами, коммунист, сидел уверенно и спокойно. Точно своим видом он старался показать суду и публике, что привлечение его к суду является очевидным недоразумением и вот суд все это выяснит, и он вновь займет свое прежнее положение. У Мадуева интеллигентное лицо. Старый юрист, стоявший всегда на страже законов, он сейчас чувствует себя смущенным, оказавшись перед судом. Причем он, видимо, хорошо не знает, в чем его обвиняют, ибо все предъявленные ему обвинения ни к какой статье закона не подходят. Держал себя Мадуев скромно и с достоинством. Следователь же несколько нервничал и поглядывал в сторону Мадуева, точно считал его все еще начальством и искал моральной поддержки. За подсудимыми стояли два конвоира с обнаженными револьверами.

Публика, уже переполнившая зал, как видно, прочно уселась, ожидая интересного зрелища. Кое-где было слышно пощелкивание семечек.

Из обвинительного акта, который нудным голосом прочитал председатель суда, было видно, что Махлин, занимая должность заведующего тюрьмой, возмутительно обращался с арестованными. Будучи сам коммунистом, он не переносил арестованных из бывших коммунистов и так издевался над ними, что один из них повесился в своей камере. Арестованных женщин он заставлял сожительствовать с ним, угрожая, в случае отказа, карцером и всеми тюремными карами. С тюремными деньгами и хозяйством он обращался, как со своей собственностью.

Мадуев и следователь обвинялись в укрывательстве Махлина, ибо по занимаемой должности они должны были знать о действиях Махлина и не приняли никаких мер.

Суд начался обычными вопросами председателя к подсудимым. Затем стали выступать свидетели, состоявшие почти

сплошь из тюремных обитателей. Говорили, большим образом, женщины. Перебирали всю грязь Ташкентской тюрьмы, долженствующей служить новым орудием искоренения преступлений и перевоспитания человека. Допрос подходил к концу, а доказать только можно было, что Махлин сожительствовал с двумя заключенными женщинами. О Мадуеве и следователе обвинитель и не упомянул на суде.

Я плохо следил за процессом суда. Я сидел и смотрел на Махлина, который усердно парировал все выступления против него, и думал: "А ведь тебя расстреляют, ты и жил только с двумя женщинами. И в сущности какое же это преступление? Кто из советских, даже маленьких, начальников не живет с подчиненными им по службе женщинами? Ведь, если всех их расстрелять, то большевиков не останется! А вот тебя, Махлина, для примера расстреляют. Хоть будь ты чист, как стеклышко, расстреляют. Есть постановление Центрального комитета партии. А поскольку это так, то зачем терять время мне, да и тысячам рабочих и служащих на созерцание процесса? Не лучше ли сразу ухлопать подсудимых без этой комедии?". И сам же себе ответил: партия права. Мало их расстрелять, нужно еще на этом деле заработать, обработав общественное мнение, и продолжал терпеливо заседать на суде. Не буду останавливаться на всем процессе. Он тянулся десять дней. Опишу лишь выступление члена ЦК Межлаука в качестве общественного обвинителя, высокий, худощавый, еще довольно молодой человек, с решительным выражением лица и хорошо подвешенным языком, Межлаук, действительно, ярко обрисовал картину ужасов советских тюрем вообще. Покончив с описанием, он взял Махлина как представителя тюремной администрации, и получилась картина, что не советская власть, а Махлин виновник каторжных условий в советских тюрьмах. О других подсудимых

Межлаук не имел материала, но зацепился за то, что Мадуев до ареста не внес членских взносов в профсоюз за четыре месяца.

– Значит, они даже не члены профсоюза,- кричал Межлаук,- они потеряли связь с массами. Они потеряли компас, который должен был их ориентировать на массы. Они оказались чужды им. Нет им места в обществе, которого они не признают. Пролетарский суд должен безжалостно вырвать и очистить советскую общественность от остатков буржуазных корней,- закончил он.

Гром аплодисментов огласил зал. Иначе и не могло быть, ибо говорил член Центрального Комитета правящей партии.

Наконец, мы ушли за кулисы для вынесения приговора. Нас троих заперли в маленькой комнате и за дверью поставили

часового. Никто не должен входить к нам, говорить с нами, влиять на нас при вынесении приговора. Мы должны сами беспристрастно решить участь подсудимых. Какая насмешка! Ведь мы получили директиву приговорить их к расстрелу за неделю раньше суда. К чему эта комедия?

Вечером жена Смирнова принесла обед для нас троих. Зная обычай мужа, она прислала также бутылку "Перцовки"18. Смирнов кушал и запивал, вернее,- пил и закусывал. Он доволен. Он выполнил свою часть работы и теперь отдыхал. Женщина читала какую-то брошюру. Я сидел и составлял обвинительное заключение. Передо мной – пачка чистой бумаги и уголовный кодекс. Я писал и переписывал. И так до глубокой ночи. Остальные уже спали.

Только на следующее утро мы покинули совещательную комнату и вернулись в зал. Та же обстановка, только больше народу. Смирнов стал читать:

"На основании ст. ст. таких-то... все приговорены к расстрелу". Жуткая тишина длилась бесконечную минуту. Первыми очнулись конвоиры и стали торопливо выводить осужденных. Затем начала выходить публика.

В кабинете у заведомого19 областного комитета партии на этот раз весь состав суда и прокурор.

– Товарищи! ЦИК СССР утвердил приговор только над Махлиным. Остальным расстрел заменили: Мадую – десять лет и следователю – восемь лет исправительных работ. Завтра нужно приговор над Махлиным привести в исполнение,- обратился к нам Галустян.

– По закону при расстреле должен присутствовать один из членов суда, представитель прокуратуры и доктор,- вставил прокурор.

– Ну и прекрасно,- ответил ему Галустян.- Будете присутствовать вы и товарищ Агабеков. А доктора возьмите где-нибудь. Об остальном позаботится комендатура ГПУ, куда я уже звонил,- закончил он. Прокурор ничего не ответил, но его бледное лицо

более побледнело.

К зданию Верховного Суда подкатила легковая машина за ней следом подошел грузовик с несколькими красноармейцами. Мы сели в легковую машину и поехали по направлению к тюрьме. За нами следовал грузовик. Дверь тюрьмы открыл сам заведующий исправдомом (уже новый). Он нас подждал. Мы направились к одиночной камере Махлина. Узкая квадратная комната без всякой мебели. Под потолком маленькое окошечко закрытое густой железной решеткой. Махлин сидел на асфальтовом полу с

разутыми ногами. Сапоги его стояли тут

рядом. Увидев нас, он, не вставая, выжидательно смотрел. Видно, еще до сих пор не верил, что будет расстрелян. Он надеялся на отмену приговора и сейчас ждал, что мы ему сообщим.

– Гражданин Махлин, ЦИК СССР отказал вам в помиловании, поэтому сегодня приговор суда должен быть приведен в исполнение. Имеете ли вы что-либо передать вашим родным и друзьям?- сказал я.

Еще минуту он смотрел на меня, точно воспринимая произнесенные мною слова. Затем глаза его потухли, вместе с потерей надежды он как-то весь опустился, словно проткнутая шина. Он молча сидел и не шевелился.

– Итак, передавать нечего?- переспросил я.- Ну, в таком случае одевайтесь.

Он взял один сапог и хотел натянуть на ногу. Затем, видимо, раздумал и, отложив сапог, обратился ко мне:

– Товарищ Агабеков, у меня остаются жена и четверо детей. Передайте им сапоги, кольцо и вот куртку, они теперь не нужны, а им, сиротам, пригодятся,- говорил он как бы сам с собой, снимая куртку.

Я больше не мог выдержать, глядя на эту сцену. Я вышел из камеры и ушел ждать в канцелярию тюрьмы, со связанными назад руками красноармейцы бросили Махлина на дно грузовика. Вероятно, ему было больно и неудобно лежать на досках. Но до этого ли ему сейчас? Он ведь теперь всего лишь груда мяса. Что ему ушибы? Через час он будет ничто.

Грузовик быстро помчался вперед. Мы, следуя за ним глотали облака пыли, поднятые им. Наконец, выехали за город, еще немного – и грузовик, подъехав к

холмам, остановился. Пока красноармейцы высаживали Махлина, мы также подъехали и сошли с машины. Земля была покрыта еще не успевшей высохнуть весенней травой. Легкий ветерок играл ею, раскачивая тонкие стебельки. В стороне от дороги, в тридцати шагах, виднеется яма, приготовленная заранее красноармейцами.

Махлин уже стоит на ногах. Ему предложили идти в сторону ямы. Он боязливо и неуверенно сделал несколько шагов. За ним с наганами в руках шли красноармейцы. Вдруг выстрел и одновременно пронзительный крик... Махлина не видно. Он свалился на землю. Два выстрела в упор – доканчивают.

Доктор нервно-суетливо побежал к труп, но, не дойдя, отбежал назад.

Прокурор стоял с открытым ртом, бледный как смерть.

Правосудие свершилось.

Глава IX. Кража консульских шифров

Мы сидели в загородной вилле, предоставленной в распоряжение сотрудников ГПУ, на квартире у начальника контрразведывательного отдела ГПУ – Стырнэ. Нас в комнате трое: Стырнэ, его помощник Уголов и я, занимавший должность начальника отделения по борьбе со шпионами.

Стырнэ, выше среднего роста, блондин, с устремленным куда-то в пространство взглядом, до крайности нервный, ежеминутно вскакивал со стула и, сделав несколько шагов, опять опускался на свой стул. Уголов, уже пожилой человек, среднего роста, широкоплечий, с упрямым бритым подбородком, с торчащими ежиком седеющими волосами, придающими лицу еще большее выражение упрямства, сидел неподвижно спокойно, склонившись над столом, и смотрел на бегающего по комнате Стырнэ. Я скромно сидел в стороне и улыбался, довольный присутствием в кругу моих начальников. Стырнэ, посмотрев на часы, сказал:

– Он должен быть здесь через пять минут. Повторяю, товарищи, нам чрезвычайно важно его завербовать, ибо мы тогда будем иметь возможность не только быть в курсе всей работы афганов в Туркестане, но, вероятно, откроем и карты англичан, которые работают через афганцев. Кроме того, мы через него сможем влиять на афганскую политику. Будьте очень с ним любезны и, больше льстите и подливайте ему вина. Мы знали, что речь идет об афганском консуле, который, заранее подготовленный секретной агентурой, должен сейчас прийти сюда и окончательно договориться с нами о работе для ГПУ. Вся обработка консула проводилась агентурой моего отделения, вот почему, по правилу ЧК – вводить как можно меньше людей в курс дела, я был привлечен на это собрание. Через несколько минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь. Раздевшись в передней, консул вошел комнату и, поздоровавшись, уселся в предупредительно предложенное ему кресло. Лет 50-ти, высокий, полный брюнет с большой проседью. На бронзовом лице большой крючковатый нос и густые брови, из-под которых блестели черные глаза. Одет был консул в европейский костюм, и лишь голова была покрыта черной барашковой шапкой, которую он, войдя в комнату, снял. По этой же шапке секретная агентура окрестила его кличкой "Шапочка", и на досье об афганском консуле, лежавшем у меня в несгораемом шкафу, красовалась надпись: "Агентурное дело Шапочка". После обычного обмена

любезностями уселись за стол.

Хотя консул и приглашен был на чай, стол был заставлен винами и закусками. После нескольких рюмок коньяку официальный тон разговора стал исчезать, и консул оживился.

– Расскажите, господин консул, что-нибудь интересное об Афганистане. Ведь это – такая таинственная для нас страна,- попросил я, подливая вина.

– Я должен сказать, что я по национальности не афганец, а таджик. Вы, вероятно, слышали, что афганцы относятся враждебно к таджикам, но мне тут повезло, мальчиком семи лет я был взят покойным эмиром Халла-ханом²⁰ в Кабул и жил при дворе. Там я собственно и вырос. Затем эмир назначил меня консулом в ???эей, где я прожил три года. Нынешний эмир Амала-хан²¹ назначил меня генеральным консулом к вам в Ташкент. Вот и вся моя жизнь. Я не бывал в Европе и ничего не видел, кроме нашей страны, а у нас нет замечательных вещей, о которых я мог бы рассказать. Ни театров, ни синема и вообще никаких развлечений, как в Ташкенте,- рассказывал консул.

– Кстати,- спросил он меня,- кто была эта высокая женщина в вашей ложе в прошлый раз в театре?

– Это – одна из моих хороших знакомых,- ответил я.- А что она вам понравилась? Если хотите, я вас познакомлю с ней,- предложил я.

– Да, я с удовольствием познакомлюсь с ней,- ответил консул, и глаза его заблестели еще больше.

– Итак, господин консул,- начал Стырнэ после изрядного числа выпитых рюмок,- мы теперь с вами хорошие друзья. Вы знаете, что мы вообще любим афганский народ, который первый протянул руку большевикам, но дело в том, что за последнее время мы замечаем недружелюбные акты со стороны Афганистана. Так, например, басмачи, с которыми мы боремся, пользуются гостеприимством в Афганистане. Конечно, мы думаем, что это влияние англичан на некоторых членов вашего правительства, поэтому мы, считая вас нашим другом, хотели бы просить информировать нас о тех недружелюбных к нам распоряжениях, кои вам известны.

– А что вы можете мне предложить?- задал вопрос консул.

Мы переглянулись между собой, ибо вопрос был для нас неожиданным. Наконец Стырнэ решил идти в открытую.

– Смотря, что вы можете нам предложить. Скажите, в чем конкретно вы можете нам помочь, и, я надеюсь,- в условиях мы договоримся,- ответил Стырнэ.

– Я могу вас познакомить со всей секретной перепиской консульства и дам вам ключ к шифру между мною и Кабулом. Но

взамен я прошу политической и материальной гарантии. Вы должны обещать мне через Наркоминдел право убежища в случае моего отказа вернуться в Афганистан, и, наконец, я прошу за все мои услуги десять тысяч рублей золотом, что, я думаю, для вас являются небольшими деньгами,- выкладывал консул свои условия.

Мы молчали. Что можно было ему ответить? Вопрос о праве убежища так же, как и вопрос о такой сумме, как 10 000 рублей золотом, мы были не в праве решать. Об этом нужно было просить разрешения высшей инстанции.

– Хорошо, мы обдумаем ваши предложения, и я думаю, что мы придем к соглашению,- ответил Стырнэ. Деловой разговор исчерпан. Побеседовав еще некоторое время о разных мелочах, консул уехал. Опять мы остаёмся одни. Стырнэ задумчив, Уколов по-прежнему невозмутим.

– Да, дело нелегкое достать такую уйму денег. Нужно будет вопрос согласовать с ЦК и с Наркоминделом, это займет недели две времени. Да и едва ли наши начальники согласятся на такую комбинацию. Однако посмотрим,- задумчиво сказал Стырнэ.- А вы, товарищ Агабеков, пока продолжайте агентурную разработку консульства, чтобы не терять даром времени,- обратился он ко мне.

Я сидел на конспиративной квартире с молодым таджиком, недавно приехавшим из Парижа. Это был мой тайный агент Хубан-шо, подружившийся с афганским консулом и информировавший нас о консульских делах. Хубан-шо был завербован отрядом особого отдела ГПУ. Там же ему преподавали несколько лекций политической грамоты и зачислили членом коммунистической партии. Всего только три месяца, как он впервые в своей жизни спустился с горных вершин Гимала, приехав в Фергану, увидел поезд и автомобиль. свидетели рассказывали мне, что когда Хубан-шо увидел движущиеся деревянные дома-вагоны без всякой посторонней помощи, то этот коммунист – авангард мирового пролетариата – испугался и убежал со станции в горы. Его с трудом поймали, привели обратно объяснили, что тут нечистая сила ни при чем, а во всем виноват паровоз. Однако, несмотря на дикость, Хубан-шо обладал природным умом и сообразительностью, главное – он был хитер хитростью дикаря.

– Ну, как поживает твой сородич консул?- спросил я его.

– Ничего себе. Он ожидает вашего ответа на его предложение и удивляется, что так долго не имеет ответа. Сейчас в консульстве спокойно, дипломатические курьеры уехали, и консульство почти опустело,- докладывал он.

– Хубан-шо! Ты обещал принести мне план расположения консульских комнат и до сих пор не приносишь в чем дело?

– План у меня давно готов, товарищ Агабеков, но я не умею чертить,- ответил Хубан-шо смущенно.

– Так давай, ты будешь объяснять, а я начерчу,- предложил я. И мы подробно нанесли на бумагу план консульства.

– А что представляет из себя секретарь консула?- продолжал спрашивать я у Хубан-шо.

– Это пожилой афганец, который почти ничего не делает. У него имеется работа, лишь когда консульство готовит почту. Как только дипкурьеры уезжают, он свободен и редко бывает в консульстве.

– Где же он проводит время?

– Он живет с одной русской женщиной и почти все свободное время проводит у нее,- ответил Хубан-шо.

– Кто она такая?- спросил я.

– Не знаю. Она, кажется, портниха. Если нужно, я завтра узнаю о ней все подробности.

– Да, пожалуйста, завтра же узнай, кто эта женщина, где живет и, вообще, все подробности,- закончил я.

Прошло две недели. Уколов и я вновь собрались в кабинете у начальника КРО Стырнэ. Лицо его выражало явное недовольство.

– Ну, товарищи, как я и предвидел, по делу "Шапочка" нам отказали во всем. ЦК согласился отпустить на это дело только тысячу рублей золотом, но главное несчастье – с Наркоминделом, который категорически протестует против предоставления права убежища консулу. Уполнаркоминделом Михайлов назвал это дело авантюрой, которая может только испортить наши отношения с афганским правительством. Итак, в нашем распоряжении 1000 рублей. Я думаю,- можно предложить и червонцы. Может быть, он согласится. Как вы думаете?- обратился Стырнэ к нам.

Уколов после короткого раздумья сказал:

– Нужно найти другой путь к документам консула.

– Я тоже того мнения, что нужно найти другой путь,- начал я,- ведь предположим даже, что мы уплатим нужные деньги и получим шифр. А где гарантия, что через месяц шифр не будет изменен, и мы опять останемся ни с чем? Что же тогда? Опять платить, что ли? Не говоря о том, что, возможно, консул откажется от 1000 рублей, и мы очутимся в неловком положении.

– Хорошо вы все рассуждаете,- волновался Стырнэ,- а где же этот другой путь? Единственный другой

какой я вижу, это украсть документы. А это может дать еще худший дипломатический скандал.

– А почему бы и нет? Мы не украдем, а лишь сфотографируем документы. В консульство проникнуть не трудно, и там почти никого нет. Вопрос только в том, как вскрыть несгораемый шкаф, где лежат документы. Ключи от шкафа консул носит всегда при себе на цепочке часов. Вы разрешите мне разработать план и доложить вам потом,- закончил я.

– Ну, ну, попробуйте,- ответил Стырнэ с сомнением в голосе. Мы разошлись по своим кабинетам.

– Войдите!- ответил я на стук в дверь моего кабинета. Дверь отворилась, и вошла высокая блондинка лет 30-ти, с обильно напудренным, помятым лицом, на лице ее выражение страха, смешанного с любопытством.

– Я получила повестку ГПУ явиться в комнату No 15 к товарищу Агабекову,- начала она.

– Вы гражданка Власова?- спросил я и, получив утвердительный ответ, предложил ей сесть.

Она села на кончик предложенного ей стула и боязливо разглядывала комнату. Я, делая вид, что очень занят шелестя бумагами, исподволь изучал ее. Затем внезапно обратился к ней:

– Скажите, гражданка Власова, вы хорошо знаете географию СССР?

Она мнетя и смущенно улыбается. На ее лице удивление по поводу заданного вопроса.

– Вы знаете, где находится Чимбай?22- продолжал я. Вот смотрите,- и я ткнул пальцем в угол карты Узбекистана, висевшей на стене. Это маленький кишлак в 500 верстах от железной дороги. Туда отсюда ехать 20 дней на верблюдах. Там свирепствует тропическая малярия и не живет никто, кроме туземцев, рассказывал я ей. Она смотрела на меня и на карту, ничего не понимая.

– Так вот, гражданка, я сейчас с вами говорю здесь совершенно секретно, и о нашем разговоре никто не должен знать. И я должен предупредить вас, что если станет известно, что вы кому-либо передали о нашем разговоре, то я вас вышлю в этот самый Чимбай.

– А теперь давайте откровенно поговорим о деле,- продолжал я.

– Скажите, вы знакомы с секретарем афганского консульства, не так ли?

– Да, я немного знакома с ним,- ответила она испуганно.

– Так вот, нам все равно, много или немного вы с ним знакомы. Нас интересует, можете ли вы, если нам это будет нужно, задержать его у себя на ночь до утра?

– Могу,- ответила Власова,- он всегда сидит у меня, пока я не

попрошу его уйти.

– Ну и прекрасно, пусть сидит себе на здоровье. Это все, что нам нужно. Я как-нибудь попрошу вас задержать его на всю ночь, и если вы успешно выполните нашу просьбу, мы будем вам благодарны,- сказал я.

– А мне ничего не будет за то, что я знакома с иностранцем?- спросила она.

– Будьте спокойны, ничего не будет, если выполните нашу просьбу. Теперь вы свободны,- сказал я, ставя штемпель на ее пропуске, без чего часовой не выпустит ее из здания ГПУ.

– Только никому ни слова о моей просьбе. Не забывайте Чимбай,- напомнил я ей на прощание.

И она, улыбаясь, ушла торопливой походкой, радуясь, что так легко отделалась от ГПУ.

Большая роскошная квартира, переданная в распоряжение ГПУ для специальных целей. Прекрасно сервированный на шесть персон стол. Много вина, коньяку и ликеров. Стол заставлен закусками. Мы пригласили афганского консула, который должен прийти к 9 часам вечера. Остальная публика собралась раньше. В гостиной сидят Уколов и три девицы. Двое из них секретные агенты моего отделения, а третья – моя машинистка. Это та самая высокая девица, которая так сильно понравилась консулу в театре. Он предупрежден, что она будет на этом интимном вечере, вот почему я уверен, что он обязательно придет. Она также имеет инструкцию – быть к консулу как можно благосклоннее. Она должна будет играть главную роль на вечеринке. В ожидании консула я проверяю все приготовления к столу. Кто-то из девиц бренчит на пианино в соседней комнате.

Ровно в 9 часов консул пришел, и мы повели его к столу. Ему отведено место рядом с машинисткой. Прежде чем приступить к закускам, мы начали с традиционной русской водки. После пары рюмок консул, улучив момент, спросил меня.

– Почему вы не даете ответа на мое предложение? Уже жду три недели.

– Дело в том, что ваше дело очень серьезное и важное, поэтому запросили Москву, откуда еще нет ответа,-

ответил я,- но я думаю, каков бы ни был ответ, он не сможет изменить наших личных отношений,- добавил я.

– Конечно, конечно,- поспешно сказал консул.- я очень люблю русских, в особенности русских женщин,- засмеялся он, кидая взгляд на свою соседку.

– Поэтому прошу занимать вашу даму,- сказал я и подмигнул повернувшейся к нам машинистке. Около полуночи консул, почти пьяный от вина и близости соседки, сидел на диване и

прижимался к девушке. Остальные женщины, несмотря на инструкцию пить как можно меньше, не удержались и, напившись, смеялись во все горло над молчаливым Уколовым. Я сидел в их компании и смотрел на золотую цепь, видневшуюся из-за расстегнутого пиджака консула, украдкой взглянув на часы, я решил, что уже пора действовать. Было без четверти час, а в час ночи на улице должны были меня поджидать мой уполномоченный с фотографом ГПУ. Я направился к столу и, налив рюмку вина, всыпал в нее дозу снотворного порошка. Рюмку поставил на край стола, затем взял из вазы цветов, понюхал его несколько раз и бросил рядом с рюмкой. Это был условный знак машинистке, сидевшей рядом с консулом и следившей за моими действиями. Через минуту она обратилась к консулу:

– Давайте, выпьем за нашу любовь,- и, встав, взяв приготовленную рюмку, подала консулу. Схватив другой стакан, она чокнулась с ним и пьет. Консул, глядя на нее влюбленными глазами, приложился к своей же и выпил до дна.

Никто ничего не заметил. Веселье продолжалось. Минут через десять консула стало клонить ко сну. Его соседка, взяв его под руку, отвела его в последнюю комнату и через несколько минут вернулась с цепочкой от часов, на коей висели ключи.

Я торопливо открыл несгораемый шкаф, стоявший в кабинете консула. За мной стоял мой уполномоченный, освещая карманным электрическим фонарем дверцы шкафа. Хотя в консульстве никого не было, мы старались не производить шума.

– Вот шифр,- сказал я, вытаскивая лежащую в конверте со сломанными сургучными печатями тетрадку.- А вот и папка с секретными циркулярами,- продолжал я вытаскивать бумаги и передавать их уполномоченному.

В шкафу больше ничего нет, за исключением двух мешков с афганскими серебряными рупиями.

– Сейчас же поезжайте к нам и сфотографируйте все это. Смотри, чтобы бумаги лежали в том же порядке, в каком они сейчас. Приезжай как можно скорее,- инструктировал я уполномоченного.

5 часов утра. Я только что водворил цепочку от часов на жилет консула, мирно спящего рядом с машинисткой. Остальные тоже спят, кто на кроватях, кто на диванах. Все сошло благополучно. Я доволен операцией. С наслаждением я выпил чайный стакан вина и лег на ближайший диван отдохнуть.

На утро разбудил меня Уколов. Консул только что открыл глаза. Я, протирая глаза, подбежал к нему.

– Ну, как спали, господин консул,- спросил я.

– Большое спасибо,- улыбнулся консул, стараясь скрыть головную боль.

Через час он собирался уезжать. Мы шумно прощаемся с ним и берем друг у друга обещание устроить еще такую же вечеринку.

Уже 10 часов утра. Я спешу к себе в ГПУ, чтобы посредством добытого шифра расшифровать собранные заранее копии секретных телеграмм "дружественного Афганистана!"

Глава X. Троцкизм среди чекистов

В кабинете секретаря Ново-Городского комитета ВКП (б) Епанешникова набилось человек тридцать. Дело было в конце 1923 года. За закрытыми окнами валил снег. В комнате стоял густой чад от накуренного табака. Маленькая открытая форточка была не в силах вытянуть густые клубы дыма, и воздух в комнате становился все более нестерпимым.

Однако никто из присутствовавших не обращал на это внимания. Собравшиеся представляли собой партийный актив городского комитета партии, и им сегодня

предстояло решить важнейший жизненный вопрос партии. Нужно было решить, кто прав и кто виноват в поднятой Троцким дискуссии перед съездом партии. Троцкого, книга "Уроки Октября" расшевелила всю партийную массу, ибо идеологи Центрального Комитета партии усмотрели в этих "Уроках" новую попытку Троцкого ревизовать ленинизм, новую попытку "протащить" троцкизм, пользуясь безнадежностью положения большевиков Ленина.

Партийный актив состоял в своем большинстве из председателей ячеек городских учреждений и предприятий, среди них присутствовал и я, как секретарь объединенного бюро ячеек войск и органов ГПУ. Все мы с нетерпением ожидали члена Центрального Комитета Межлаука, приехавшего только что из Москвы и назначенного докладчиком на нашем партактиве. Я, как, вероятно, и большинство из собравшихся, не читал еще книги "Уроки Октября" и знаком с затронутыми в книге вопросами по статьям в московской "Правде". Я заговаривал на эту тему то с одним, то с другим из секретарей, стараясь в беседе с ними выяснить для себя сущность разногласий в Центральном Комитете партии, а также прощупать мнение моих собеседников, но всюду наталкивался на один и тот же ответ: "Да голову ломать. Вот Межлаук сделает доклад и даст активы, по которым будем работать". Только один из присутствовавших, видимо, не разделял мнений собравшихся. Он сидел в стороне и смотрел на остальных, полупрезрительно улыбался. Это был председатель Хлопкового комитета Мамаев. Изредка к нему подходил секретарь комитета Епанешников и, обменявшись парой фраз, отходил с улыбкой сожаления и превосходства на лице.

Наконец пришел Межлаук. Как всегда свежевыбритый, одетый в новенький, хорошо сшитый костюм, Межлаук резко отличался от нас, полурабочих, полувоенных, не знавших, что такое полный комплект новой одежды, одевавшихся от случая к

случаю.

– Товарищи, заседание партактива объявляю открытым. Слово для доклада предоставляется товарищу Межлауку,- выкрикнул обычную формулу Епанешников, уступая место докладчику.

– Товарищи,- начал Межлаук,- вы все, наверное, прочли в "Правде" и "Известиях" о той дискуссии, которая сейчас происходит в Москве. Товарищ Троцкий вновь старается провести в партии свою идею "перманентной" революции, которую так четко раскритиковал в свое время товарищ Ленин. Сейчас в своей книге "Уроки Октября" Троцкий идет еще дальше. Он обвиняет партию во внутрипартийном зажиме, выдвигает теорию разделения партии, противопоставляя молодых старикам...- Межлаук говорил часа два. Говорил красиво, хорошо, связно, но было видно, что он говорил не свое, а повторял слышанное им в Москве.

– Троцкий добился новой дискуссии в коммунистической партии. Еще дискуссию 1921 года Ленин считал роскошью, которую позволила себе партия, а сейчас мы стоим перед новой роскошью. Троцкий, пользуясь временной болезнью Ленина, хочет внести раскол в мощную монолитную пролетарскую партию, но товарищи, верные последователи Ленина, тт. Зиновьев, Каменев²⁴, Рыков²⁵ и все остальные члены ЦК партии решили еще раз дать с помощью всей партии отпор тенденциям троцкистов и, очистив свои ряды от сомневающихся, идти сомкнутыми рядами к мировой социальной революции,- закончил Межлаук.

Кругом аплодисменты. Повсюду сияют радостные лица, точно троцкизм уже разбит и мировая социальная революция установлена.

– А ведь товарищ Троцкий прав, говоря об отсутствии внутрипартийной демократии,- неожиданно для всех спокойным голосом сказал Мамаев, едва стихли хлопки,- вот хотя бы возьмем сегодняшнее собрание. Товарищ Епанешников собрал секретарей ячеек, то есть тех же аппаратчиков, и хочет...

– Товарищ Мамаев,- прервал его секретарь,- вам не давали слова.

– Ну, так дайте слово. В чем же дело?- спросил, улыбаясь, Мамаев.

– Слово будет даваться в порядке записи желающих. Есть товарищи, желающие высказаться по докладу товарища Межлаука?- обратился Епанешников к собранию.

Желающих говорить было много. Собрание продолжалось около трех часов. Наконец приступили к голосованию резолюции,

предложенной Межлауком, осуждавшей позицию Троцкого. Мамаев был против, четверо воздержались. Остальные единогласно голосовали за резолюцию, причем каждый старался, чтобы его высоко поднятую руку заметил член ЦК Межлаук и оценил правоту.

– Так вот, товарищ,- инструктировал после заседания каждого из секретарей ячеек Епанешников,- завтра

резолюция партактива будет опубликована в "Туркестанской правде", а затем нужно полностью провести эту резолюцию на ближайшем собрании по ячейкам. Копии протоколов собраний срочно пришлите в горком.

Большая церковь, превращенная ныне в клуб войск и сотрудников ГПУ. Длинное квадратное помещение. Стены обиты длинными полосами красной материи, на которой лозунги. Местами висят плакаты и различные телеграммы. На сцене также плакаты и свернутые знамена. Сейчас там же стоят стол и несколько стульев для президиума собрания. Ниже стоят ряды длинных скамеек, теряющихся в глубине помещения. Все скамьи заняты красноармейцами и сотрудниками ГПУ, сидящими попеременно. Идет партийное собрание ячеек войск и органов ГПУ. Председательское место занимает небольшого роста полный мужчина с большим, бледным, опухшим лицом и редкими выющимися светлыми осями. Это полномочный председатель ОГПУ в Средней Азии – Вельский. Он бесконечно вертится на своем стуле, ибо у него ишиас. По сторонам от него сидят члены президиума. Слово для доклада о дискуссии предоставляется мне.

– Товарищи,- начал я свою речь и почти слово в слово повторил то, что я слышал на партактиве у Межлаука, разбавляя все это материалом из последних номеров столичных газет. Говорил я около часу, как и полагается приличному докладчику. Аудитория слушала меня, не прерывая. Доклад свой я закончил также по трафарету – победным кличем.

– Кто хочет слово по докладу?- спросил председатель. Гробовое молчание.

– Есть вопросы к докладчику?- опять задал вопрос Вельский.

В дальнем углу поднялся начальник отдела по охране Коваленко. Коренастый украинец, с сильным голосом, злоупотребляющий алкоголем. Он бывший анархист-коммунист из рабочих.

– У меня, собственно, такого рода вопрос. Вот докладчик нам здесь рассказывал целый час о том, что мы уже читали в газетах: что нужно бороться с Троцким и другими. А ни одного слова он не сказал, против чего, собственно, бороться. Какая программа у

Троцкого? Чего он хочет? Мы ничего не знаем. Мы только слышали, что в Москве дискуссия с Троцким и с другими товарищами, которых мы хорошо знаем. Обвинять их в контрреволюции – абсурд. Значит, тут что-то другое. Так пусть нам расскажут подробно все за и против, а там и мы выскажемся, – сказал Коваленко.

Собрание сразу загудело. Со всех сторон раздавались голоса: "Правильно, правильно".

После короткого совещания было решено собрать через два дня новое собрание и выставить докладчика, который бы доложил о точке зрения оппозиции.

Через два дня опять собрание в том же клубе. Только больше народу. Помещение набито битком. Много любопытных из беспартийных. Доклад о точке зрения оппозиции я поручил сделать одному из военкомов батальона Гусеву. Он, невзрачного вида человек, никогда ничем особенно не интересовавшийся и редко выступавший на собраниях. Ничего особенного от него нельзя было ожидать.

Собрание было объявлено открытым, и слово предоставили Гусеву. Он начал тихо, запинаясь, цитировать мою речь на прошлом собрании. Затем, вытащив из-за пазухи шинели пачку московских газет, стал цитировать из них. Собрание скучало, и многие перестали слушать оратора. Но вдруг, что стало с Гусевым? Он перешел на тему о позиции Троцкого. Он весь преобразился. Он, перестав заикаться и жестикулируя на сцене, говорил:

– Вот сейчас на этом собрании я буду говорить то, что думаю, и то, что чувствую, а завтра товарищ Вельский сошлет меня куда-нибудь к черту на кулички. И это вы, товарищи, называете внутривнутрипартийной демократией? – говорил он. – Ведь каждый из вас знает, что если не угодишь начальству, то угодишь куда-нибудь подальше. А как вы это назовете, как не подхалимство? Чекисты – подхалимы! А почему такие завелись у нас? Благодаря тому, что в партийном аппарате укрепились чиновники-бюрократы. Нельзя слово пикнуть – выбросят из партии! – уже кричал он. – Где у нас равенство в единой коммунистической партии? На бумаге, в уставе партии. А на самом деле верхи и низы. Начальники и подчиненные. Верхи обросли на теплых местах и тянут к себе родственников, подхалимов, бюрократов. Везде и повсюду круговая порука. Рука руку моет. Только внутривнутрипартийная демократия даст возможность проявить все недочеты нашей партии и избавиться от них.

Собрание гудело. Кругом шум и выкрики. Каждый хотел говорить. Вельский, побледневший еще больше, старался

восстановить порядок. Беспрерывно дребезжал звонок председателя.

Ораторы выступали один за другим. Все упрекали партийный аппарат.

– Революция, видно, кончилась,- кричал один из ораторов,- в то время как одни дрались на фронтах, другие более проворные заняли хлебные места.

– Каждый сидящий на посту в ЦК партии,- говорил другой,- хвастается, что он был членом партии чуть

с Рождества Христова, а на самом деле никто не знает, что он делал и где был во время Октябрьского переворота. Нужно вычистить весь партийный аппарат.

Прения были прекращены. Стали выносить резолюцию. Чувствовался перевес оппозиции. Почти все красноармейцы – члены партии – высказывались в пользу Троцкого. В то время как они, выступая единым фронтом, подали одну общую резолюцию, сторонники ЦК были разрознены и внесли четыре резолюции. Вельский, понимая положение, предложил объединить их в одну, и е после такого "трюка" стали голосовать.

363 голоса за Центральный Комитет партии, 356 за Троцкого. Почти половина ГПУ, органа защиты диктатуры ЦК, стояла на стороне Троцкого. Это было почти полным поражением. Но формально ЦК имел большинство в семь голосов, и меньшинству пришлось подчиниться.

Было объявлено, что ГПУ стоит за Центральный Комитет партии. За Зиновьева и Каменева.

В большом здании театра "Колизей" общегородское партийное собрание. В президиуме сидят местные партийные заправила и приехавшие из Москвы Рудзутак 7 Марейкис . Рудзутак в богатой меховой шубе, которую снимает на собрании, делает доклад. Выступавших ораторов много. Большинство защищали точку зрения Троцкого. Сторонники ЦК старались скомпрометировать троцкистов по личным мотивам. "Это все ущемленные. Это люди, сами метящие на теплые места. Волки в овечьей шкуре". Такие эпитеты троцкистам были бесконечны.

Началось голосование. Счетчики заранее были намечены секретарем горкома Епанешниковым. От них многое зависело. Они могли сотню голосов убавить или прибавить.

– Кто за резолюцию товарища Рудзутака?- крикнул председатель собрания Манжара.

Начался подсчет поднятых рук.

– Кто за резолюцию товарища Мамаева?- опять подсчет.

– 2460 голосов за Рудзутака и 1520 за Мамаева,- объявил председатель.- Таким образом, большинством голосов

принимается резолюция товарища Рудзутака.

– Пойдите,- раздался громкий повелительный голос с галерки,- разрешите спросить у товарища Епанешникова, сколько всех присутствующих членов партии?

Все оглядываются на галерку и смотрят на взошедшего на доски красноармейца войск ГПУ, задавшего вопрос.

– 3200,- не соображая, выпалил Епанешников.

– Так как же голосующих оказалось около 4000?- спросил все тот же красноармеец.

Поднялся ужасный шум, крики. Минут десять в зале стоял страшный гул голосов.

– Вносится предложение переголосовать,- смог, наконец, объявить председатель.

Снова началось голосование. 1607 голосов за Центральный Комитет и 1593 за Троцкого. Никто не сомневался, что тут не обошлось без махинаций счетчиков, давших победу Центральному Комитету партии.

В Ташкенте к Вельскому приехал погостить полномочный представитель ГПУ Белоруссии Медведь. Это одинаковой комплекции и, видимо, психологии с Вельским человек. Они – большие друзья и старые соратники. Лицо у Медведя жесткое, да и деяния за ним числятся не мягкие. Сейчас он вместе с Вельским сидит у меня в бюро ячейки.

– Да, я тебе скажу, было тут дело с этой дискуссией,- рассказывал Вельский,- не знаю, случайно или с намерением товарищ Агабеков подобрал докладчиком из оппозиции некоего Гусева. Так я тебе должен сказать, так и оказался гусем, холера ему в бок. Еле отбили позицию ЦК. Ведь подумай, что сказали бы в Москве, если бы у меня здесь оппозиция взяла верх, я этого Гусева отправил отсюда в Семиречье. Пусть там бузит, сколько ему хочется.

– Что Москва сказала бы, ха, ха,- ответил Медведь- Там положение почище оказалось. Там в ГПУ выступал не гусь какой-нибудь, а сам товарищ Преображенский. С цифрами в одной руке, с азбукой коммунизма в другой. Одним словом профессор. Ты знаешь ячейку в Москве, это ведь 3000 коммунистов. Так вот, после доклада Преображенского большинство оказалось сторонниками Троцкого. Привезли с постели полураздетого ? анова²⁹, чтобы хоть он воздействовал. Не помогло, публика не слушала. Кто-то из ребят обозвал его старым козлом. А Дзержинскому³⁰ и другим членам коллегии вообще говорить не давали. Требовали немедленно ввести внутривнутрипартийную демократию, разогнать партийный аппарат. "Долой бюрократов, долой аппаратчиков",- сплошь и рядом кричала ячейка. Пришлось

прекратить собрание и перенести на следующий день. Ну, а на следующий день были приняты меры. Во-первых, срочно по прямому проводу вызвали из Ленинграда Зиновьева, затем Феликс особо заядлых крикунов частью изолировал, частью отправил в срочные командировки. На следующий вечер собрание открылось речью Зиновьева. Этот и начал. Говорил четыре часа подряд. Все обалдели, слушая его. Голоснули – и что же? Несмотря на принятые меры, ничтожным большинством прошла резолюция ЦК. Да, жаркая была дискуссия. Почти 21-го а,- закончил Медведь.

– Кстати, ты уже получил приказ ГПУ о расформировании юридического отдела ГПУ в Москве?- спросил Медведь Вельского.- А знаешь, почему расформировали? Нет? Так я тебе скажу. Весь отдел целиком оказался разложенным и стоял за оппозицию. Ну, Дзержинский и разогнал их, отправив на окраины. Четырех них он прислал ко мне в Белоруссию.

– Да,- задумчиво ответил Вельский,- хороших коммунистов на окраины не шлют, а все больше бузотеров или провинившихся. Точно здесь тюрьма какая-то. Такими мерами во время дискуссии вожди партии и ГПУ отстаивали "монолитность и единство" пролетарской партии в рядах коммунистов ОГПУ.

Я девять месяцев был непрерывно избираем секретарем ячеек органов ГПУ. На этой должности я убедился, что на партийной работе делать нечего. Там думать и решать не нужно. Все заранее обдумано и решено, и эти решения получаешь в виде циркуляров и резолюций, которые обязан неуклонно проводить в жизнь. Иначе – обвинение в уклоне, замена более покладистым членом партии – и опала.

Я не мог больше вынести гнилого духа партийной работы и решил вернуться на практическую активную работу. Меня пригласил к себе на работу начальник иностранного отдела ГПУ Трилиссер³¹.

Глава XI. ЧК у границ Индии

Я приехал в составе советского посольства в Кабул. Официально я числился помощником заведующего бюро печати, фактически же я резидент ОГПУ в Афганистане. Советское посольство помещалось в довольно старом здании, напротив знаменитого и единственного в Афганистане завода "Машинханэ". Между заводом и посольским домом протекала река Кабул, от которой летом остается одно высушенное русло и название. Вдоль реки по руслу бродят буйволы в поисках воды и сырого места. Посольский дом страшно неудобен, и единственным преимуществом его является огромной толщины чинара, раскинувшая среди двора свои громадные ветви, которые давали богатую густую тень. Члены миссии почти все свободное время проводят под этим деревом. От старого водоноса мы знали, что дом этот принадлежал предшественнику нынешнего Мустоуфи (заведующий налоговым управлением), который чересчур усердно собирал налоги, большую часть которых забывал сдавать в казну. Благодаря своей плохой памяти, он скопил громадное состояние. Однажды вечером по приказу эмира пришли в дом солдаты и, вытащив Мустоуфи с постели, повесили его тут же на чинаре, под тенью которой он любил отдыхать. Тут он висел три дня и три ночи. Потом труп убрали, а имущество конфисковали в пользу казны. Водонос показывал нам толстую ветвь дерева поддерживавшую своего хозяина в последнюю критическую минуту его жизни.

Вот так, мы, как обычно, сидели, укрывшись от знойного солнца под деревом, и от скуки перекидывались редкими фразами. Уже два месяца мы не читали газет из СССР и с нетерпением ожидали приезда тематических курьеров. Вокруг этой темы и шел разговор. Вдруг мы заметили, что стоявший у ворот часовой афганец открыл настежь ворота, в которые въехали совсем запыленные всадники. Это был курьер и два его сопровождающих. За ними следовали несколько лошадей, и караван замыкался четырьмя маршировавшими солдатами. Все, сидевшие под деревом, выбежали на солнце и шумно, радостно приветствовали прибывших. Дипломатическая почта почти немедленно была развьючена и перенесена в обычно пугавшую канцелярию.

Второй секретарь разбирал в канцелярии почту, комендант посольства отводил уставшим от трехнедельной верховой езды курьерам помещение. Мы же продолжали сидеть под деревом, с нетерпением ожидая новостей.

Прошел час томительного ожидания, пока, наконец, из квартиры полпреда выбежал посольский слуга Осман, единственный слуга, одевавшийся по-европейски, т. е. носил брюки поверх белых шаровар. Подбежав к дереву, Осман обратился ко мне по-афгански.

– Сафир-саиб требует мунши-саиба к себе.

– Хоб,- ответил я и, встав, направился к полпреду. Я вернулся к себе и заперся в спальне, где хранил секретные бумаги и шифр. Из вскрытого пакета, адресованного полпреду Старку с печатями Наркоминдела, вынул запечатанный, адресованный: "Лично, совершенно секретно. Никому другому не вскрывать, товарищу Перу". Я носил кличку "Петр". Осторожно вскрыл пакет и вынул содержимое. Письмо на простой бумаге без адреса и без подписи, пара циркуляров на папиросной бумаге и американские доллары. Я стал читать письмо. "§ 4. Обращаем ваше внимание на бухарскую эмиграцию. У нас имеются сведения, что Афганское правительство продолжает их поддерживать. Из тех же очников сообщают, что эмир бухарский намерен обратиться в Лигу Наций³² с петицией, которую должен повезти в Европу бухарский купец Юсуф-бай. Одновременно наблюдается новое оживление басмачества на границах. Все эти моменты заставляют нас обратить пристальное внимание на бухарцев в Афганистане и их связи на советской территории.

§ 5. Восстание хостинцев на юге Афганистана, по непроверенным сведениям, поддерживается англичанами, снабжающими повстанцев оружием. Выясните, каковы взаимоотношения главарей повстанцев с англичанами. Постарайтесь добыть документальные данные участия англичан в помощи восставшим".

В таком же духе были остальные параграфы письма.

Я каждый день совершал прогулку верхом, знакомясь с окрестностями и людьми. О бухарцах мне только было известно, что эмир бухарский живет в отведенном ему дворце Калаи-Фату, в 18 километрах от Кабула. При нем находились до трехсот приверженцев, среди которых мы не имели ни одного агента. После получения письма из Москвы я перенес свои прогулки на дорогу между Кабулом и Калаи-Фату, надеясь встретить кого-нибудь из бухарцев и завязать знакомство. Целую неделю я разъезжал безрезультатно, пока однажды я не увидел едущего по дороге верхового. В пестром халате с белой чалмой на голове и большой седой бородой, обутый в мягкие сафьяновые сапоги, старик был типичным бухарцем. Он направлялся из города в сторону Калаи-Фату.

– Сапам алейкум,- поздоровался я со стариком, нагнав его.

– Салам алейкум,- ответил он, искоса взглянув в мою сторону.

– Не знаешь ли, отец, как проехать в Чиили-Сютюн?- спросил я по-узбекски.- Я недавно приехал в эти места и не знаю дороги,- добавил я.

– А вот я еду в сторону Чиили-Сютюна, езжай по этой же дороге,- предложил он, и я присоединился к нему.

– Ты хорошо говоришь по-узбекски, но ты не узбек. Что ты делаешь в Кабуле?- спросил старик.

– О, я почти всю жизнь провел в Бухаре. Я имел там свою торговлю, но после революции разорился и вот теперь вынужден служить. Я служу переводчиком при советском посольстве,- ответил я.- Приехал я сюда прямо из Бухары и вот думаю накопить немного денег и опять вернуться в Бухару торговать,- продолжал я.

– Ты недавно из Бухары?- оживился старик, расскажи, как там жизнь и кого ты там знаешь?

Мы беседовали, пока вдаль не показались синие мрачные колонны эмирского дворца Чиили-Сютюна.

– Спасибо, сынок, за вести. Если будешь иметь время, приезжай в одну из пятниц ко мне в гости в Калаи-Фату. Спроси Али Мардан-бая, каждый знает мой дом. Попьем чаю, поговорим,- прощался со мной старик.

– Спасибо, бай, обязательно приеду. Рад в чужой стране встретиться со своими,- сказал я и повернул лошадь к дворцу.

Итак, я имел повод поехать в Калаи-Фату. В самый штаб басмачей, где проживал сам экс-эмир бухарский. И при нем триста басмачей, его адъютанты, генералы и бывшие губернаторы провинций, потерявшие все благодаря большевикам. Я окажусь среди ярых врагов большевизма в 18 километрах от города. Что я могу сделать, если они захотят меня уничтожить? Даже костей не найдут. Рискованная задача. Но я решился, другого выхода нет. Нужно срочно найти информаторов среди

бухарцев. Нужно выполнить задание Москвы.

С утра я оседлал своего серого туркменской породы, коня. Сунул в карман браунинг с парой запасных обойм и выехал из ворот посольства. Лошадь несла меня легкой рысью. Вон в стороне дворец Бабура, где помещается сейчас германская миссия. У меня там много знакомых друзей. Я часто бывал у них и не уставал любоваться обширным роскошным садом дворца. Дальше впереди виднеется дворец Чиили-Сютюн. На вышке дворца развивается красный флаг. Это – личный флаг эмира афганского. Присутствие флага означает, что эмир находится здесь. А может быть, флаг висит для отвода глаз? Ведь у каждого

правителя есть враги. Еще дальше пошли узкие полосы голых полей, с которых урожай уже собран. Наконец, вдали показалась деревушка, расположенная у замка Калаи-Фату. Я въехал в деревню и рысью направился к воротам дворца.

– Стой!- закричал часовой у ворот, хватая за уздечку лошадь.- Куда едешь?- спросил он.

– Мне нужно повидать Али Мардан-бая,- ответил я.

– Что же ты едешь во дворец? Здесь живет эмир-саиб. Сверни налево, в третьем дворе спроси Али Мардана,- уже спокойно указал мне дорогу часовой.

Я свернул налево и, доехав до третьих ворот, въехал во двор. Какой-то узбек вышел из дома и вопросительно смотрел на меня.

– Здесь живет Али Мардан-бай? – спросил я.

– Да,- вежливо ответил он,- только сейчас его нет дома, он еще не вернулся из мечети.

– Так я его подожду,- сказал я, прыгнув с лошади.

Выбежал мальчишка и, взяв лошадь, стал ее прогуливать. Я сел в тени навеса. Встретивший меня узбек вынес чаю и сел на корточках поодаль. Подошли еще несколько человек. Понемногу вокруг меня собралась толпа. Я пил чай, рассказывал им о жизни в Бухаре. О новой советской власти, которая помогает всем трудящимся. Об амнистии, дарованной всем желающим возвратиться на родину узбекам. Толпа вокруг меня, выросшая до пятидесяти человек, слушала меня с напряженным вниманием. На лицах виднелось чувство тоски по родным местам.

Пришел с молитвы и Али Мардан. Он встретил меня, как старого знакомого.

– Вот, слава Аллаху, живой человек из самой Бухары,- сказал он, обращаясь к слушателям. Мой престиж в глазах публики еще более поднялся. И когда, посидев еще некоторое время, я собрался ехать обратно, несколько человек из группы бросились к моей лошади и помогли мне усесться. Я дал мальчишке, прогуливавшему лошадь, пару рупий и, попрощавшись, уехал. Я возвращался в город, довольный своей поездкой. Я чувствовал, что посеянные мною семена принялись хорошо, и радовался будущему урожаю.

– Саиб,- услышал я сдержанное обращение за собой, идя по крытому Сары-Пуль, базару Кабула. Я обернулся и увидел двух бухарцев.

– Мы хотим с тобой поговорить. Не можешь ли ты пойти с нами в укромное место?

– Хорошо,- ответил я и свернул в узкий вонючий переулок.

– Мы вдвоем решили вернуться в Бухару и просим твоей помощи. Скажи послу, чтобы разрешил нам ехать домой, – сказал

один из бухарцев, убедившись, что мы одни

– Хорошо, я передам вашу просьбу послу. Приходи на это же место послезавтра, и я вам передам ответ посла,- ответил я, записывая их имена. Через день мы снова встретились.

– Посол не верит, что вы искренно желаете вернуться на родину и заниматься мирным трудом,- начал я- он боится, что вы опять будете заниматься басмачеством.

– Нет, саиб, мы уже пять лет, как покинули наши дома и семьи. За это время мы испытали все. Нам все время обещали, что мы сможем скоро вернуться домой. Нас заставляли работать, как ослов, и держали впроголодь. Теперь довольно. Мы видим, что все это были пустые обещания. И не только мы вдвоем, но и все наши люди хотят вернуться к своим семьям, но боятся наказания большевиков.

– Ладно, а чем вы докажете, что, действительно, искренне решили порвать с эмиром?- спросил я.

– Чем хочешь, саиб,- ответили оба вместе.

– Хорошо, я вам предложу следующее: в течение двух месяцев вы будете жить здесь и информировать меня о том, что делается у эмира. Кроме того, вы должны уговаривать и других вернуться на родину. Если вы честно исполните эти два условия, то я обещаю уговорить посла выдать вам паспорта. А чтобы вы могли здесь жить, я вам буду выдавать по сто рупий в месяц на расходы,- предложил я.

– Мы сделаем все, что ты прикажешь,- без колебаний ответили они.

И я им выдал по десять рублей аванса. Дальше уже пошло как по маслу. Через месяц после первой встречи я отправил первую партию эмигрантов на родину, расставил в окружении эмира бухарского больше, чем нужно, информаторов для дальнейшей работы.

– Исак-хан,- обратился я к наиболее ловкому из моих информаторов-бухарцев, встретив его в горах на условленном месте,- мне нужно получить именной список всех эмигрантов-бухарцев в Кабуле. Сможешь ли ты достать?

Маленького роста, краснощекий, с хитрыми карими глазами, Исак-хан подумал несколько минут и ответил:

– Конечно, можно, только это будет стоить денег.

– Ладно, я и так тебе плачу много. Достань этот список, и я выдам тебе, кроме жалования, сто рупий награды,- предложил я.

– Сделаю, саиб, и принесу через неделю,- сказал он и ушел быстрой деловой походкой.

Через неделю мы вновь встретились на том же месте.

– На, возьми,- сказал Исак-хан, вынимая из-за пазухи

большой сверток бумаги.- Тут имена всех бухарцев в Кабуле.

Я стал просматривать список и обратил внимание, что кроме имен и фамилий имелись и подробные биографии.

– Как ты достал это, Исак-хан?- спросил я, передавая ему мешок с рупиями.

– Саиб, мне долго пришлось работать. Я сказал всем своим, что хочу написать книгу истории Бухары, в которую хочу включить имена всех моих славных сподвижников. Я сказал, что эту книгу напечатаю и вся Бухара, весь мир будут читать эту книгу и прославлять героев, воевавших во славу ислама. И вот каждый приходил записать свое имя и давал подробные сведения о себе, чтобы его не спутали с другими однофамильцами,- рассказывал он, улыбаясь.

– Молодец, спасибо, скоро поедешь домой, будешь большим человеком,- ответил я.

– Саиб,- вдруг умоляюще начал Исак-хан,- ты знаешь, когда я приеду в Бухару, я хочу жениться. Так вот, я прошу тебя написать в Москву, чтобы государство выдало мне медаль.

– Зачем тебе медаль?- спросил я.

– Когда я буду иметь медаль, все девушки будут меня любить, и каждый бухарец согласится, чтобы я женился на его дочери. Пожалуйста, саиб, сделай это для меня,- просил он.

– Хорошо, вот кончишь работать, поедешь в Бухару, и мы дадим тебе большую медаль,- ответил я, смеясь в душе его наивности.

Исак-хан обрадовался. Он верит мне, ибо я всегда выполнял обещания. Он будет усердно работать, чтобы заслужить медаль у советской власти.

Я же обещал потому, что я должен был выполнить один из параграфов полученного из ГПУ письма. Впрочем, я выполнил свое обещание. Перед отъездом его в Бухару я ему подарил мой значок, АВИАХИМа, очень красивый и смахивавший на медаль.

Я сидел на квартире у своего секретного агента Хачубея, служившего в афганском военном министерстве. Кроме меня и хозяина в комнате находился и главарь Хатегинских басмачей Фузаил-Макеум. Он стоял в дальнем углу на коврике и молился. Человек, поражающий своей жестокостью даже жителей Востока, он сейчас смиренно, как дитя, стоял на коленях и молился своему Богу. Он также состоял у меня секретным агентом, глядя на его молитвенную позу, я невольно про себя думал: "А черт знает, что у этого фанатика на уме"

Мы троим ждали главу ферганских басмачей Курширмата. По агентурным сведениям, в период его борьбы против советской власти в Туркестане он заключил письменное соглашение с

англичанами, в котором они обещали ему помочь оружием и деньгами в борьбе с большевиками. Получить такой документ нам в руки в 25 году, после опубликования "письма Зиновьева"³³, имело для нас колоссальное значение. Советское правительство смогло бы этим документом играть на общественном мнении Европы. Поэтому я имел инструкцию из ГПУ идти на все уступки, лишь бы заполучить этот документ.

Я, признаться, с любопытством и нетерпением хотел увидеть Курширмата, прославившегося своей жестокостью на всю Среднюю Азию. Именуя себя Джаанам (покорителем мира) и считая себя потомком Чингис-хана, Курширмат уничтожал все и всех на своем пути. За период его деятельности в Туркестане он и его клика уничтожили до десяти тысяч мирных жителей. Наконец пришел Курширмат в сопровождении своего охранника. Среднего роста, худощавый, с забинтованным черным бинтом одним глазом. Черная чалма, которую он носил на голове, еще более оттеняла желтизну его лица. Кивнув нам головой, он уселся в конце длинного стола. Почва для переговоров между нами была уже подготовлена заранее Хасан-беем, и поэтому я сразу начал говорить о деле.

– Я говорю с вами, Шир-Ахмед, от имени советской власти. Мы предлагаем вам полную амнистию при условии, что вы подробно расскажете о ваших сношениях

с англичанами, распустите имеющихся здесь ваших людей и объявите всем вашим сторонникам в Фергане, что прекращаете борьбу с нами и подчиняетесь советской власти,- перечислял я наши условия.

– Хоб, а что я буду делать, когда я вернусь в Туркестан?- спросил он.

– Советское правительство вам назначит пенсию и, может быть, предложит приличествующую вам должность,- ответил я.

Курширмат обдумывал мое предложение, насколько можно было судить по одному глазу.

– Хорошо, я подумаю над вашим предложением,- наконец, ответил он.

– Правда ли, что вы вели переговоры с англичанами и заключили с ними договор?- спросил я.

– Да, я имел с ними беседу будучи в Пешаваре 4. Они мне многое обещали, а на самом деле ничего не помогли,- неохотно ответил он.

– Что же, вы имели с ними письменное соглашение, или как?- поставил я интересующий меня вопрос.

– Нет, у нас не было письменного соглашения. Я имел личную беседу с одним крупным английским чиновником,-

ответил он.

Итак, значит, письменного документа нет. Мои сведения не подтвердились. Компрометирующего англичан документа опять не оказалось. А жаль! Какой был удобный случай доказать всему миру миролюбие Советов и империалистические тенденции против пролетарского государства. Но ведь не может быть! Где-нибудь и что-нибудь англичане готовят против Советского Союза и, хотя они народ и хитрый, должны оставить хоть какие-нибудь следы. Нужно искать и искать хорошенько.

И я искал, долго искал. Целых шесть лет после этого случая я проникал в тайны английской политики. За это время было добыто много всяких секретных документов английской дипломатии. Но, увы! Компрометирующих англичан документов мы нигде не находили.

Чем это объяснить? Хитрой работой англичан или честным выполнением взятых на себя обязательств?

А Курширмат? С минуты, когда мне стало ясно, что у него нет документов, я потерял к нему острый интерес. Он после переговоров стал таким же рядовым секретным агентом, как и многие другие.

Глава XII. Как мы дружили с англичанами

Я в гостях на квартире у одного из помощников министра в Афганистане. Большая комната, устланная коврами. На коврах лежат маленькие тюфяки и подушки. Мы сидели на этих тюфяках, поджав под себя ноги, помощник министра, худощавый брюнет с светло-серыми глазами, какие можно встретить среди жителей горного ?риристана³⁵. Он – большой приверженец эмира Амалы и с его разрешения имел дружественные сношения с вождями индийских мусульман – Шовкет Али и Мают Али. Он сам был в Индии, лично познакомился этими вождями и был в восторге от них. Он хранил, реликвию, фотографию, где был снят вместе с вождем индийского халифата, и с гордостью всякий раз показывал эту фотографию своим гостям. Я приходил к министру иногда по вечерам в гости узнать новости из Индии, которые он получал благодаря своим индийским связям. Он очень не любил англичан, на этой почве мы были друзьями; в остальном, он конечно, ненавидел большевиков.

Сейчас он, как всегда у себя дома, сидел в белых шароварах, прикрытых слегка пледом, и, попивая из чашки чай, рассказывал о том, что он делал в министерстве. В комнате кроме меня сидели еще несколько человек афганцев. Это были его приверженцы и бедные родственники. Они хватали на лету каждое слово и, вожделенно улыбаясь, восхищались его мудростью. У двери сидя

на короточках, двое слуг разливали и разносили

– Вазир-саиб,- продолжал я беседу,- теперь вы убедились, что англичане – ваши враги. В то время как советское правительство прислало вам десять военных аэропланов с бомбами и летчиков на помощь эмиру, в это время англичане дали убежище врагу эмир-саиба, Мамед Умар-хану.

– Мамед Умар-хан, этот слон, большой негодяй, но он глуп и нам не страшен. А англичане, конечно, всегда рады принести нам вред. Я это все время повторяю эмир-саибу. С вами мы тоже не можем быть большими друзьями, но у нас один общий враг, и в этом пункте мы

должны друг другу помогать,- ответил министр.

– Так-то так, но Афганистан всегда будет в опасности, пока вы не станете сильным государством. А история нас учит, что государство может быть сильным только тогда, если оно имеет выход к морю. Вот если бы Афганистан имел свой порт, хотя бы Карачи³⁶, тогда бы вы были сильны и самостоятельны, как и остальные державы мира,- агитировал я.

– Иншалла, будем иметь и порт. Ведь 70 миллионов наших братьев мусульман живет в Индии,- сказал он со вздохом.

– Саиб раис-кутвали (начальник полиции) идет,- доложил вошедший слуга и пропустил нового гостя.

– А, очень хорошо, добро пожаловать саиб,- обратился к начальнику полиции министр, приподнимаясь на одно колено.

– А это один мой друг из русского посольства,- представил он меня гостю.

Полицмейстер, короткий, полный мужчина средних лет, в военной форме, занял место на одном из тюфяков. Лицо его выражало заботливость, но он вежливо улыбался.

– Очень рад познакомиться с вами. Я много о вас слышал. Я очень люблю русских, которые являются нашими искренними друзьями,- обратился он ко мне.

Я молча поклонился, а про себя подумал, что вот этот "друг" подослал мне своего агента под видом слуги, держит двух агентов у ворот нашего посольства, которые, высунув языки, бегают за мной, стараясь выяснить мои связи. Наверно, от них-то он и слышал обо мне.

Разговор принял общий характер. Я молча слушал беседующих и изучал начальника полиции.

Министр начал говорить о немецких инженерах, приехавших работать в Афганистан.

– Все эти иностранцы ничего у нас не делают и получают огромное жалование,- жаловался он.

– Вы, кажется, большие друзья с немцами,- обратился ко мне

начальник полиции с улыбкой, точно ему известен каждый мой шаг.

Меня взорвала его улыбка.

– Да, мы с немцами дружим, саиб,- ответил я.- Кстати, я сегодня после обеда был у них в посольстве и провел там два часа. Я вам это говорю, потому что ваши люди не успели за моей лошадью и потеряли меня из виду,- с вежливой улыбкой добавил я.

– Какие люди?- спросил полицмейстер, покраснев.

– Вы ведь знаете, о каких людях я говорю,- ответил я,- но я повторяю, господин министр знает, что мы искренне относимся к Афганистану и у нас нет никаких секретов от вас. Наша цель – это борьба с англичанами, и, я надеюсь, мы в этом мы также будем друзьями. А если вас будет интересовать какой-либо вопрос, я с удовольствием поделюсь с вами моими сведениями- закончил я.

Начальник полиции переглянулся с министром, который на своем лице изобразил выражение: "Вот каких друзей я имею!".

– Я очень рад, что вы готовы нам помочь "бороться с англичанами",- ответил он, и мы перешли на другую тему.

После получасовой беседы я, используя момент, когда министр рассказывал о пользе одного из изданных декретов, спросил начальника полиции:

– Скажите, господин начальник, вы серьезно не любите англичан и хотели бы бороться с их влиянием?

– Да, я и борюсь, но нам очень трудно, ибо англичане – народ богатый, а у нас очень маленький бюджет,- ответил он.

– Сколько вы получаете жалования?- задал я вопрос

– Триста рупий в месяц.

– Так вот, если вы согласны тормозить работу англичан здесь, мы готовы помогать вам, выдавая ежемесячно пятьсот рупий на нужды полиции,- предложил я.

– А что мы должны делать?- спросил он.

– Ничего особенного. Вы, наверное, знаете, что мы имеем об англичанах полную информацию. Я буду сообщать имена секретных агентов англичан, а вы их будете арестовывать. Таким образом, вы пополните нашими деньгами вашу кассу и, наверное, получите чин за успешную работу. А в замен того вы также информируете , что вам будет известно о наших общих врагах, видите, тут кроме пользы вашему правительству ничего нет,- убеждал я его.

– Хорошо, я согласен,- ответил он, пожимая мне руку- Только все это должно остаться между нами.

– Будьте спокойны,- сказал я, поняв, что наша субсидия пойдет в его личный карман, и мы присоединились к общей

беседе.

Я возвращался в посольство. Страшная темень и грязь... Хотя слуга, шедший впереди, освещал фонарем тропинку, я не обращал ни на что внимание и шлепал прямо по лужам и грязи. А на душе было удовлетворение. Завербован сам начальник полиции. Нет сомнений, что через него в нашем распоряжении будет весь полицейский аппарат. После нескольких его рапортов мы крепко и навсегда приберем его к рукам.

В десять часов вечера я имел свидание с полковником афганской армии, который должен был мне передать ряд сведений о положении пограничных племен северо-западной границы Индии. Полковник был еще довольно молодым человеком со смуглым энергичным лицом. Высокого роста, стройный, он представлял хороший экземпляр племени африди³⁷, к которому принадлежал. Он был очень осторожен и требовал встречи только поздней ночью и лично со мной, не доверяя моим помощникам. Он имел на окраине Кабула дом с большим садом, задняя часть которого примыкала к рисовым полям, вечно залитым водой. Лишь по узкой тропинке можно было верхом подъехать к садовой калитке. Через сад я обыкновенно проходил на женскую половину дома, где мы могли спокойно, в безопасности беседовать.

На этот раз я был болен и не мог ехать верхом. Я решил ехать на баги (бамбуковая коляска) и взять с собой дипломатического курьера, который бы остался с коляской, пока я буду занят с полковником.

Покружив немного по городу, на случай если за нами следили, мы свернули в сторону дворца Баги-Бала. Поминутно мы оглядывались, чтобы убедиться, что за нами нет слежки. Еще несколько минут езды, и мы очутились недалеко от дома полковника. Впереди чернела обсаженная деревьями аллея, ведущая к Баги-Бала.

– Товарищ Максимов, ты проезжай медленно по этой аллее и возвращайся обратно, пока я приду. Далеко не отъезжай, приказал я дипкурьеру, слезая с баги.

Подождав немного, пока огни фонарей коляски отделились, я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, свернул с дороги, и пошел прямо по засеянным полям к условной калитке. Все шло нормально. Полковник уже ждал меня у садовой калитки. Я пробыл у него минут двадцать и благополучно вернулся по тому же пути на дорогу. Но что такое? Коляски нет на условленном месте и нигде ее не видно. Неужели что-либо случилось с дипкурьером? После нескольких минут ожидания я уже решил, было, идти пешком, когда заметил вдали приближаются огни. Это

была наша коляска.

– Почему так далеко уехал?- спросил я дипкурьера, усевшись с ним рядом.

– Вот тут недалеко за деревом я заметил афганца, который наблюдал за нами. Я и решил отъехать, чтобы отвлечь его внимание от тебя,- ответил дипкурьер.

– За каким деревом?- спросил я, остановив лошадь

– Вон, смотри налево, виднеется его чалма,- махнул он в сторону от дороги.

Я подъехал ближе, и, действительно, какой-то афганец сидел на корточках, притаившись за деревом.

– Что ты тут делаешь?- спросил я его по-афгански.

– Да вот увидел, что разъезжает поздно ночью коляска, и смотрю по делу или без дела,- ответил он, сгорбившись.

– Конечно, по делу,- сказал я,- кто же будет ночью кататься тут без дела? Да, скажи, пожалуйста, как проехать в английскую миссию? А то в темноте мы

потеряли дорогу.

– Езжайте по этой дороге прямо,- ответил он.

– Спасибо, счастливой ночи,- поблагодарил я и пустил лошадь вскачь.

За следующий вечер я получил рапорт от начальника полиции, уже работавшего у меня под No 4:

(Вчера ночью около 11 часов по дороге в Баги-Бала проезжали в коляске два английских агента и, видимо,

кого-то поджидали. Заметив моего человека, они больше не стали дожидаться и вернулись в английское посольство. No 4".

Однажды полпред Старк вызвал меня к себе. Войдя в гостиную, я нашел его в обществе молодого афганца, с молодым решительным лицом.

– Спросите у него, товарищ Агабеков, что ему нужно от меня,- обратился ко мне Старк.

Я поздоровался с афганцем и перевел ему вопрос Старка.

– Я – сын бывшего шейх-уль-ислама³⁸ Афганистана - представился он.- Моего отца хорошо должны знать полковник Рикс, нынешний секретарь посольства.

Мой отец работал вместе с послом Раскольниковым³⁹. Сейчас отец послал меня к послу спросить, с кем из доверенных ему лиц он может говорить по одному важному вопросу.

Я перевел слова афганца Старку.

– Вероятно, какое-нибудь предложение. Я о старике что-то слышал от Рикса. Не возьметесь ли вы поговорить с ним и узнать в чем дело?- предложил мне посол.

– С удовольствием,- ответил я и стал договариваться с

афганцем о месте и времени встречи.

Маленькая жарко натопленная комната в доме шейх-уль-ислама, куда привел меня младший сын. Сам старик, весь седой и высохший, сидел на ковре и перебирал четки. Рядом с ним сидел его старший сын – точная копия младшего. Такой же орлиный нос, те же зоркие глаза. Только лицо более возмужалое. В комнате находился еще друг из семьи Мовлеви Мансур из индийских эмигрантов. Его широкое, открытое, умное лицо окаймляла большая черная борода, которую он спокойно время от времени разглаживал. Младший сын приготавливал чай и прислуживал. Единственной мебелью в комнате был стол, на котором стояла лампа, освещавшая висевшую на стене карту Афганистана.

– Вы приехали сюда недавно и, наверное, пока не знаете ни меня, ни Афганистана с его историей,- начал старик.- Афганистан при покойном эмире Хаби-булле фактически находился в руках англичан, ибо Хабибулла продан им. Но, несмотря на это, вопреки воле эмира каждый афганец стремился к освобождению своей родины и к завоеванию независимости для своей страны. Я еще в 1913 году, будучи шейх-уль-исламом, вел пропаганду за идею освобождения Афганистана и хотел обратиться за помощью к русскому царю. Мои люди ездили в Ташкент и говорили с тамошним генерал-губернатором. Но начавшаяся война объединила русских с англичанами, и нашей надеждой остались немцы.

– Простите, саиб, все это очень интересно, но я более или менее знаком с историей Афганистана и поэтому просил бы вас говорить о вашем важном деле,- прервал я старика.

– Сейчас, сейчас, сын мой, не торопитесь. Так вот, всю жизнь я боролся с английским влиянием в Афганистане. Всем это известно. Когда в Вазиристане⁴⁰ началось восстание племен против англичан, меня вызвал находившийся здесь турецкий министр Джемал-паша⁴¹ и предложил ехать к независимым племенам и помогать повстанцам. Он обещал мне от имени советского посла Раскольников и своего послать оружие и деньги для восставших. Я согласился. Я, взяв с собой моих двух сыновей, поехал в Ягистан и восемнадцать месяцев поддерживал восстание своим руководством и авторитетом, однако Джемал-паша не сдержал обещания. Он прислал много денег, но оружие не пришло.

– Давайте перейдем к нынешним вопросам,- еще раз перебил я его, видя, что он собирается рассказывать всю ночь.

– Да, скоро уже год, как началось восстание хостинцев против Афганистана,- продолжал старик,- я уверен, что это восстание

поддерживается английскими деньгами и оружием. Я считаю большевиков друзьями Афганистана и предлагаю вам следующий план. Я могу поехать в племена, где меня хорошо знают и уважают, я ручаюсь, что я сумею направить восставшие племена против их настоящих врагов – англичан. Таким образом, можно спасти Афганистан от междоусобной войны и одновременно разрушить все приготовления и планы англичан на границе Индии,- закончил торжественно шейх-уль-ислам.

Я размышлял над планом старика. Его влияние в племенах не подлежало сомнению. О его прошлой деятельности многое рассказал секретарь посольства Рикс. Предлагаемая им война на индо-афганской границе была выгодна нам, как и всякая война, обострявшая отношения между афганцами и англичанами. Уже благодаря нынешнему восстанию мы сумели внедрить наш воздушный флот в Кабуле, у самых ворот Индии. А чем дальше будет продолжаться война, тем больше выгоды нам.

– Хорошо, саиб,- ответил я,- вопрос этот очень серьезный, я доложу послу. А чем мы можем вам помочь в этом деле?

– Мне лично ничего не нужно,- ответил он,- для выполнения же плана потребуются 100 000 рублей денег и 5000 винтовок с патронами. Тогда можно спокойно воевать целый год,- закончил старик уверенно.

– Ладно, я доложу послу о вашем предложении,- сказал я и, попрощавшись, ушел.

– Что же, дело не плохое,- выслушав мой рассказ о предложении шейха, ответил Старк.- Напишите в

Москву своим, а я также черкну Карахану⁴². Может быть, найдут на это дело средства.

В ту же ночь я составил доклад в Москву о предложении шейх-уль-ислама и через два месяца получил из ГПУ следующий ответ:

"На § 3 вашего письма No 5 сообщаем, что в высших инстанциях после обсуждения в принципе согласились с вашим предложением. Единственным препятствием служит вопрос о переброске оружия, что может расшифровать нашу активность и невыгодно отразиться на наших дипломатических отношениях как с Англией, так и с Афганистаном. Поэтому, чтобы обойти этот вопрос, мы рекомендуем на основании ваших предыдущих информации попытаться купить оружие через директора немецко-афганской компании Ибнера. В случае успешного разрешения вопроса об оружии телеграфируйте".

Ответ Москвы мне уже не пришлось передать шейху. Он лежал больной. Спустя несколько дней после получения директив я, направляясь в город, заметил большую процессию, впереди

которой несколько человек несли на плечах катафалк. Это была похоронная процессия. Стоявший поблизости афганец, которого я спросил: "Кого хоронят?", ответил: "Умер старый шейх-уль-ислам".

После месячного траура сыновья шейх-уль-ислама опять встретились со мной. Без отца они не могли провести больших планов. Не хватало нужного авторитета. Я предложил им более скромные задачи. Они согласились быть секретными информаторами. Два брата и друг их семьи Мовлеви Мансур взялись за работу по сбору сведений в районе от Джелалабада⁴³ до Газни⁴⁴. Работали они добросовестно вплоть до начала 1930 года. Работают ли они сейчас? Кто знает?

Глава XIII. "Коммунистки" Ася и Нина

Новый состав посольства во главе с послом Старком направлялся в Кабул. Уже десять дней, как группа сотрудников, человек двадцать, верхами пробиравась по горным тропам Афганистана. В составе группы несколько женщин, среди них доминирующую роль играли жена полпреда Ася и его личная машинистка Нина Буланова, с большим носом, кривыми ногами, Ася, однако, претендовала на звание "мисс Афганистан" и, нисколько не стесняясь присутствием Старка, заигрывала то с военным атташе Ринком, то с сотрудником Марховым, ехавшими в Кабул без жен. Буланова, девица по паспорту 23-х лет, с лошадиными зубами, с первого же дня пути каждом удобном и неудобном случае старалась подчеркнуть, что она не обыкновенная машинистка, а фактически вторая жена полпреда. Во флирте она также отставала от первой жены Старка. Мархов, еще молодой студент Восточного института, одновременно секретный агент ГПУ, ухаживал поочередно за обеими женами, явно отдавая предпочтение более молодой Булановой. За десять дней пути мы с Марховым настолько сдружились, что он откровенно делился со мной своими впечатлениями.

– Слушай, Гриша,- обратился он как-то в пути ко мне,- обе девочки отбивают меня друг у друга, не знаю на ком из них остановиться. Да и боюсь – Старк приревнует.

– По-моему, возмись за полпредшу. Это будет нас выгодно и с деловой стороны. Она может быть полезна, да и Старк не будет ревновать,- посоветовал я.

– А не лучше ли Буланова? По крайней мере будем иметь свою машинистку,- возразил Мархов.

– Делай, как знаешь. В конце концов это не мое дело,- ответил я.

– Вы – типичный армянин, товарищ Агабеков, вероятно, ревнивы, как все армяне, и, наверное, будете держать вашу жену под замком,- обратилась ко мне жена полпреда, с которой я ехал рядом.

– Я – коммунист и смотрю на женщину, как на товарища, но жена, кроме того, по-моему, является именно близким товарищем, каковых особенно много иметь неприятно, просто хотя бы из гигиенических соображений,- ответил я.

– Да, сразу видно, что вы не жили на Западе, и хотя я коммунист, но отсталый. По-моему, я могу быть предана идее,

партии, но быть преданной чему-нибудь прозаическому: кушанью, платью, мужчине,- я просто не понимаю,- сказала она, выразив на лице гримасу.

– Да, я на Западе не жил и, признаться, вашей теории тоже не понимаю,- ответил я.

Двухлетнее пребывание в Афганистане показало, что эти две женщины, снабженные партийными билетами коммунистической партии и пользовавшиеся покровительством полпреда Старка, знали только два чувства: любить или ненавидеть. Все их действия диктовались их животными чувствами. Своими любовными похождениями они восстановили всех против всех. Их муж Старк ненавидел тех, кого они любили, и тех, кого они ненавидели. Вся жизнь и работа посольства превратились в сплошную цепь интриг и любовных походов.

– Слушай, Агабеков, сейчас Старк передал мне для перевода копию договора между афганским правительством и немецким летчиком Вейсом. Он просил никому, в особенности тебе, не показывать договора, но если нужно, то я сниму еще копию для тебя,- сказал прибежавший ко мне Мархов.

– Нужно знать содержание договора, тогда можно судить о надобности. Пойдем, прочтем сперва, чтобы тебе не трудиться зря,- предложил я, и мы направились в комнату Мархова.

Просмотрев документ, я повернулся к Маркову и увидел, что он смотрел испуганными глазами в окно.

– Что с тобой?- спросил я.

– Старк идет ко мне,- прошептал он.- Если он застанет тебя здесь, он сразу догадается, что я показал тебе договор. Будь добр, спрячься у меня в спальне, пока я его выпровожу,- попросил он.

Я перешел в соседнюю комнату, завешенную портьерой.

– Ну, как, перевели уже договор?- услышал я голос вошедшего Старка.

– Нет, еще,- ответил Мархов.

– Нужно поторопиться, а то у меня еще несколько договоров в резерве для перевода. Хе-хе-хе! Да, брат, как видите, мой аппарат работает лучше, чем ГПУ. Ну, да и понятно: ведь Агабеков только тем и занят, что подслушивает под моими окнами. Что? Не верите? Ася Никитична передала мне, что она не раз заставляла его за этим занятием,- говорил, хихикая, Старк. Мархов молчал.

– Ну, я не буду вам мешать работать. Как только переведете, несите ко мне, и я вам передам следующее,- сказал Старк и вышел из комнаты.

Я вышел из своей засады. Мархов смотрел на меня и улыбался.

– Слышал, как тебя рекламирует Ася?

– Да, слышал. Поживем, увидим, чья возьмет,- урчал я. Но я знал, что я с ней ничего не смогу сделать, пока она жена полпреда. Наоборот, по инструкции обязан ее охранять.

Будучи заведующим бюро печати, Мархов одновременно являлся техническим помощником Старка по делам

Коминтерна, представителем которого являлся полпред Старк. Вместе с тем, будучи секретным сотрудником ГПУ, Мархов всегда ставил меня в известность о делах Коминтерна и руководствовался моими активами. Так что фактически работа Коминтерна, все остальные отрасли работы полпредства, находились

под негласным контролем ГПУ. Однажды утром ко мне пришел Мархов и сообщил, что прошлой ночью он был на свидании с представителями военно-революционной организации сикхов⁴⁵ в Индии, которые ему передали план крепости Равальпинди⁴⁶.

– На, посмотри, может быть, пригодится для ГПУ. еще Старку не показывал,- сказал он, передавая мне план крепости.

– Нет, не думаю, чтобы он нам был нужен. План чисто военных целей, и было бы хорошо передать военному атташе,- сказал я, рассматривая план. Мархов не возражал, и, так как в это время под нами проходил военный атташе Ринк, мы его пригласили к себе. Это был выше среднего роста, широкоплечий мужчина, лет под 40, с розовым, вечно улыбающимся лицом. Несмотря на штатский костюм, каждое движение выдавало, что он – военный. Штабс-капитан старой армии, он имел два ордена Красного Знамени, полученные

за бои под Перекопом, где Ринк командовал ударно-огневой дивизией. Несмотря на его беспартийность, пользовался доверием Москвы.

– Здравствуйте, молодые генералы. Что это вы собрались тут и секретничаете? На чью невинность опять покушаетесь?- обратился он к нам, как всегда улыбаясь.

– Ну, это уж по вашей части,- ответил я ему в тон, намекая на его связь с Булановой, благодаря которой Старк был его врагом.- А вот Мархов достал этот план, и прежде, чем передать Старку, мы решили показать вам. Ринк просмотрел план и признал его подробным и хорошо выполненным.

– Откуда вы его достали?- спросил он.

– Это уж наше дело. Ведь мы с тебя за него денег не просим. Важно, что план из английских источников. Если вам нужно, можете снять копию,- ответил Мархов, имевший также зуб на Ринка из-за той же Булановой.

Ринк, взяв план, поспешно направился к себе снимать копию. Через полчаса план опять был у Мархова.

К вечеру мы с Марховым, сидя за чаем, обсуждали наши дальнейшие планы работы, когда вошедший слуга доложил, что Старк просит к себе Мархова. Он вышел и минут через десять возвратился с расстроенным лицом и с злополучным планом в руках.

– Скандал! Старк каким-то образом узнал, что я дал Ринку снять копию с плана. Когда я вошел к нему, он бросил мне план и говорит: "Мне не нужны документы, которые уже побывали в чьих-то руках. Не для этого Коминтерн тратит 1000 фунтов в месяц, чтобы иметь материалы из вторых рук",- рассказывал удрученным тоном Мархов.

Кто же мог передать Старку? Ведь об этом знали только мы троим. Мы решили пригласить Ринка и узнать в чем дело. На этот раз военный атташе зашел с красным, смущенным лицом. Вместе с ним пришел казначей посольства Данилов, заведывавший одновременно лабораторией.

– Да я же ни при чем. Старк после обеда вызвал меня и попросил сфотографировать документ. "Только скорей,- торопил он меня,- а то документ нужно возвратить". Когда я взглянул на документы, то увидел, это тот самый план, что я снимал утром для Ринка. Ну, я и сказал Старку, что зачем портить материал, когда у нас уже есть негатив. Старк завопил: "Как? Откуда у вас негатив?". Я ответил, что я утром уже заснял этот план для Ринка. Старк больше не хотел меня слушать и прогнал с аппаратом,- рассказывал, хитро улыбаясь, Данилов.

– А меня Старк недавно встретил во дворе и грозил, что он напишет в Разведупр Берзину,⁴⁷ что я сам ничего не делаю, а лишь пользуюсь чужим материалом,- сказал Ринк.- Черт с ним, пусть пишет! Это он мне хочет отомстить

за Буланову,- добавил он, и опять улыбка появилась на его жизнерадостном лице.

Таковы были отношения между представителями четырех основных учреждений: Наркоминдела, ГПУ, Коминтерна и Разведупра, создавшиеся благодаря личной жене и "личной машинистке" Старка.

– Вот что я хотел вам сказать, товарищ Агабеков, шифрованные телеграммы, посылаемые вами, поскольку я их визирую, фактически ложатся на мою ответственность. Поэтому я требую, чтобы вы меня знакомили текстами этих телеграмм,- предложил мне Старк, в одной из бесед.

– Простите меня, но шифр ГПУ выдан исключительно под мою ответственность, и я не имею права показывать тексты никому, даже и вам,- возразил я.

– В таком случае я отказываюсь визировать ваши

телеграммы,- лаконично отрезал Старк.

– Хорошо, не будем ссориться. Я запрошу по этому вопросу Москву, а до получения ответа я буду знакомить с текстами,- согласился я после некоторого раздумья.

– Ну, вот и хорошо,- ответил Старк, довольный и победой.

В очередном письме в ГПУ я писал: "Ввиду дальности расстояния и редкой курьерской связи мне приходится по всем мало-мальски важным срочным вопросам посылать вам телеграммы. Между тем недавно полпред предложил мне знакомить его с текста и шифров, отказываясь в противном случае их визирь. В случае исполнения его требования мы фактически поставили бы всю нашу работу под контроль полпреда. Впредь до получения указаний, чтобы не испортить и без того неважные отношения с полпредом, я для видимости согласился с его условиями и показываю ему идеально составленные тексты, не соответствующие высылаемым вам. Жду ваших срочных указаний по этому вопросу".

На это письмо я мог получить ответ не раньше 2- месяцев, а за это время я был вынужден каждый день представлять фальшивые тексты телеграмм для Старка, чтобы удовлетворить его самолюбие. Наконец, спустя два месяца пришел ответ из Москвы. Трилиссер пишет мне:

"Конечно, полпред не имеет права предъявлять вам таких требований. Взятую вами линию не давать повода к столкновениям считаем правильной, тем более, что конфликт у вас несомненно создаст конфликт между вами и НКВД здесь. Продолжайте вашу линию, насколько это возможно".

Таким образом, Москва определенно указала права резидента ГПУ и готова была пойти на конфликт с НКВД. Я почувствовал под ногами почву, решил при удобном случае дать бой Старку.

Случай представился скоро. Я получил от известного басмача предложение "ликвидировать" эмира бухарского. В ту же ночь я заготовил по этому поводу шифрованную телеграмму и на утро понес ее на визу Старку.

– А где же текст телеграммы?- спросил Старк.

– Товарищ Старк, с сегодняшнего дня я больше не могу давать вам текстов моих телеграмм,- ответил я.

– Интересно, что вы до сих пор могли, а теперь не можете,- иронически спросил меня Старк.

– А потому, что мне надоело составлять для вас фальшивые тексты,- выпалил я.

Наступило гробовое молчание. И без того красное лицо полпреда побагровело окончательно. Пальцы его сжимались в кулаки. У него был вид, точно он хотел броситься на меня с

кулаками. Но я спокойно стоял, держа руки в карманах. Старк знал, что я всегда хочу с оружием.

– Как, значит, четыре месяца вы обманывали меня самым наглым образом,- наконец, заорал он.

– Да, признаюсь, обманывал. Но вы сами заставили меня прибегнуть к этому. Вы отлично знаете, что я не имел права показывать доверенный мне шифр. Я лишь выполнил свой долг. А теперь прошу подписать эту телеграмму,- закончил я, протягивая ему бумагу.

– Я не хочу иметь с вами никаких дел,- закричал Старк и, повернувшись, ушел.

– В таком случае я буду вынужден посылать телеграммы по индо-европейскому телеграфу за счет Наркоминдела,- сказал я ему вдогонку и вышел.

Часа через два ко мне пришел личный секретарь полпреда Фридгут и передал мне, что отныне Старк предложил все бумаги на подпись передавать через Фридгута, ибо он не желает лично встречаться со мной.

– Какой скандал!- рассказывал мне Фридгут – Старк влетел в столовую красный, как рак, и ругал тебя, на чем свет стоит. "Жены" бросились его успокаивать и все твердили: "Мы же говорили, что Агабеков пишет какую-нибудь гадость про нас в Москву, поэтому и не хотели показать тебе". И тут не обошлось без участия "жен" Старка.

Старк откомандировал в Москву Мархова. За ним уехал и Ринк. Теперь пришел ко мне прощаться и личный секретарь Старка Фридгут. Лицо у него возбужденное и вместе с тем печальное. Он должен завтра выехать в Москву. Его командировка для всех неожиданна.

– Слушайте, Агабеков, я не люблю быть откровенным, в особенности с чекистами, которые всегда любят на любом деле заработать, но с вами другое дело. Я хочу вам сказать все. Я хочу отомстить Старку за его подлое отношение ко мне. Я работал с ним в течение четырех лет. Я исполнял все его приказания. Участвовал во всех его подлых интригах. И за это все он мне предложил немедленно убраться из Кабула. За что, спрашивается? А за то, что я посмел влюбиться в Буланову. За то, что я сказал Старку, что мы любим друг друга и хотим жениться. За это он меня отправляет в СССР. Ладно, я уеду,- продолжал Фридгут,- но перед отъездом я расскажу вам о всех его гнусностях. Для Вас, конечно, не секрет, что Старк живет одновременно ,двумя женами. Это они наспиговали Старка против вас, и хотят во что бы то ни стало выжить вас отсюда, ибо думают, что вы знаете о всех их любовных интригах и сообщаете

об этом в Москву. Мархова Старк тоже командировал по просьбе Аси, которая обиделась, что Мархов пренебрег ею. Она доказала Старку, что он ваш агент. Признаться, и я во многом им помогал. Военный атташе Ринк также уехал из-за Булановой. Старк, заметил его ухаживания за нею, бомбардировал письмами Москву, чтобы сняли Ринка. И так на все и на всех Старк смотрит через призму личных отношений. И из-за личных отношений к Булановой он теперь высылает меня. Хотите я изложу для вас все это в письменном виде,- предложил Фридгут.

Я ему ответил, что в Кабуле все это ни к чему, и пусть лучше сообщит о всех безобразиях в Наркоминдел.

– Что вы смеетесь надо мной! Ведь замнаркома Литвинов⁴⁸ – большой приятель Старка и одного поля

ягода. Он после такого заявления выгонит меня со службы и из партии,- ответил Фридгут.- Я лучше подам заявление в ГПУ.

Я ему дал адреса в ГПУ, и Фридгут на следующий день уехал. По приезду в Москву он побывал в ГПУ и подал жалобу на незаконные действия Старка в ЦКК, где после короткого расследования дело замяли. Рука руку моет. Ведь Старк тоже был членом коммунистической партии с 1905 года. Старк продолжал царствовать в Кабуле вместе со своими "женами".

Всего, что наделали эти две женщины,- не рассказать. Из-за них и по их желанию из Кабула были высланы 32 сотрудника. Отправив многих, они сами также кончили плохо. Девица Буланова вдруг оказалась беременной от неизвестного отца и, чтобы не скомпрометировать посла (хотя тут то он как раз был ни при чем), вынуждена была выехать в Москву, где и родила ребенка.

Относительно же жены полпреда Аси я в 1928 году, уже будучи начальником восточного сектора ГПУ в Москве, получил от резидента ГПУ в Кабуле Шмидта следующее донесение:

"Вчера второй секретарь посольства Великовский, зайдя в спальню полпреда, нашел жену полпреда, Асю Никитичну Старк, лежащей мертвой на полу. Она покончила самоубийством выстрелом в висок. Револьвер браунинг лежал тут же рядом. По сведениям, утром в день смерти Ася имела бурное объяснение с летчиком... с которым она находилась в интимной связи, так как последний стал интересоваться женой шифровальщика посольства Матвеева. Чтобы не создавать дипломатического скандала, было решено срочно убрать труп и официально объявить, что жена посла умерла от разрыва сердца. Несмотря на принятые меры при уборке трупа, по сведениям нашей агентуры, Афганское правительство и местные дипломатические круги осведомлены о действительной причине смерти".

Так кончили свою карьеру две "жены-советницы" советского посла Старка.

Сам же Старк, как старый большевик, считал недостойным для себя, как коммуниста, горевать по застрелившейся жене. В то время, как труп ее везли в Москву, он уже нашел новую подругу, жену своего шифровальщика, с которой поселился в летней резиденции посольства в Пагмане⁴⁹ и проводил новый "медовый месяц".

Глава XIV. Чекист... на страже нравственности

Осенью 1926 года я был назначен резидентом ГПУ в Персии. Не успел я приехать в Тегеран и принять дела своего предшественника Казаса, как получил из Москвы следующую телеграмму: "Николаю. Немедленно приезжайте Мешед50, где неблагополучно нашим резидентом. Урегулировав положение, телеграфируйте. Трилиссер".

Мы сидели с Казасом и обсуждали полученную телеграмму.

– Черт знает, что там происходит. С первого же дня приезда наш резидент Браун начал склоку с генконсулом Кржеминским, рассказывал Казас, забравшись с ногами на кожаный диван. Кржеминского я знаю по Турции, это – тип старого интеллигента. Он вечно волочит за женщинами, несмотря на свои 50 лет, но особой любви к склокам не проявлял, продолжал Казас. Я лично не знал ни Брауна, ни Кржеминского. Правда Брауна я как-то видел при следующих обстоятельствах: будучи в Асхабаде, я сидел за столиком ресторана в городском саду и заметил проходившего мужчину с черной бородкой, в круглых роговых очках, одетого в белый полотняный костюм и с колониальным шлемом на голове. Он медленно прогуливался по аллее, пристально оглядывая гуляющих. Помню, что я тогда же подумал, это шпик, но не мог определить наш он или чужой, решил на всякий случай справиться в местном отделе ГПУ. Когда я, встретившись с председателем ГПУ Руцким, описал ему встреченного мною типа, он посмеялся и сказал, что это Браун, едущий новым резидентом в Мешед.

Оставив Казаса в Тегеране, я рано утром следующего, дня взял машину в советском транспортном учреждении "Автоиран" и выехал на Мешед. Отвратительная, пыльная, с ухабами дорога, сентябрьский зной и тряска порожнего шестиместного автомобиля быстро утомили шофера и меня. Однако мы поочередно менялись у руля, ехали без остановки и к вечеру приехали в Семиан51, сделав около 350 километров. Этот маленький оазис, расположенный на краю пустыни Центральной Персии и отделенный горной цепью от Каспийского моря, представлял для нас громадный интерес. В районе Семиана должна была находиться нефть. Советское правительство, несмотря на крайнюю нужду в валюте, все-таки выделило до пяти миллионов долларов на получение концессии в этом районе. Однако свыше года шли изыскательные работы, а нефти все не

было. Дальнейшие работы требовали все новых средств, а между тем шли разговоры, что тут вообще нет нефти. Поступали и иные сведения: что прибывшие для работы советские инженеры, подкупленные англичанами, нарочно ищут нефть не там, где она есть.

Я решил, несмотря на усталость, пообедав, поехать на место работ. Обедая в местном ресторане, я справился у содержателя о месте работ и узнал, что это в 10- 12 верстах от Семиана и что в данное время, по распоряжению персидских властей, работы приостановлены. Пришлось отказаться от своего намерения и лечь спать.

Уже четвертый день я в пути. Я проехал Дамган⁵², Шахруд⁵³ и подъезжал к Сабзевару⁵⁴. По дороге я тщательно избегал встречи с советскими служащими местных контор по заготовке хлопка, продаже сахара, нефти и т. д. Я не хотел, чтобы в Мешед были предупреждены о моем приезде, поэтому я на ночь останавливался у персидских ресторанов и, пользуясь теплой погодой, спал в машине.

Перед выездом из Сабзевара ко мне обратился с просьбой довести до Мешед довольно интеллигентного вида перс. Я согласился, и мы вместе выехали из города. На мое счастье сам шах незадолго до меня совершил путешествие в Мешед, и по случаю его проезда дорога была несколько отремонтирована. Мы ехали по ровной дороге со скоростью 40 километров в час. Мой спутник вынул из кармана абу (персидский плащ), флакон с коньяком и, отпив немного, предложил мне. Хлебнув еще раз после моего отказа, он спросил меня, в каком учреждении я работаю.

– В торгпредстве,- ответил я, ибо официально я числился инспектором торгпредства.

– Вы, наверное, очень богатый человек?- сказал он мне.

– Почему вы так думаете?- спросил я.

– Потому что вы едете один в собственной большой машине и служите в торгпредстве Тегерана. Если здесь

в провинции ваши служащие зарабатывают большие деньги, то вы в центре, наверное, имеете еще больше,- ответил перс.

– Да, у нас платят хорошее жалованье,- сказал я.

– Какое там жалованье! Да разрешили бы мне заготавливать хлопок или шерсть для советской власти, так я бы сам платил жалованье государству. Кто же из вас служащих живет на жалованье? А впрочем, вы хорошо знаете персидские порядки,- сказал он, сделав новый глоток коньяку.

Я заинтересовался и стал расспрашивать его о местных торговых делах.

– Я знаю, кто чем занимается, начиная с Сабзеvara Мешед. Вот хотя бы купец Алиев. Он продал хлопковому комитету голые стены под видом завода за 40 000 туманов. А как все дело было устроено? Заместитель председателя хлопкопрома получил 10 000 туман взятки, остальные 30 000 Алиеву. А шерсть? Знаете, как загоняют шерсть? Эксперт по шерсти у большевиков, Александров, одновременно состоит в кампании с поставщиком шерсти Комаровым. Ну, конечно, Комарову платят высшие цены, а шерсть сдается какая угодно. Ведь приемщик Александров там заинтересован. Он в прошлом году заработал 60 000 туман. Теперь о сахаре и нефти,- продолжал мой спутник,- тут уже система монополии. Все синдикаты продают свои товары только двум купцам в Мешед, а те уже устанавливают на рынке цены, какие хотят. А за предоставленную им монополию представители синдиката получают свои проценты. А, кроме того, зарабатывают на таре, на утечке, подмочке... Это же тысячи и тысячи, а вы говорите о жалованье. Кто из вас смотрит на жалованье? Да, вот на какой работе можно стать богачом,- мечтательно закончил он.

Мой спутник переменял тему разговора. Рассказывая о себе, сообщил, что он – большой неудачник в жизни. Занялся торговлей и прогорел. Поступил чиновником на работу, но, к несчастью, повстанцы напали на почтовую станцию и разграбили ее. Он поступил учителем в школу, которая закрылась за отсутствием средств. Теперь он едет в Мешед в надежде подыскать подходящее занятие.

Мы проезжали Нишабур⁵⁵. На несколько минут задержали машину у могилы персидского поэта Омар Хайяма, который в своих четверостишиях так прекрасно

воспел вино... Вся могила была обвита виноградными лозами. Мой спутник оказался большим почитателем и знатоком Омар Хайяма и почти всю дорогу декламировал его стихи.

Наконец машина взяла последнюю высоту перед Мешедом. Вдали в долине показался город, над которым возвышались бирюзовые с золотом купола мечети святого имама Ризы⁵⁷.

– Вот одна из главнейших святынь мусульман-шиитов,- начал объяснять мой спутник, указывая на мечеть,- ежегодно из разных концов Персии и Афганистана стекаются на могилу имама Ризы сотни тысяч верующих. Существует институт вербовщиков и проводников паломников, которые ведут целые деревни пешком в Мешед к могиле святого. И знаете, как они рекламируют себя,- рассказывал он, смеясь.- "Правоверные мусульмане! Следуйте в паломничество только за мной. Я пользуюсь покровительством святого имама, дающего жизнь. В прошлом году я вел десяток караванов, и из каждых ста паломников погибли только сорок.

Остальных 60 я благополучно привел обратно к их домам. Следуйте только за мной!". Это лучшая рекомендация для проводника вернуть 60 из 100 паломников живыми. Обычно погибают от голода и усталости больше половины.

– А зачем же, будучи голодными и бедными, они отправляются в далекое путешествие?– спросил я.

– Наоборот, полонники выезжают из своих деревень с накопленными годами деньгами и провиантом. Но припасов хватает лишь до Мешада, а деньги быстро переходят в карманы служителей мечети. И вот верующие, без денег и без пищи, должны 15- 20 дней идти пешком до своего местечка. В пути от слабости они мрут как мухи. В то время как муллы⁵⁸ при святом ежегодно зарабатывают до миллиона туман от этих несчастных, рассказывал со злобой мой перс.- И странный – этот святой. Он не пьет, не ест и в карты не играет, и, несмотря на это, миллиона туманов ему не хватает. Мечеть вечно находится в долгах. А почему? Потому что могилу святого обслуживают 3000 бездельников, получающих огромные оклады, и еще больше верующих.

– А вы слышали, что Риза-шаха⁵⁹ называют неверующим-бехаистом?⁶⁰ – продолжал он немного спустя.- А знаете почему? Потому, что он решил положить предел этому безобразному грабежу. Недавно он был в Мешхеде и приказал уволить 2000 человек, обслуживающих мечеть, чтобы сократить расходы. Вот эти уволенные, лишенные благ, и распространяют слух, что Риза-шах – бехаист.

Мы уже спустились в долину. Машина мчалась по прекрасной шоссеиной дороге, проложенной англичанами во времена их пребывания в Средней Азии.

– Если будете осматривать мечеть, то обратите внимание, что два купола построены недавно. Старые купола были разрушены русскими войсками, бывшими до революции хозяевами Хорасана⁶¹. Два перса, совершившие преступление против русских властей, скрылись в мечети имама Ризы и сели в "бест"⁶². Командовавший русскими войсками полковник потребовал у персидских властей их выдачи, но последние не могли исполнить требования полковника, ибо по шариату⁶³ всякий, находящийся в мечети, считается неприкосновенным, полковник, взбешенный отказом, приказал артиллерии крыть огонь по мечети и разрушил два купола. Вслед за этим в мечеть ворвались казаки, захватили преступников и заодно разграбили большинство драгоценностей мечети. После революции в России народ стал говорить, что это Бог наказал русских за то, что они осквернили святую мечеть имама Ризы.

Мы подъехали к советскому консульству, расположенному вне городских стен. Я поблагодарил своего словоохотливого компаньона и, пообещав вновь встретиться, свернул машину в консульство.

Генеральный консул Кржеминский угощал меня чаем в своем кабинете. Это среднего роста 45-летний мужчина, преждевременно постаревшим лицом, начисто бритый, что еще более выделяло морщины. Его темно-серые глаза и все его манеры говорили о его мягкости и культурности. Он говорил приятным, убедительным голосом с легким польским акцентом. В то время как я пил и ел, Кржеминский с пустой чашкой в руках взволнованно бегал по комнате.

Ведь поймите, товарищ Агабеков, ну, черт с ним, что он с каждой почтой пишет про меня всякие гадости в Москву и Асхабад, но ведь помимо этого он мне просто жить не дает здесь. Этот ваш Браун лично ходит за мной по пятам. Он допрашивает консульских слуг, наконец, ловит всех моих посетителей и допытывается, о чем я с ними беседовал. Ведь это же компрометирует и меня, и всю мою работу,- чуть не со слезами рассказывал консул.- А когда я прошу его прекратить эти безобразия, он становится в позу и, не стесняясь ничьим присутствием, говорит: "Я – Браун, член партии с 1903 года и резидент ГПУ в Мешед, так что я имею право и обязан контролировать действия всех советских граждан за границей, в том числе и консула". Ну, что вы поделаете с таким человеком? – обратился ко мне Кржеминский.

Я ничего не ответил, решив предварительно выслушать и другую сторону.

Кржеминский, не дождавшись ответа, вновь зашагал по комнате и продолжал приводить факты его отношений с Брауном, один ужаснее другого. Видно, что человека довели до крайнего предела и дальше терпеть он не имел сил.

– Вот что, Казимир Александрович,- сказал я, вставая,- я сейчас иду к Брауну и, если подтвердится хоть десятая доля того, что вы рассказали, то я его отправлю в Москву немедленно.

– Тов. Браун, давайте познакомимся,- обратился я к резиденту ГПУ, входя к нему в квартиру.- Я – Агабеков, вы, вероятно, слышали обо мне.

– Да, я получил из Москвы телеграмму, что вы приедете сюда и уполномочены инспектировать мою резидентуру. Зайдите в эту комнату, здесь я работаю,- пригласил он меня.

Я вошел и сел у письменного стола. В углу выделялся большой, прочный несгораемый шкаф и рядом столик с двумя калильными лампами. Браун сел напротив меня. Это был

худощавый брюнет с черной же бородкой. Глаза были спрятаны за толстыми стеклами черепаховых очков.

– Ну, как у вас идет работа? Как с источником "Почта"? Ведь это, кажется, наиважнейший источник вашего района? – спросил я.

– Да, все в порядке. Английская почта поступает аккуратно. Работы хватает. Приходится работать целые ночи. Вот смотрите, – показывает Браун на бумажку с цифрами на столе, – за прошлый месяц поступили 256 пакетов. И так каждый месяц. Электричества в консульстве нет, приходится работать при калильных фонарях или освещать магнием. А это отнимает значительное время, – рассказывал Браун.

– А почему бы вам не договориться с консулом и местными силами не провести электричество? – спросил я.

– Эх, милый мой, вы, я вижу, не знаете Кржеминского. Он не только что помочь, но рад всеми силами мешать нашей работе. Вы знаете, что он даже мне не разрешает пользоваться экипажем, чтобы ночью я мог возвращать английские пакеты источнику, отговариваясь, что в случае провала консульство может быть скомпрометировано. Мне приходится в четыре – пять часов ночи пешком идти с почтой в город и рисковать, что каждый полицейский может меня задержать, – ответил мне речью Браун.

– Ладно, о ваших отношениях мы поговорим после, теперь давайте просмотрим дела, – предложил я. Браун поспешно встал и, вынув ключи из заднего кармана брюк, открыл несгораемый шкаф. Выложив на стол грудку папок, мы погрузились в их изучение. Работали мы часа два. По ведению дела было видно, что Браун очень усидчивый и методичный работник, любящий копаться в мелочах и систематизировать их.

– Скажите, тов. Браун, почему у вас нелады с консулом? Ведь вы старый член партии, Кржеминский тоже, что вам мешает ужиться? – спросил я.

– По-моему, тут во всем виновата жена секретаря консульства Левенсона, – задумчиво ответил Браун. – дело в том, что консул живет с ней и ревнует ее ко всем, почему-то и меня он считает соперником.

– А откуда вам известно, что он живет с ней? – задал я вопрос.

– Как откуда? Все об этом знают. Кроме того, я видел своими глазами.

– То есть, как? Что вы могли видеть? – спросил я.

– Я сам видел их в спальне у консула. Мне это удалось благодаря тому, что у него в соседней со спальней комнате стоит шкаф. Я залез на этот шкаф и наблюдал через стеклянный верх двери. Жаль только, что мне не удалось их сфотографировать, – закончил Браун с сожалением.

Да, думал я, хорош резидент ГПУ и член ВКП(б) с 1903 года... Он думает, что для советской политики очень важно, с кем сожительствоует консул.

– Слушайте, Браун, а зачем вы следили за консулом? Вы что его подозреваете в контрреволюции или измене? – спросил я.

– Нет, не подозреваю, но все может случиться. Какой же я резидент, если я не буду знать всего, что делается перед моими глазами? Что я должен наблюдать только тогда, когда измена налицо, что ли? Тогда уже будет поздно. Наш долг предупредить преступления, пресекать их в корне, а не фиксировать их. Это уж дело судей, прокуратуры и прочее, – отвечал Браун убежденным тоном.

Я ничего не ответил. Значит, правду говорил Кржеминский, уверяя, что Браун следит за каждым шагом его личной жизни. Причем теперь ясно, что Браун это делает не по злобе, а он убежден, что это его служебный долг. Он любит этим заниматься. Он не руководит организованной агентурой, а сам, лично влезая на шкафы, старается шпионить. Да, нужно откомандировать его в Москву. Иначе еще хуже будет. Кто знает, к чему могут привести дальнейшие похождения Брауна.

– Вот что, товарищ Браун. С сожалением должен передать вам, что я имею распоряжение из Москвы принять от вас дела резидентуры и помочь вам поскорей выехать в Москву, где вас ждет другое назначение. Давайте завтра с утра сдавать агентуру и выезжайте, – предложил я.

На следующее утро я принимал дела резидентуры и слушал объяснения Брауна.

– Источник No 1. Он – крупный чиновник на почте. Все проходящие через его руки пакеты английского консульства передает нам. Оплачивается сдельно по 2 тумана за пакет, – рассказывал Браун.

– Источник No 2. Служит связью между чиновником почты и нами. Он содержит мануфактурную лавку, которую я ему устроил через наш Текстильсиндикат. И, кроме того, он получает ежемесячно 100 туманов жалованья. Переданные чиновником пакеты он приносит нам и по обработке их возвращает обратно.

– А где вы встречаетесь со "связью"? – спросил я.

– Как когда, иногда в советском клубе, иногда у него на квартире, а бывают случаи, что он приходит в консульство.

– Дальше следует источник No 3, – продолжал Браун. – Это – бывший русский полковник Гофман. Он был завербован в Тегеране и послан на работу в Белуджистан⁶⁴. Он ведет работу среди белуджистанских племен. Материалы, присылаемые им, интересны с чисто военной стороны.

– Источник No 4, наш агент в Кучане65. Он – тамошний житель и прекрасно справляется с работой, источник No 5 – мулла при мечети имама Ризы. Он освещает настроение духовенства и их взаимоотношение с правительством. Источник No 6 – контрабандист, отчаянный головорез. Я его использую время от времени против других контрабандистов. Иногда ему удается захватить секретных курьеров англичан, переходящих эту границу. Но, главное, он может пригодиться на случай, если понадобится кого-либо "ликвидировать". По этой части он специалист,- добавил Браун, улыбаясь.

Так мы перебирали всю агентуру, состоявшую из шести секретных агентов, работавших для ГПУ в Мешхедской провинции. Передача дел и людей длилась три я. Браун выехал в Москву, а на мою телеграмму о присылке нового резидента я получил ответ, что заместить подыскивается, и предлагавший мне руководить работой до приезда нового резидента.

Работы у меня по горло. Официально я являлся инспектором торгпредства, приехавшим в Мешед для инспекции местных хозяйственников, ночами же я встречался с агентурой ГПУ и просматривал поступающую английскую почту. Вместе с тем было легко работать, благодаря знанию языка я быстро завязал знакомства среди местного населения и путем такого знакомства получал гораздо больше сведений, чем через свою штатную агентуру. О злоупотреблениях хозяйственных организаций ежедневно поступали десятки доносов, с другой стороны, я привлек я к своей работе уполторгпреда Деницкого, в прошлом крупного чекиста и поэтому обязанного оказывать помощь работе ГПУ. По поступающим экономическим сведениям я давал ему директивы, которые он проводил в жизнь уже от имени торгпредства. По моим же указаниям Деницкий распределял лицензии на ввоз товаров в СССР. Это был крупный козырь в моих руках, ибо благодаря этим лицензиям я добился работы многих купцов для ГПУ.

Принцип распределения лицензий был таков: кто нам помогал в политике, тому мы помогали в экономике. Эти же "купцы"

оказали нам крупные услуги при заключении советско-персидского торгового договора. Персидское правительство в целях заключения выгодного договора организовало "бойкот торговли с СССР". Почти со всех провинций поступали сведения, что купцы не хотят торговать советскими товарами и требуют закрытия торговли с СССР. Лишь хорасанские купцы ратовали за торговлю с нами и требовали скорейшего подписания договора. Такова была сила лицензий.

Круг работы резидентуры расширялся. Приходилось все чаще и чаще работать до утра. Однажды я вернулся домой к 11 часам ночи. Я уже открывал ключом дверь, когда заметил, что кто-то шевелится в консульском саду. Я окликнул тень, и из-за дерева подошел ко мне источник No 2, служивший связью с почтовым чиновником.

– Это я, товарищ Агабеков. Я вас искал повсюду и не мог найти, поэтому пришел сюда. Получилась большая почта.

– Прекрасно, заходи,- предложил я, открыв дверь. Мы быстро прошли в рабочую комнату. Я зажег свет и опустил на окнах шторы. Источник, отстегнув пальто, вынул завернутые в шелковый платок пакеты.

– Тут восемнадцать пакетов. Нужно спешить, чтобы к четырем часам возвратить обратно,- сказал он.

– Хорошо, успеем. Ты садись на диван и отдыхай, а я буду работать,- предложил я, открывая несгораемый шкаф.

Я вынул из шкафа в порядке лежащие: поддельные печати, коробки с разноцветными сургучами, лампочку для нагревания, амальгаму и весь набор инструментов для вскрытия пакетов, состоящий из ланцетов, пинцетов, остро отточенных костяшек и проч., и разложил их на столе. Затем я принялся осматривать пакеты. Большинство из них на этот раз были адресованы из индийского генерального штаба местному английскому военному атташе.

Я уже по опыту знал, что эти пакеты включают в себя внутренний конверт, прошнурованный и запечатанный тремя печатями. На вскрытие таких пакетов уходило больше времени. Нужно было спешить. Я торопливо ломал печати и введя острие костяной ручки в щель конверта, быстрым привычным движением вскрывал удобные толстые полотняные конверты. Было уже два часа ночи. Большинство пакетов уже были обработаны. Источник, скрючившись на диване, дремал и, только изредка открыв глаза, смотрел, не кончил ли я работу.

Я взял очередной толстый пакет, адресованный военному атташе, и вскрыл его. Внутри оказались два прошитых конверта. Взяв один из них, я сломал печати, подрезал шнур и старался отрезанный конец шнура вытянуть с наружной стороны конверта. Но шнур не поддавался. Я потянул сильнее и вдруг, о ужас! Шнур выскочил так резко, что разорвал конверт наполовину и оборвался. Я невольно выругался. Человек на диване проснулся и, увидев в моих руках разорванный пакет, повалился в ужасе обратно на диван. Я держал в руках разорванный конверт и думал: "Что делать? Что теперь будет? Ведь в таком виде конверт вернуть нельзя. Починить также невозможно, англичане

догадаются. Не говоря о том, что наши агенты будут разоблачены, но и провалится с таким трудом налаженная работа, которая уже в течение трех лет давала прекрасные результаты. Что это случилось со мной! Сделал это я сам, а не кто другой". Так я сидел с час и думал, изредка бросая успокаивающие слова источнику, который почти плакал. Я не находил выхода из положения, но, взглянув на стол, вспомнил, что имеется еще один внутренний конверт. Мелькнула мысль в голове, кажется, выход найден. Я быстро схватил наружный конверт. Так и есть, в углу конверта химическим карандашом поставлены два номера внутренних конвертов. Я взял резинку и стал стирать номер разорванного конверта. Чисто, следов нет. Выход нашелся. Я решил оставить у себя разорванный конверт со всем содержимым. От Индии до Мешхеда далеко. Пройдет много времени, пока спишутся. А если и спишутся, то кто подумает на нас? Вероятнее всего решат, что делопроизводитель забыл вложить конверт. Я несколько успокоился. "Связь" тоже уже не хныкала. Я принялся за остальные пакеты и уже работал с большой осторожностью. К четырем часам работа была закончена.

Пакеты опять завернуты в шелковый платок, а в лаборатории висели 60 снимков фотографий. Источник, спрятав ношу под пальто, ушел, а я принялся проявлять пленки. Богатая добыча. Будет большая почта в Москву.

Я сидел у себя и работал, когда вошел слуга и доложил, что меня хочет видеть Аббас Али. Это был источник No 6, тот, кого Браун держал на случай "ликвидации" кого-нибудь. Вошел высокого роста кавказский тюрк, в барашковой шапке, заломленной на бок. На лице его играла улыбка.

– В чем дело, Аббас Али?- спросил я, здороваясь с ним. Он мне нравился своей удалью, этот разбойник, готовый за десять долларов отправить любого на тот свет.

– Вы помните, товарищ Агабеков, я сообщал, что курд Курбан – контрабандист возит нелегальную почту англичан в Туркестан. Так вот, я его завербовал, и он готов передавать вам английскую почту. Он только хочет договориться с вами насчет цены, и, если вы разрешите, я его приведу сюда. Он дожидается за воротами,- сказал Аббас Али.

– А он не провокатор, твой Курбан?- спросил я Аббаса.

– Что вы! Он согласился передавать пакеты, потому что я ему сказал, что все равно его когда-нибудь убью на границе, если он этого не сделает. Если он изменит, я его сейчас же зарежу,- уверял меня Аббас.

– Ну, ладно, зови Курбана,- согласился я. Через несколько минут Аббас вернулся с курдом.

Среднего роста, широкоплечий, с загорелым, почти черным лицом. На голове туземная из войлока шапка, из-под которой свисали длинноотпущенные волосы.

– Я буду говорить откровенно,- начал Курбан,- я – контрабандист. Каждый месяц я перехожу границу с опиумом, который продаю в Асхабаде туркменам, и возвращаюсь назад. Каждый раз перед выездом агент англичан Джаббар – туркмен дает мне пакет для передачи в Асхабаде одному купцу на Кирпичной улице. От него же я везу пакет Джаббару. Я согласен эти пакеты передавать вам для просмотра, если вы разрешите мне каждый раз провозить два пуда опиума и не будете меня задерживать,- предложил он.

– Видите ли, по закону я не имею права совершать такие сделки. Но так как начальник ГПУ в Асхабаде – мой большой друг, то я надеюсь с ним договориться, и он вас не будет трогать. Только с условием, чтобы вы возили не два, а один пуд контрабанды,- торговался я.

– Я верю вашему слову, что меня не арестуют,- сказал Курбан.

– Будьте покойны, я сдержу свое слово, но и вы должны сдержать свое. Когда вы переедете границу, там вас встретят и дадут нужные инструкции,- закончил я.

Курбан ушел. За ним вышел, пряча в карман двадцатитумановый билет от меня, и Аббас Али. В тот же вечер я послал Каруцкому в Асхабад шифровку: "Едет завербованный нами английский курьер Курбан. Передаст вам почту. Аккуратно просмотрите и верните ему. Во время пребывания курьера в вашем районе установите наблюдение для проверки его сведений. Результаты сообщите. Николай".

Так я работал с Мешед в продолжение трех месяцев. С каждой почтой в Москву я просил присылки заместителя и, наконец, в феврале 1927 года я получил телеграмму: "Передайте дела выехавшему резидентом в Мешед Лагорскому. Выезжайте в Москву для проведения выдвинутого вами плана по Индии. Трилиссер". Приехавшему вскоре Лагорскому я сдал дела и немедленно выехал в Москву, радуясь, что принят мой план работы, о котором я расскажу в следующей главе.

Глава XV. Кусочек Коминтерна

В ожидании назначения за границу, я ежедневно приходил в восточный сектор иностранного отдела ОГПУ, помещавшийся в комнате No 161 на четвертом этаже Лубянки No 2. Это была небольшая комната с окном, выходящим во внутренний двор. Из окна напротив виднелись тоже окна, которые, однако, были завешены высокими, смотрящими вверх, железными, крашенными в серый цвет щитами. Щиты не позволяли видеть, кто и что скрывается за этими окнами, но мы знали, что это камеры внутренней тюрьмы ОГПУ, где содержались арестованные. Летом при открытом окне мы говорили очень громко, и, вероятно, арестованные слышали наши беседы, но это никого не беспокоило, из внутренней тюрьмы ведь редко кто выходил на свободу.

В комнате No 161 стояли три стола и американское бюро. Народу же было больше, чем столов, ибо в этой комнате толпились, кроме постоянных сотрудников, и все резиденты, приехавшие с Востока в Москву. Стены были украшены подробными картами всего Востока. У окна на стене был прикреплен, как и в каждой комнате ГПУ, внутренний телефон ГПУ. Однажды, когда я, сидя на подоконнике, болтал с товарищами о разных пустяках, или, как выражались в этой комнате,- мешал работать, раздался телефонный звонок. Я, находясь рядом с телефоном, взял трубку.

– Позовите к телефону товарища Агабекова,- услышал я ровный, немного усталый голос. Это был голос начальника иностранного отдела ГПУ Трилиссера, или "старика", как все его звали за глаза. Этот голос был знаком всем работникам отдела.

– Я слушаю, Михаил Абрамович,- ответил я.

– А это вы сами. Зайдите сейчас ко мне,- предложил он, и я услышал звук положенной трубки.

Я сейчас же, выйдя из комнаты, стал спускаться на третий этаж, где помещался Трилиссер, заместитель председателя ОГПУ.

Войдя в приемную, я поздоровался с секретарем зампреда Лебединским, здоровым латышом с тупым лицом, и, узнав у него, что у Трилиссера никого нет, открыл следующую дверь, отодвинул висевшую за ней тяжелую портьеру и очутился в кабинете Трилиссера. В громадной комнате, за большим письменным столом, спиной к окну сидел Трилиссер. Его небольшая, почти белая от седины голова, с коротко остриженными волосами, была наклонена над кучей бумаг, лежавших на столе. Просматривая их, он делал пометки

карандашом. Направо от него стоял небольшой столик с несколькими телефонными аппаратами.

– А, здравствуйте, как поживаете?– поздоровался Трилиссер, подняв голову и протянув мне руку.

– Спасибо,- ответил я, бережно пожимая его маленькую, почти детскую руку.

– Садитесь,- предложил он и опять погрузился в чтение бумаг.

Я сел в одно из кресел и смотрел на своего шефа. Вот этот маленький, тщедушный человек облечен властью председателя ОГПУ. Он может приказать арестовать и расстрелять любого из нас, сотрудников. Он организовал разведку большевиков во всем мире и крепко держит в руках все нити этой организации. Вот он подписал сейчас какую-то телеграмму. Может быть, это приказ какому-нибудь из резидентов "ликвидировать" кого-нибудь или это распоряжение раскинуть сеть шпионажа в новой стране. По его телеграмме где-то далеко за границей резидент ГПУ начинает бегать, подкупать людей, красть документы... Да я же сам по одному его приказу изъездил весь Афганистан верхом, вдоль и поперек; рискуя головой, пробирался к басмачам, к полудиким племенам. А вот сейчас! Кто знает, зачем он меня вызвал сейчас? "Да, велика власть и вместе с тем ответственность этого человека",- думал я, разглядывая его. Но видя, как он медленно, спокойно просматривал бумаги, я также проникался спокойствием. По его манере аккуратно перелистывать бумаги или осторожно доносить пепел папиросы до пепельницы, было видно, что Трилиссер понатуре очень осторожен и не сделает ни одного необдуманного шага. И невольно я проникался уважением и даже любовью к этому человеку, имевшему власть над сотнями, тысячами жизней и обращавшемуся нежно с данной ему властью и жизнями. Трилиссер был редкий тип среди вождей ГПУ, состоящих в большинстве из садистов, пьяниц и прожженных авантюристов и убийц, как Ягода⁶⁶, Дерибас⁶⁷, Артузов⁶⁸ и многие другие. Вот почему весь иностранный отдел любил его и называл "Стариком" и "Батькой".

Закончив просмотр бумаг, Трилиссер нажал кнопку звонка и передал их вошедшему секретарю.

– Вот что я хотел у вас спросить,- начал Трилиссер, после того, как дверь за секретарем закрылась,- могли бы мы с помощью имеющихся у нас связей в Афганистане перебросить нелегально через эту страну в Индию одного или двух людей?

– При помощи нашей агентуры, я думаю, это задача не трудная,- ответил я, немного подумав.

– Да, но смогли бы мы гарантировать доставку этих людей

без каких-либо осложнений? - переспросил Трилиссер.

– Абсолютной гарантии, конечно, дать нельзя. Возможны непредвиденные случайности. Успех дела, главным образом, будет зависеть от того, насколько эти лица по своей наружности и знанию языка подходят к обстановке Востока. А чтобы было как можно меньше случайностей, я согласен, если дело потребует, сопровождать этих лиц лично, - ответил я.

– В отношении наружности и языка беспокоиться не придется. С этой стороны все благополучно. Так вот, вы лучше детально обдумайте эту задачу, наметьте подробный маршрут и прочее. Завтра будьте с утра в отделе, и я вас вызову. Только наш разговор должен остаться в секрете. Даже аппарат наш ничего не должен знать, - добавил Трилиссер, прощаясь со мной.

Когда я вернулся в комнату 161, то все сотрудники впились в меня взглядами, горя желанием узнать о теме беседы с Трилиссером. Я с беззаботным видом опять сел на подоконник и, как ни в чем не бывало, продолжал болтать о пустяках, тщательно следя за собой, чтобы ничем не выдать темы моего разговора с Трилиссером. Я отлично помню, как однажды я, получив секретное задание от Трилиссера поехать в Персию и во что бы то ни стало привезти убежавшего из СССР лидера рабочей оппозиции Мясникова⁶⁹, войдя в комнату, невольно посмотрел на висевшую на стене карту Персии. Этого взгляда было достаточно, чтобы мои товарищи догадались, что Трилиссер говорил со мной о Персии, и, зная, что туда недавно бежал Мясников, им нетрудно было сделать правильный вывод. Поэтому я и был так осторожен и болтал о пустяках.

– Что ты нам голову морочишь. Ты лучше расскажи, зачем тебя вызвал "Старик", - прервал меня референт по Турции Кеворкян, с болезненным желтым лицом, армянин.

– Брось к нему приставать. Видишь, он конспирируется от нас, - сходно сказал референт по арабским странам Эйнгорн, недавно перешедший из Коминтерна на работу в ГПУ и носивший кличку "Тарас".

– Ты прав, Тарас, давайте не будем говорить на эту тему, - предложил я и подсел к заведующему восточным сектором Триандафилову, моему старому товарищу по работе, который слушал нас, слегка улыбаясь своими умными карими глазами.

На следующее утро, когда я вновь по вызову спустился вниз, я застал Трилиссера в его приемной комнате одевающимся.

– Вы пойдете сейчас вместе с мной, - приказал Трилиссер.

Я шел по коридору за этим маленьким человеком, едва доходившим мне до плеча. Стоявшие на лестницах дежурные коменданты здоровались с ним и, вопреки обычаю ГПУ,

пропускали, не требуя предъявления пропуска. Мы вышли на Лубянскую площадь и уселись в жидавшую машину. Рядом с шофером сидел сотрудник оперативного отдела, несший охрану Трилиссера. Машина плавно тронулась и, спустившись по Софийке, свернула к Театральной площади, где на минуту задержалась вследствие движения на площади. Впереди нас стояло несколько машин, тоже ожидавших проезда. В одной из них сидел полный мужчина с монгольским лицом. Рука обнимала сидевшую рядом пышную блондинку.

– Ха-ха, наш Фын после китайской революции отдыхает, усмехнулся Трилиссер, смотря на "монгола".- я-то думал, что он на даче.

Я наклонился, чтобы лучше разглядеть Фын-юнга⁷⁰, тогдашнего коммунистического генерала, приехавшего в Москву изучать ленинизм на практике, но машина уже тронулась, и я лишь успел заметить жирный затылок китайского генерала.

– А почему он не возвращается к своей армии в Китай?- спросил я Трилиссера.

– Коминтерн представил большую смету для его армии в Политбюро, и Фын ждет денег,- ответил Трилиссер.

Через несколько минут мы подъехали к громадному зданию Коминтерна, и Трилиссер велел шоферу остановиться. Наружную охрану несли войска ГПУ. Внутри распоряжались наши чекисты. Распорядок такой же, как в здании ГПУ. Мы поднялись по лифту на четвертый этаж. Прошли ряд коридоров и вошли в комнату, на двери которой стояла надпись "Международная связь, Пятницкий". Нас встретила молоденькая блондинка, говорившая с немецким акцентом, и пропустила в кабинет

Пятницкого⁷¹.

В небольшой, продолговатой, бедно обставленной комнате, у окна стоял большой грузный мужчина, лет пятидесяти. Он нервно говорил по одному телефону и одновременно кого-то слушал по другой трубке. Это и был реализатор международных заговоров и революций Пятницкий. Кивнув нам головой, он продолжал с кем-то говорить по-немецки. Наконец, улучив момент, он обратился к Трилиссеру.

– Начинайте, Михаил Абрамович, я вас слушаю. Трилиссер представил меня и предложил изложить план поездки через Афганистан в Индию. Я начал рассказывать о состоянии границы СССР с Афганистаном, описал положение охраны дорог в Афганистане и, наконец, перешел к независимым племенам Северо-Западной Индии. Но Пятницкий уже с первых слов моего доклада повернулся к нам спиной и опять занялся телефонами. Я продолжал рассказывать и вместе с тем думал. К чему это? Ведь

он все равно меня не слушает. Но я был сильно удивлен, когда в конце доклада он повернулся ко мне и стал задавать вопросы по существу моего рассказа.

– Я внимательно вас слушал и пришел к выводу, что практикуемый нами морской путь проезда в Индию значительно проще и безопаснее, чем путь через Афганистан. В самом деле не лучше ли поехать в Америку и, взяв там пароход, прямо же ехать в один из индийских портов? А, впрочем, мы пригласим его самого, и пусть решает как лучше,- сказал Пятницкий и позвонил.

– Попросите сюда товарища Роя,- обратился он к вошедшей секретарше.

Так вот кто собирался в Индию. Сам вождь индийской компартии, член Исполкома Коминтерна Рой⁷². Вот почему этим делом занялся сам Трилиссер и требовал гарантии безопасности. Через несколько минут вошел высокий, еще молодой человек со смуглым лицом и сильно развитой фигурой спортсмена. Рой молча сделал общий поклон, уселся. Мне предложили вновь повторить свой проект. Пятницкий, как и в первый раз, возражал мне и считал водный путь наиболее удобным.

– Решайте, товарищ Рой, как вы предпочитаете ехать,- обратился к молчавшему все время Рою Пятницкий.

– Я бы предпочитал поехать с советским паспортом до Кабула, а уж оттуда друзья помогли бы нелегально пробраться в Индию,- ответил Рой.

Опять началась дискуссия, продолжавшаяся около получаса. Большинство склонялось к моему предложению.

– Хорошо, я хочу еще раз обдумать. Зайдите, товарищ Агабеков, ко мне в гостиницу "Люкс" послезавтра, и я вам дам окончательный ответ,- решил Рой.

При выходе из здания Коминтерна Трилиссер задержался на лестнице и внезапно обратился ко мне.

– Скажите, что вы думаете о поездке Роя в Индию?

– По правде сказать, т. Трилиссер, у меня сложилось впечатление, что Рой просто соскучился по родине и хочет поехать хотя бы поближе к ней. Вот почему он и стремится в Кабул. А в Индию он, по-видимому, боится ехать,- ответил я.

– Да, у меня тоже сомнения насчет Роя. Мне кажется, что он шкурник,- сказал, вздохнув, Трилиссер и быстро направился к ожидавшей машине.

В шесть часов вечера следующего дня я вошел в гостиницу "Люкс" на Тверской улице, которая была обращена в общежитие Коминтерна. Вместо швейцара за столиком сидел дежурный по общежитию, который, посмотрев документы, выдал мне пропуск. У входа в гостиницу стояли группами молодые люди – жильцы

общезития и оживленно беседовали. Тут можно было услышать языки всего мира. Большинство же говорило по-немецки, я прошел в коридор и, найдя нужную дверь, постучавшись, вошел. В комнате находился Рой и светловолосая, худоцавая женщина.

– Это моя жена,- познакомил меня с ней Рой. Она, сказав ему несколько слов по-английски, быстро собралась и ушла, оставив нас вдвоем.

– Мы обдумали с тов. Пятницким ваше предложение, но дело в том, что самый вопрос моей поездки, в связи с событиями в Китае, несколько осложнился,- сказал Рой.

– Насколько мне известно, вы заведуете индийской секцией Коминтерна, какое же отношение могут иметь китайские дела к вашей поездке?- спросил я.

– Видите ли, в связи с ростом революционного движения в Китае мы получили сведения о переброске большого количества войск империалистами в Китай, в том числе англичане отправляют в Китай войска из Индии. Нам нужно во что бы то ни стало воспрепятствовать подавлению революции в Китае, ибо это вызовет реакцию и в других восточных странах, в особенности в Индии. Для этого нужно разложить, революционизировать посылаемые в Китай индийские части, и, конечно, эта забота лежит на индийской секции Коминтерна,- пояснил Рой.

– Поскольку это так, то, вероятно, ваш отъезд затянулся, а я хочу ехать в отпуск, ибо я только что вернулся из заграничной командировки,- сказал я.

– Да, передайте Трилиссеру, что мы просим не задерживать вас, ибо вопрос, возможно, затянется.

Я покинул Роя и общежитие Коминтерна.

Только через несколько месяцев, когда я уже руководил Мешедской резидентурой ГПУ, я получил телеграмму, что мой проект принят и меня вызывают срочно в Москву.

Несмотря на снежные заносы, прерывавшие всякую связь между Мешедом и советской границей, я выехал в Москву, куда добрался в начале марта 1927 года. За несколько дней до моего приезда правительство СССР получило ноту мининдела Англии Чемберлена⁷³, указывавшую на продолжающееся вмешательство большевиков во внутренние дела Англии и угрожавшую в случае прекращения этих актов дипломатическим разрывом.

– Решено временно в связи с нотой Чемберлена приостановить активную борьбу на Востоке. Поэтому поездка Роя в Индию опять отложена. Пока же немедленно возвращайтесь в Персию,- предложил мне Трилиссер, когда я в первый же день приезда очутился в его кабинете.

Политбюро ЦК испугалось ноты Чемберлена. Была дана

директива прекратить активную работу, до изменения ситуации. Вместе с тем большевики не преминули использовать эту ноту внутри СССР – началась подписка на эскадрилью: "Наш ответ Чемберлену".

Глава XVI. Будничный день чекиста

Уже семь месяцев, как я вновь в Тегеране. Разведывательный аппарат более или менее налажен и работает без перебоев. По должности атташе посольства я занимал маленький домик с огороженным двором, расположенным в глубине громадного посольского парка. Двор разделен на две части. На первой половине живу я, а на второй помещалась моя секретная канцелярия и лаборатория.

Каждое утро, проснувшись, я наскоро одевался и шел в канцелярию. У входа в коридоре стояли бидоны с быстро воспламеняющимся веществом, на случай, если нужно будет поджечь архивы. Эту предосторожность Москва предписала принять после обысков лондонского "Аркоса" и пекинского посольства. Из коридора направо шла запертая на замок дверь лабораторий, а налево стеклянная дверь вела в две небольшие комнаты, устланные коврами. Три простых стола, накрытых пропускной агой, несколько стульев, две пишущих "Ундервуд" маленький железный сундук в углу составляли всю обстановку канцелярии.

За одним из столов сидел лет 50-ти полный мужчина с крашенными хной черными волосами и большим крючковатым носом, напоминавшим хищную птицу. Это источник № 1, курд по национальности, доктор по профессии. Он работал 15 лет для России и по наследству перешел к нам в ГПУ. Каждые два дня по утрам он приходил в миссию, якобы навестить пациентов, заходил ко мне в канцелярию и составлял сводку сведений, собранных везде у других реальных пациентов. Когда я, войдя в канцелярию, подошел к нему, он еще писал.

– Здравствуйте, доктор, что у вас сегодня нового?- спросил я.

– Сейчас кончу писать рапорт,- ответил он, вставая навстречу.- Дела Персидского правительства в

Пакистане неважны. На днях опять племена напали на правительственные войска. Около 300 человек убитых, вчера вечером из Тегерана вновь отправлены на фронт два полка пехоты и артиллерия.

– А как относятся к восстанию соседние с лурами⁷⁶ племена?- задал я вопрос.

– Пока достоверно неизвестно, но есть слухи, что племя Пуштекуха тайно поддерживает восставших. К бахтиарам же повстанцы послали делегатов для переговоров о совместном выступлении. Шах тоже посылает военного министра Сардар-Асада к бахтиарам⁷⁷, чтобы удержать от присоединения к

восставшим,- ответил доктор, нас очень интересовало восстание в Луристане, где находилась шоссейная дорога, которая должна была соединить непосредственно Тегеран с южными провинциями Индии.

– Доктор, я сегодня должен выдать вам жалованье, пишите расписку на 120 туманов,- попросил я.

– Большое спасибо. Я как раз очень нуждаюсь в деньгах и уже приготовил расписку,- сказал он, и вынув из кармана клочок бумаги, подал мне.

– Доктор,- спросил я, читая расписку, где он подписался номером первым,- а какую кличку вы носили при царе?

– О, я тогда работал у одного полковника, и он мне дал кличку "Филин". Это, кажется, русская фамилия?- спросил он.

– Да, да!- подтвердил я и только в тот момент ясно увидел, что он очень похож на филина.

– Ну, я не буду вам мешать работать,- сказал я, передав доктору деньги, и вышел из канцелярии.

Не успел я позавтракать, как раздался звонок внутреннего в посольстве телефона. Это Орбельян, заведывавший одной из групп секретной агентуры, просил разрешения прийти с докладом. Официально он работал корреспондентом ТАСС при посольстве, фактически же в течение пяти лет был одним из предприимчивых агентов в ГПУ.

Я перешел в приемную комнату, и спустя короткое время пришел Орбельян: 30-летний молодой брюнет, с крупными чертами лица и толстыми губами, он производил впечатление медлительного, спокойного человека. В руках у него портфель с бумагами, который он, усевшись, положил на стол.

– Ну, давайте, начнем,- предложил я. Орбельян, раскрыв портфель, медленно вынул аккуратно сложенные пачки бумаг.

– Источники NoNo 4 и 9 вчера доставили досье о дорожном строительстве в Персии, которое вы просили достать. Тут маршрут будущей Трансперсидской железнодорожной линии и смета, представленная министром финансов Носратэ Довле и утвержденная Советом министров,- докладывал Орбельян, передавая одну из пачек.- Кстати No 4 хочет выехать через неделю в Германию на лечение и просит перед отъездом свидания с вами,- добавил он.

– Ладно, об этом поговорим позже, давайте дальше,- ответил я, чувствуя, что No 4 будет просить денег.

– Вот тут несколько рапортов представителя Персидского правительства при правлении Англо-Персидской нефтяной компании от источника No 16. Две шифрованные телеграммы поверенного в делах Персии в Багдаде на имя председателя

Совета министров от источника No 33,- продолжал Орбельян, передавая новые бумаги.

– А, это очень важно. А как поживает 33-й номер?- спросил я.

– Он уже не боится давать нам шифровки и очень благодарен за 300 туманов, которые я ему передал. Он тоже очень хочет увидеться с вами,- ответил Орбельян.

– Да, с ним нужно встретиться. Это нужный источник. Когда будет удобнее с ним встретиться?- спросил я.

– Если хотите, сегодня в 10 часов вечера,- предложил он. Я согласился и сделал пометку в своей записной книжке.

– Вчера ночью источник No 10 доставил двенадцать дипломатических пакетов. Отметьте это также,- сказал Орбельян,- кроме того, десятый номер просил передать, что выданный ему сахар он уже продал, а новую партию сахаротрест без вашего разрешения не отпускает. Затем он просит, чтобы ему отпустили еще какой-нибудь товар, ибо одним сахаром никто не торгует, и купцы на базаре начинают подозревать, что тут дело нечистое. Он просит мануфактуры и спичек,- добавил Орбельян.

– Хорошо, я сегодня устрою, чтобы ему выдали нужный товар. А что у вас еще?

– Больше ничего. Напоминаю, что у вас на сегодняшний вечер свидания в 8, 9, 10 и 11 часов. Да, а что мне ответить номеру четвертому?- опять спросил он.

– Дайте ему 100 туманов на лечение. Я сообщу в Москву о его проезде, и его там встретят и свяжут с берлинской резидентурой. Дайте ему пароль для встречи в Москве. А мне с ним видаться нет смысла.

Мы вышли вместе и направились в канцелярию.

Там уже кипела работа. На одном из столов лежала куча пакетов с сургучными печатями. Тут были пакеты почти всех дипломатических миссий в Тегеране. Некоторые из них лежали распечатанными. Над одним из них, клонившись над столом, работал мой помощник Макарьян. Он почти еще мальчик. Ему не больше 23-х лет, выдающийся подбородок говорит о решительности, выражение глаз о настойчивости его характера. Он медленно вводил костяную ручку в полувскрытый конверт и осторожно вскрывал его шире. В углу за маленьким столиком сидела молодая шатенка – наша машинистка и стучала на машинке.

– Здорово, Сурен, что так долго возишься с почтой?- спросил я.

– Да вот из-за бельгийских пакетов,- ответил он, продолжая работать,- представь себе, на двух бельгий-их пакетах я потерял больше времени, чем на остальных десяти. Этот бельгиец всегда

смазывает внутренний пакет гуммиарабиком⁷⁸ и вкладывает в другой, и пока отдерешь, проходит два часа времени. Зато смотри, какая работа. Нельзя найти следов вскрытия,- хвалился Макарьян.

И действительно нужно отдать ему справедливость. В течение месяца Макарьян так набил руку по вскрыванию пакетов, что превзошел даже своих учителей.

– Да, ты молодец. А какие еще пакеты поступили сегодня?- спросил я.

– Три английских, четыре из персидского Министерства иностранных дел, один германский и один французский. Они уже все обработаны. Остался вот последний бельгийский,- показал он на лежавший перед ним толстый полувскрытый пакет.

– Ну, ну, кончай скорее. Через час нужно идти с докладом к послу, а он как раз интересуется бельгийскими пакетами,- сказал я и направился в лабораторию.

Это две маленькие клетушки, набитые всяческими фотографическими принадлежностями. В передней комнате на станке укреплен аппарат "Лейтц". На веревках сушатся заснятые пленки. У ванночки фотограф Артемий промывал свежие пленки.

– Сколько снимков сделано сегодня?- спросил я его.

– Пока тридцать,- ответил он, вынув руки из состава и вытирая их.- А вчерашние уже готовы,- и он направился в следующую комнату за ними. Взяв снимки, я вернулся в канцелярию и, передав несколько инструкций Макарьяну, возвратился к себе. В моей спальне стоял большой несгораемый шкаф, куда я положил готовые снимки.

– Алло! Можно к тебе?- спросил генеральный консул Вайцман, приоткрывая дверь.

– Входи, входи! Очень рад,- пригласил я.

В комнату вкатился маленький, полноватый брюнет в пенсне с официальной улыбкой на лице и с огромным кожаным портфелем в левой руке.

– А я был у полпреда и думаю, дай, загляну к Агабекову. Кстати, у меня дело к тебе,- продолжал он, роясь в раскрытом портфеле.- Вот список желающих получить визу в СССР, а это список подавших заявление о приеме в советское гражданство. Пожалуйста, проверь и долго не задерживай. В особенности список уезжающих, ибо многие хотят выехать с первым пароходом,- попросил он, передавая бумаги.

– Я, кажется, никогда больше трех дней не держу твоих бумаг,- возразил я.

– Знаю, знаю,- торопливо перебил он меня,- это так, для порядка. Вот тебе еще пакет от представителя Коминтерна. Он

вчера был у меня и жаловался на трудные условия работы. В местной компартии много ненадежной публики. Масса провокаторов. Он посылает тебе список членов организации и просит, чтобы ты проверил их через свою агентуру.

Я вскрыл поданный пакет и просмотрел длинный список фамилий.

– Ладно, ладно, только надеюсь, это не срочно, у меня и так много своей работы,- ответил я.

– У меня тоже нагрузка от Коминтерна. Получил из Москвы циркуляр о подготовке съезда делегатов компартий Востока в Урмии⁷⁹. Нужно подобрать делегатов, проверить их, дать им под благовидным соусом билеты, а многих, кроме того, снабдить деньгами. Вообще работы хватает,- вздохнул Вайцман.

Раздался телефонный звонок.

– Товарищ Агабеков! Я сейчас свободен, если вы не заняты, то приходите ко мне,- услышал я голос полпреда

Давтяна.

– Ну ладно, я еще забегу к тебе и мы потолкуем, сейчас извини, меня вызывает полпред,- сказал я Вайцману и выпроводил его за дверь.

Оставшись один, я стал подбирать бумаги для информации посла.

Большой роскошный кабинет. Повсюду ковры и красного дерева мебель, обитая дорогой кожей. Посреди комнаты за громадным письменным столом лицом к дверям сидел посол Давтян. До своего назначения в Персию он был советником посла в Париже. Студенческие годы Давтян провел в Бельгии. Его длительное пребывание в Европе оставило на нем резкий отпечаток, выделивший его среди остальных крупных советских работников. Высокий, красивый брюнет, с правильными чертами лица, с вечно корректным обращением к окружающим, Давтян производил очень выгодное впечатление. В отличие от прежних послов Давтян имел еще

преимущество, что владел европейскими языками.

При всех этих качествах и той выгодной политической обстановке, каковая была налицо в период его назначения в Персию, Давтян мог бы проделать большую работу для советского правительства, но обратная сторона его характера сводила на нет все его преимущества. Он был трусливым, нерешительным человеком, без всякой инициативы. Трудолюбие его ограничивалось исполнением без размышления всех директив Москвы. А какие директивы можно было ожидать от заместителя Наркоминдела Карахана, глупость которого вошла в такую же поговорку, как и кличка "каменный зад", прочно приставшая к

Молотову⁸⁰, недавно назначенному Предсовнаркома СССР. Давтян, будучи ставленником Карахана и обладая нерешительным характером, по каждому вопросу обращался в Москву, техническим исполнителем которой он являлся. Таков был Давтян, просиживавший дни за письменным столом и усваивавший все московские циркуляры. Относился он ко мне неплохо, дорожа той информацией, что я ему давал.

– А, товарищ Агабеков, здравствуйте, садитесь,- встретил меня Давтян, когда я вошел к нему в кабинет,- что у вас хорошего?

Я приступил к докладу.

– Опять получили агентурные сведения, что ведутся переговоры по заключению нового англо-персидского договора. В частности, имеются сведения, что персы пошли на уступки по вопросу разрешения англичанам постройки аэродромов на побережье Персидского залива. Сведения подтверждаются из разных источников,- докладывал я.

– Да, я уже пытался говорить по этому вопросу с министром иностранных дел, но пока неудачно. Сообщил в Москву, но с последней почтой никаких директив. Гробовое молчание. Придется еще раз написать Карахану,- сказал Давтян.

– Нами перехвачены две телеграммы представителя персидского правительства в Багдаде. Судя по этим телеграммам, переговоры между Ираком и Персией продвигаются успешно. Осталось разрешить спор о правах персидских подданных в Ираке,- продолжал я свой доклад.

– Это очень важный вопрос. Пожалуйста, следите и дальше за их переговорами и держите меня в курсе дела. Москва просит всеми мерами воспрепятствовать

заключению договора между Персией и Ираком. Пришлось опять дать субсидию некоторым редакторам газет, чтобы они вели газетную кампанию против договора. Кроме того, я говорил с некоторыми депутатами клиса⁸¹ и старался натравить их против договора, дальше кажется, что мы окажемся бессильными что-либо сделать, ибо все дело в руках самого шаха и Тей-паши,- объяснил он.

– Вот это доклады французского и бельгийского послов. К сожалению, я не знаю, о чем они пишут,- продолжал я, вынув из портфеля фотоснимки с докладов.

– А, опять бельгийский посол. Вы знаете, что, по-моему, он самый аккуратный из посланников в Тегеране, всегда детально информирует свое правительство о мало-мальски выделяющихся событиях. Мне очень нравятся его доклады. А это что?- спросил Давтян, показывая на остальную часть фотоснимков.

– Несколько политических и экономических сводок сирийских консулов, экономический доклад американского консула и письмо германского посла графа Шуленбурга своему консулу в Тавриз⁸², - перечислял я.

– А что пишет Шуленбург? - задал вопрос Давтян.

– Ничего интересного. Маленькое письмо и газетная информация, - ответил я.

– Ах, как я хохотал вчера вечером. Представьте, коллега, Шуленбург заговорил со мной о своей коробке с дипломатической почтой, что мы разбили на днях. Он жаловался, что почтовые пересылки стоят очень дорого и приходится за пару килограммов платить двадцать туманов. Причем старался наглядно показать размер посылки. Я в душе хохотал над его секретной почтой, а наружно, конечно, выражал сочувствие. Что поделаешь, такая наша служба, - закончил он.

– Яков Христофорович, обедать, - крикнула в это время из соседней комнаты его жена.

– Вот что, Агабеков. Не оставите ли вы мне документы на французском языке. Я хочу их почитать после обеда, - спросил Давтян, вставая.

– Пожалуйста, тов. Давтян. Только, чтобы не пропали.

– Что вы! Я их положу сюда в нескораемый шкаф, надеюсь, они будут в безопасности после установки вами сигнализации, - сказал он, смеясь.

Я вышел из кабинета, думая о Давтяне. Во что превратился этот ветеран большевистской революции? Член партии с 1907 года, старая гвардия большевиков. Не прошло и десяти лет, как он стал членом правящей партии и уже выдохлась вся его революционность (если она когда-либо была.) Остался солидный, исполнительный чиновник советского правительства, живущий по циркулярам наркоминдельского Карахана. А ведь он – один из лучших. Другие – худшие, под согревающими лучами власти "распустились" и показали подлинные физиономии садистов, шкурников, убийц...

– Товарищ Агабеков, зайдите к нам на минутку, - позвали меня из-за решетчатого окна секретно-шифровальной части, расположенной напротив посольского кабинета.

Постоянно запертая дверь раскрылась, и я вошел. В комнате два шифровальщика. Это испытанные во всех отношениях коммунисты, в большинстве состоявшие в шифровальных отделах Красной Армии еще во времена гражданской войны. Работая при посольствах, они фактически являлись сотрудниками специального отдела ГПУ и подчинены резидентам ГПУ.

– На ваше имя поступили пакеты из Тавриза, Пехлеви⁸³ и

Керманшаха84. Распишитесь пожалуйста,- сказал старший шифровальщик Шохин, передавая мне пакеты.- Затем у нас накопилось много старых секретных телеграмм, подлежащих сожжению. Опись уже составлена, может быть, у вас есть время просмотреть их и подписать акт, чтобы мы могли сжечь,- продолжал Шохин.

По инструкции ни одна бумага в полпредстве и торгпредстве не может быть уничтожена без ведома резидента ГПУ.

Я наспех просмотрел груду бумаг и, подписав акт об уничтожении их, вышел в коридор. Навстречу мне шел советник посольства Логановский.

– Здорово, Агабеков, пойдем ко мне, у меня есть дело к тебе,- попросил Логановский, и мы направились в его кабинет.

С Логановским у меня были совершенно иные отношения, чем с остальными членами миссии. Этот высокий болезненно-полный блондин, несмотря на свои 32 года, был такой же старый чекист, как и я. Он был резидентом ГПУ в Варшаве и в Вене и за активную деятельность в этих столицах ГПУ наградило его орденом Красного знамени. По приезде Трилиссер назначил его своим помощником, но Логановский со своим самостоятельным характером не смог ужиться со спокойным и южным Трилиссером. Ему пришлось уйти из иностранного отдела ГПУ, и он перешел на службу в Наркоминдел, где у него имелись старые связи по работе за границей. Но привычка – вторая натура. Логановский, не смотря на то, что уже два года, как ушел из ГПУ, никак не мог привыкнуть к чисто дипломатической деятельности и рвался к работе ГПУ, которая больше соответствовала его характеру. Как чекисты, мы с ним были в приятельских отношениях, и он часто мне помогал своими советами, приводя примеры из прошлой деятельности.

– Вот посмотри,- сказал Логановский, достав черного нескораемого шкафа и развернув на столе.- план нефтяных вышек в "Майданэ Нафтум", разрабатываемых англо-персидской нефтяной компанией, эти кружки обозначают вышки. Их сотни в этом более богатом нефтью районе. Вот здесь тянется нефтепровод. Англичане без всякого напряжения добывают здесь колоссальные запасы нефти. Шестьдесят процентов индийского флота питается запасами нефти этой компании.

– Это все старо, говори прямо, к чему ты клонишь,- прервал я его.

– А вот к чему. У тебя прекрасно поставленная информационная работа. Спору нет. Но скажи, пожата, к чему она? Для сведения полпреда или же для сведения Москвы, где несколько чиновников в ГПУ подготовленные тобой материалы

читают, размножают, рассылают и, сдав в архив, забывают? Разве это дело? Нет настоящего дела. А вот если уничтожить эти нефтяные промыслы, как ты думаешь, какой был бы ущерб для Англии – вдруг поставил вопрос Логановский.

– Да, но это тебе не Софийский собор,- ответил я улыбаясь и намекая на его работу на Балканах,- я тоже думал об уничтожении этих промыслов в случае войны с Англией и даже советовался со специалистами. Они сказали, что даже удачный налет эскадрильи аэропланов может разрушить лишь часть промыслов, но не сможет приостановить добычу нефти.

– Но чудак ты этакий! Нам разрушить все и не нужно. Важно, чтобы полученная нефть не шла к англичанам, а этого можно добиться массовым разрушением нефтекачек и нефтепровода. И вот я вчера получил доклад из Шираза⁸⁵ от нашего консула Батманова, в котором можно найти разрешение этой задачи. Батманов пишет, что в районе нефтяных промыслов расположены два крупных племени: хафтянги и чаарлянги⁸⁶, которые вечно враждуют между собой из-за денежных пособий, получаемых от нефтяной компании. Всегда, если одно племя в дружбе с англичанами, другое находится во враждебных отношениях с ними. Так вот, почему бы вам не использовать эти племена к началу войны для полного разрушения промысловых машин,- говорил Логановский.

– Идея не плохая, только вопрос нужно детально разработать и попросить согласия Москвы,- ответил я.

– Если хочешь, я тоже со своей стороны напишу Трилиссеру,- предложил он.

– Буду очень благодарен за это,- ответил я, вставая.

Я шел, обдумывая план Логановского. Конечно, он прав. Нужно готовиться к войне заранее. О том, что война будет, что она должна быть, ни у Логановского, ни у меня не было и тени сомнения. Ведь к этому мы и шли всей нашей работой внутри и вне СССР. Нас занимал лишь вопрос начать войну в наивыгоднейший для нас момент, когда все политические и экономические условия налицо. Чтобы бить наверняка.

За моим столом я застал помощника Сурена. Он перебирал поступившие рапорты агентов, делая выписки. Я передал ему поступившие из провинций пакеты и сел помогать ему. Проработав с час, мы перешли в соседнюю комнату.

– Сегодня я имел интересную беседу с Логановским,- начал я после супа,- он предлагает организовать агентуру в племенах Южной Персии, для разрушения нефтяных промыслов в случае войны.

– Да, идея подготовки к войне дискутировалась в Москве еще

до моего выезда сюда. У нас в ГПУ этим вопросом занялись в особенности после 5-го конгресса Коминтерна, на котором определенно констатировали неизбежность войны с империалистами. В связи с этим уже приступили к некоторой организационной подготовке аппарата ГПУ к войне,- сказал Сурен.

– В чем проявилась эта подготовка?- спросил я.

– До сих пор наши резиденты, как ты знаешь, работали при посольствах. Теперь же мы начали организовывать нелегальные резидентуры помимо посольств, в случае войны предполагается, что наши посольства будут арестованы или их попросят выбраться вон из той страны, при которой они аккредитованы, и с выездом резидента прервется связь ГПУ с секретной агентурой. Если же будут нелегальные резиденты, то работа от высылки миссий нисколько не пострадает. По этому вопросу м Трилиссер делал специальный доклад на собрании иностранного отдела,- рассказывал Сурен.

– А как в отношении поддержки связи с Москвой? Ведь сейчас связь осуществляется через дипкурьеров, тогда же их не будет?- задал я вопрос.

– Это вопрос, как указывал Трилиссер в своем докладе, наиболее трудно разрешимый. Пока что решили, что нелегальный резидент будет посылать свои донесения через легального. Но, это, конечно, временная мера, пока не найдут подходящих путей. В Европе наши ребята уже работают нелегально. Даже в Турцию послали нелегально Блюмкина, который должен руководить работой на арабские страны,- ответил Сурен.

– Я вот думаю, а почему бы и в Персии не перейти на организацию нелегальной резидентуры? Мы никогда не можем быть уверены в поведении персидского правительства в случае войны. Тогда бы и вопрос о работе среди племен Южной Персии и Курдистана⁸⁷ принял другой характер. Мы могли бы, нелегально проникнуть в эти районы, делать все, что угодно. А там вали, на кого хочешь. Да и ваши наркоминдельцы не мешали бы, не зная чьих рук дело,- обдумывал я вопрос вслух.

– А что если ты поставишь этот вопрос на разрешение перед Москвой?- спросил Сурен.- Я бы первый с удовольствием поехал нелегально работать среди курдов.

– По-моему, вопрос нужно подработать. Собери весь материал о племенах Персии, и мы составим доклад под углом зрения опасности войны и возможности использования племен на этот случай,- предложил я.

Я приехал в торгпредство, находившееся в старой части

города, и направился в кабинет заведующего регулирующей частью торгпредства Мая, который одновременно являлся моим помощником по экономической разведке. Состоя при торгпредстве, Май успешно, не вызывая подозрений, руководил сетью секретных агентов, работавших во всех советских хозяйственных организациях и освещавших деятельность этих организаций.

Май был старым чекистом и даже одно время работал на крупном посту в Экономическом управлении ГПУ, но, проворовавшись, попался. Был исключен из ВКП(б) и уволен из ЧК, но, будучи по натуре чекистом, сумел опять втереться в секретные работники ЧК. Дело свое, нужно отдать справедливость, он знал прекрасно. Высокий брюнет, с библейским лицом, Май носил длинную бороду, которую вечно поглаживал. Один из его "приятелей" по поводу этой бороды острил, что Май побреется в день падения советской власти, чтобы изменить свою физиономию и не быть узнанным новым правительством.

– Садись, Агабеков, гостем будешь,- встретил меня Май кавказской формулой.- Был вчера купец с твоей запиской, и я ему выдал лицензию на 500 пудов чаю и 1000 пудов рису. Кроме того, я припрятал из запасов торгпредства лицензии на сафьян, хлопок и хну. Может быть, тебе пригодятся для работы,- докладывал он.

– Спасибо, Май, но сейчас вот что. Позвони в Сахаротрест и общество "Шарк" – пусть они отпустят источнику No 10 сахару и других товаров в кредит на 3000 туманов. Скажи им, что ты знаешь этого купца и гарантируешь его кредитоспособность,- попросил я.

– Сейчас позвоним. Кстати, о Сахаротресте. Мы сейчас разработали проект переброски нашего сахара в порты Персидского залива. Сахар будет грузиться в Одессе. Для продажи товара мы открываем новые отделения в Ширазе, Бендер-Бушире и Ахвазе⁸⁸. Не находишь ли, что это удобный случай – под видом служащих Сахаротреста командировать туда наших агентов. Наконец, в Одессе на пароходы можно устроить тоже наших чекистов. Они проехали бы через Красное море и разнюхали бы положение в тех краях,- предложил Май.

– Прекрасно. Мы воспользуемся этим случаем, так как сейчас как раз стоит вопрос об усилении работы на юге Персии. Предупреди меня, когда будут обсуждаться кандидатуры сотрудников на юг. Что касается использования пароходов, то, к сожалению, это не мой район. Я напишу в Москву, и пусть они делают, что хотят,- ответил я,

– – Вчера была очередная драка между торгпредом ???цвани

и его заместителем Суховием,- начал Май, любивший всевозможные интриги.

– Очень интересно,- перебил я его,- приходи сегодня вечером ко мне. Поработаешь, и заодно потолкуем обо всем. А сейчас, извини, я спешу,- сказал я, вставая.

В девять часов вечера я уже сидел в одной из комнат конспиративной квартиры. Это был маленький домик со двором. Нанят он был на имя одного из секретных агентов. Преимущество квартиры заключалось в том, что она имела три двери, выходящие на три разные улицы. Так что создавалась некоторая гарантия от возможной ловушки.

Через несколько минут раздался условный стук в комнату. Обслуживавшая квартиру старуха-персиянка пошла открывать дверь. Вошел Орбельян вместе с источником No10. Это – молодой человек с умным, энергичным лицом. Он любит рискованные дела и уже очень много сделал для ГПУ. Служанка подает на подносе чай и местные сладости, и мы за чаем ведем посторонний разговор.

– Тов. Агабеков, я выполнил данное мне поручение организовать получение дипломатической почты иностранных миссий,- начал агент, когда чай был убран,- теперь я хочу взяться за вербовку шифровальщика из военного министерства.

– Вы молодец! Я написал в Москву о проделанной вами работе и получил распоряжение увеличить вам жалованье до 150 туманов в месяц. Что касается военного министерства, то я думаю, что с этим лучше подождать. Вы только что закончили крупное дело, вам нужно отдохнуть и переждать, чтобы не навлечь на себя подозрений,- говорил я, а сам тем временем думал, что ведь в военном министерстве для нас уже работают три шифровальщика, а ты ничего не знаешь и можешь только испортить дело. Вслух же я продолжал:

– Да, вам нужно отдохнуть, а потом вы лучше присмотритесь к личной канцелярии шаха. Там, по-моему, должно быть много интересного для нас.

– Да, я вам забыл сказать,- переменял я тему разговора,- завтра можете пойти в Сахаротрест и "Шарк" и лучить все, что вам нужно для торговли.

Я посмотрел на часы. Сидевший молча Орбельян понял и через пару минут выпроводил агента. Нужно было спешить к ожидавшему нас источнику No 33.

Большая полутемная от скудного освещения комната, убранная коврами. В углу стоят столик, накрытый разными сладостями, и три стула. Другой мебели нет.

Встретивший нас агент приглашает к столу. Это – высокий,

худощавый мужчина с длинной черной бородой. Он – принц по линии Каджаров⁸⁹, свергнутых нынешним Риза-шахом, и служит шифровальщиком при Совете министров. Для нас он очень ценный источник, передающий все секретные распоряжения, циркуляры и шифры премьера.

– Наше правительство очень довольно вашей информацией и просило меня благодарить вас за те услуги, что вы нам оказали,- сказал я, когда мы уселись за стол.

– Большое спасибо за то, что вы оценили мою работу. Но, работая для вас, я этим работаю для своих целей; я принадлежу к дому Каджаров, чей престол насильно с помощью англичан, занял Риза-шах. Поскольку он пользуется поддержкой англичан, я наперекор ему помогаю большевикам, являющимся ярыми врагами англичан. Вместе с тем, помогая вам, я надеюсь, что если в один прекрасный день и не вернется на престол наш законный шах, то во всяком случае вы подготовите тут революцию, которая лишит престола и Риза-шаха,- ответил он.

– Вы правы в том, что англичане помогают Риза-шаху, но, видите ли, у нас в Москве этому не верят. Они требуют документальных доказательств. И если бы мы нашли такие доказательства, то я уверен, что наше правительство приняло бы все меры к свержению нынешнего шаха и восстановлению Каджарской династии,- сказал я.

– К сожалению, я не располагаю такими документами, а то бы уже давно передал вам,- ответил принц.

– Скажите, а вы не просматривали архива, находящегося в ведении председателя Совета министров?- спросил я.- Дело в том, что в период 1924- 25 гг., когда Риза-шах был премьером и воевал с восставшим на юге Шейхом Хейзалом, англичане согласились выступить посредниками для примирения их. Тогда же было заключено соглашение между Риза-шахом и англичанами в том, что последние помогут ему занять персидский престол, и в компенсацию за это Риза-шах обещал предоставить англичанам большие льготы в Персии. Все эти сведения я имею из агентурных источников, но их нужно крепить документальными данными, которые вы могли бы найти в архивах за эти годы. Не приходилось ли Вам просматривать архивы Совета министров? – спросил я.

– Нет, я работаю всего два года и архивами не интересовался. Но теперь я начну разборку архива и посмотрю все, что будет касаться того периода. В течение месяца я надеюсь разыскать нужные вам документы,- ответил он.

– Благодарю вас. Я надеюсь, что так или иначе строй Персии изменится, и вы займете более подобающее Вам положение,-

попрощался я.

Уходя, я оставил на столе конверт с месячным жалованьем принцу, составлявшее 300 туманов.

Только к полуночи я попал домой и направился прямо в канцелярию. Там еще работали. Мой помощник Сурен уже заканчивал обработку вновь поступивших дипломатических пакетов иностранных миссий. Ловко водя маленьким горящим примусом вокруг сломанных печатей на пакетах, он ставил нашего изделия печати на размокший сургуч.

В следующей комнате сидел над грудой материалов Давлатьян. Нервно раскачивая ногой и поглаживая бороду, он составлял экономический доклад.

Я устал! Хочется лечь, отдохнуть. Но нужно еще осмотреть поступившие за день десятки рапортов агентуры и доклады провинциальных резидентов ГПУ. Отгадывать на завтра нельзя, ибо и завтра будет то же самое. Только другие лица, другие вопросы, другие подходы. Нужно спешить. Идти на всех парах к одной цели: подготовке к войне и через войну к мировой социалистической революции.

Глава XVII. Смерть предателям

Утром 3 января 1928 года, просматривая персидские газеты, я обратил внимание на следующую маленькую заметку: "Из Мешед сообщают, что два крупных советских чиновника Максимов⁹⁰ и Бажанов, убежав из СССР, прибыли в Мешед. До распоряжения из Тегерана они содержатся в полиции. На днях беглецы будут высланы в Тегеран".

– Смотри, Сурен,- обратился я к моему помощнику, передав ему газету,- двое совслужащих бежали из СССР в Персию. Вероятно, по приезду в Тегеран они будут освобождены и свяжутся с местной белой эмиграцией. Дай задание нашему сексоту по белым, чтобы в случае их появления здесь он нас немедленно известил. Кроме того, напиши в Мешед Лагорскому, чтобы он сообщил нам, что это за беглецы,- приказал я Сурену.

Сурен молча обвел цветным карандашом заметку в газете.

В ту же ночь, когда я, вернувшись из города, зашел в канцелярию, Сурен передал мне свежешифрованную телеграмму из Москвы.

"Из Асхабада в Персию бежали Бажанов и Максимов. Бажанов (повторяем: Бажанов), будучи Москве, занимал ответственный пост и может быть чрезвычайно опасен. Выясните их местопребывание и примите все меры ликвидации. Трилиссер",- прочитал я.

– А вот еще одна телеграмма из Мешед от Лагорского,- сказал Сурен.

"Прибыли Мешед перебежчики Бажанов и Максимов. Имею распоряжение Москвы и Ташкента срочно их "ликвидировать". Не имею достаточных возможностей для выполнения задания. Приезжайте лично. Михаил".

Я обдумывал полученные сведения. Вероятно, беглецы захватили с собой что-то важное. Никогда раньше ГПУ в Москве так нервно не реагировало на побеги за границу.

– Что ты думаешь теперь делать?- спросил Сурен.

– Теперь думаю пойти спать, а завтра нужно ехать в Мешед,- насмешливо ответил я.- Нужно же помочь парню.

– Что он там делал целый год, когда в критическую минуту у него нет агентуры? Да и вообще какой Лагорский чекист и резидент ГПУ, если даже одного человека не может ухлопать,- раздраженно сказал Сурен.

– Ну, теперь поздно судить его. Нужно дело делать,- ответил я. Я знал, что Сурен сам хотел быть самостоятельным резидентом в Мешед, но его обошли и назначили Лагорского. Считая это

назначение кровной обидой, Сурен всячески старался скомпрометировать

Лагорского и показать, что если бы назначили его, дела шли бы иначе.

– Когда же ты поедешь?- спросил Сурен.

– Я завтра поговорю с полпредом, и тогда решим,- ответил я.

На следующее утро я сидел в кабинете посла Давтяна. На совещание, как старый чекист, был приглашен так же советник Логановский. По линии Наркоминдела уже поступила телеграмма добиться во что бы то ни стало уничтожения Бажанова. Это был чуть ли не первый случай, когда Наркоминдел выступал согласованно с ГПУ. Тогда это меня сильно удивило. Потом же я узнал, что приказ убить Бажанова был дан по всем линиям самим Сталиным, в секретариате которого работал Бажанов до своего отъезда в Туркестан.

– Так как же вы думаете провести эту операцию?- спросил меня Давтян.

– Я сейчас затрудняюсь сказать что-либо конкретное. Вот поеду, посмотрю какова там обстановка, а там по обстановке видно будет, что делать. Во всяком случае при наших связях в Мешед я не думаю, чтобы было трудно "ликвидировать" одного человека,- ответил я.

– А я бы предложил не ездить вам в Мешед, а ждать, когда их будут везти в Тегеран и прикончить их в пути, даже в крайнем случае здесь,- предложил Логановский.

– Что же можно с ними сделать в пути, раз они будут ехать под конвоем?- спросил я.

– Как что? Можно, установив точно время их проезда через какой-нибудь удобный пункт, привязать к дереву тонкий стальной канат. Так я вам ручаюсь, что при скорости автомобиля в 40- 50 километров такой канат, как бритва срежет головы всем пассажирам в автомобиле,- ответил Логановский.

– А, по-моему, этот путь очень проблематичный, нужно точно установить время и место проезда, да вдруг еще на удобном месте не окажется нужного дерева, к которому можно было бы привязать канат. Кроме того, за это время беглецы успеют рассказать все, что знают, местной полиции, и будет уже поздно. Поэтому я думаю, что нужно действовать в Мешед и как можно скорей,- возразил я.

– Я тоже согласен с вами,- поддержал меня Давтян,- Когда вы сможете выехать?- спросил он.

– Да завтра же. Завтра утром вылетает аэроплан, и к обеду я буду в Мешед,- ответил я.

– Прекрасно, поезжайте завтра, а я пошлю телеграмму

нашему генконсулу Дубсону, чтобы он оказал вам нужное содействие,- сказал Давтян.

К вечеру следующего дня аэроплан "Юнкерс", вылетевший рано утром из Тегерана, сделав над Мешедом несколько плавных кругов, опустился на покрытый снегом аэродром. Накануне полета я получил из Москвы новую телеграмму, в которой Трилиссер поручал мне проинспектировать резидентуру ГПУ в Мешед, так как тамошний представитель Лагорский уже шесть месяцев не только не исполнял заданий ГПУ, но вообще перестал писать в Москву. Не желая предупреждать Лагорского о своем приезде, я ему не послал телеграммы, и сейчас на аэродроме меня никто не встречал. Взяв частного извозчика, я поехал в консульство. На душе было неприятно, то ли от шестичасового покачивания на аэроплане, то ли от предстоящей операции с Бажановым. Хотя, признаться, я больше думал о ревизии Лагорского, которая была мне особенно неприятна. С Лагорским меня связывала старая дружба, и по моей рекомендации он был назначен резидентом ГПУ в Мешед, а теперь мне нужно было взять с ним официальный тон, что и было неприятно.

Экипаж въехал в ворота консульства и, подъехав к квартире Лагорского, остановился. В этой самой квартире я год тому назад жил, работал, организовывал, при неудачах волновался, суетился, бегал. Я думал, что делаю колоссальной важности дела, а в сущности какими маленькими казались эти дела сейчас, после тегеранской работы. Это было всего год тому назад, а кажется, что это было так давно... И я почувствовал себя постаревшим, усталым, делающим какие-то никому ненужные дела. Может быть, я просто устал с дороги? Но нет, это ощущение в дальнейшей моей жизни находило на меня все чаще, все сильнее. Это было начало сомнений, рождавшимся в душе. Сомнениям в правоте моего дела и плодотворности работы.

Не успел я сойти с экипажа, как навстречу выбежал Лагорский, увидевший меня в окно.

– Заходи сюда, здесь теплее,- пригласил он меня в спальню, и уже через короткое время мы, сидя за чаем, оживленно беседовали.

– Ну, рассказывай, Миша, что ты тут поделываешь,- спросил я, когда мы уже перебрали личные темы разговора.

– Да ничего особенного, просто время убиваю,- ответил Лагорский нехотя, и оживление покинуло его.

Я смотрел на его молодое, но уже носившее отпечаток усталости лицо. В длинных, зачесанных назад волосах несмотря на его 28 лет, можно было видеть седые.

– В том-то и дело, что время убиваешь. Вот и Москва

сообщает, что ты тут дурака валяешь и не только не работаешь, но даже не пишешь им,- продолжал я.

– А что писать? К чему?- как-то вяло ответил он.

– Как что? Ты же что-нибудь делаешь? Агентура у тебя работает?- спросил я.

– Ах, Гриша! Не понимаешь ты меня. Надоело все мне, понимаешь, надоело. Вот чувствую, что устал, шесть месяцев ничего не делаю, а устал. Скажешь – разгильдяй, бездельник! Ничего подобного! Сидел же я столько лет подряд секретарем у Дзержинского и Ушлихта⁹². Работал день и ночь, как проклятый, и не чувствовал усталости. А вот теперь никакой охоты,- закончил он и замолчал, точно оборвал. Я тоже молчал и знал причину настроения Лагорского. Откуда оно могло взяться? Я не мог объяснить, но чувствовал, что это настроение передается и мне, действует на меня.

– Вот получил телеграмму "ухлопать Бажанова", видишь ли, обрадовался. Все-таки живое, настоящее дело. Дня три чувствовал себя бодрым. А потом опять выдохся продолжал Лагорский.

– А как поживает твоя жена? Когда она думает приехать к тебе?- спросил я, стараясь узнать, не тут ли зарыта собака.

– Что ей сюда ехать, когда я сам думаю, как бы убраться отсюда,- ответил он.

– Ну, ладно, брось хандрить. Давай примемся за дело веселей будет. Расскажи подробно, как обстоит дело с Бажановым и Максимовым,- предложил я.

– Бажанов работал в Асхабаде, управделами ЦК Туркменистана, а Максимов в каком-то кооперативе, первого января они ушли из города, якобы на охоту, и перебрались через границу в Персию. Председатель ГПУ Каруцкий сообщил мне об их побеге уже тогда, когда их везли в Мешед. До этого поручение перехватить их в дороге имел наш резидент в Баджигране Пашаев. Но ему не удалось выполнить поручение, хотя он приехал в Мешед на одной машине с беглецами. Персы, привезя их в Мешед, поместили в гостинице Оганова, и мы решили в первую же ночь покончить с ними. Я поручил эту операцию нашему сексоту Колтухчеву, ты, кажется, знаешь его.

– Да, он при мне был заведующим нашим клубом, хромой,- сказал я.

– Этот самый. Так вот, я снабдил его наганом, и он должен был, пробравшись в гостиницу, пристрелить их,- продолжал Лагорский.- Но ему не повезло. Когда он забрался на балкон гостиницы, куда выходили окна комнаты беглецов, он был арестован дежурившим у окон полицейским и посажен при полиции. Власти же, боясь новых покушений, на следующее утро

перевели Бажанова и Максимова в полицейское управление, где они и содержатся под охраной,- рассказывал Лагорский.

– Ну, а дальше?- спросил я.

– Что я мог сделать больше, раз они сидят запертые в полиции. Я поручил одному агенту выяснить, что можно с ними сделать в самой полиции. Он придет сегодня ночью с докладом вместе с Пашаевым, который после ареста Колтухчева боится днем заходить в консульство. Вот и все,- закончил он.

– Так, так! А как они охраняются в полиции?- спросил я.

– Им предоставили комнату, у дверей которой стоит охрана. Ну, конечно, и снаружи стоит охрана. Кроме того, там еще наша охрана,- смеясь, добавил Лагорский.- Я забыл тебе сказать, что Каруцкий из Асхабада прислал для убийства Бажанова целую шайку головорезов-контрабандистов. Они тоже караулят у здания полиции с ножами и ждут okazji выпустить кишки беглецам, как только они выйдут из полицейского здания.

– А что думает по этому поводу консул Дубсон?- спросил я после короткого молчания.

– Дубсон ничего не думает. Он недавно женился на молоденькой девушке и всецело занят ею,- ответил Лагорский.

– Что же, нужно все-таки пойти повидать его. Как у тебя с ним отношения?- спросил я.

– Ничего себе. Пока что корректные,- ответил он.

– Ну, тогда пойдем к нему вместе,- предложил я.

– Входите, входите,- пригласил нас Дубсон, открыв дверь своего кабинета.- С приездом, товарищ Агабеков, какими ветрами вас сюда занесло?

– Дубсон был небольшого роста, краснощекий, тридцатилетний парень. Он окончил после революции Академию Генерального штаба и считал себя больше военным, чем дипломатом. Повсюду он старался щегольнуть военной выправкой, которая придавала большую комичность его маленькой фигуре.

– Куда вы, туда и я,- ответил я, улыбаясь. Мы с ним встретились последний раз шесть месяцев тому назад в Тавризе. Тогда он был генеральным консулом в Тавризе и одновременно состоял резидентом ГПУ. К его несчастью, Тегеранское ГПУ тоже послало в Тавриз своего представителя, некоего Минасьяна, для ведения работы среди кавказской эмиграции. Минасьян оказался энергичным сотрудником и все шире и шире развивал свою деятельность. Самолюбие Дубсона было ущемлено. Между ними началась конкуренция в работе, так называемое "соревнование", перешедшее в склоку, принявшую до того острый характер, что мне пришлось ехать из Тегерана в Тебриз и разбирать, кто из них

виноват в создавшейся обстановке. В результате обследования я отнял у Дубсона работу и поручил все дело Минасьяну. Такое решение, конечно, не удовлетворило Дубсона, и он продолжал мешать работе Минасьяна и одновременно пытался интриговать против меня. В результате ГПУ поставило вопрос о его отозвании из Тавриза. Наркоминдел, вынужденный исполнить требование ГПУ, вместе с тем назо ГПУ же назначил Дубсона опять-таки генеральным консулом в другой, не менее важный район Персии – Мешед. Теперь нам опять довелось встретиться с Дубсоном.

– Вы получили телеграмму от Давтяна?- спросил я.

– Да, рад помочь вам, чем могу, хотя, откровенно говоря, не имею никакого желания влезать в грязную историю,- ответил Дубсон.

– Почему грязную?- спросил я.

– Да что же! Так повели дело с самого начала, что уже весь город знает, что большевики охотятся за Бажановым. Полиция усилила их охрану, а теперь приехали вы, так поднимется настоящая паника,- сказал он.

– Ну, насчет меня не беспокойтесь. Я не дам повода разговаривать обо мне. Официально будем говорить, что я приехал как атташе посольства для проверки выполнения торгового договора,- сказал я.

– Хорошо, завтра я представлю вас местному губернатору, и вы его успокойте о цели вашего приезда. Говорите побольше о торговых делах. А с делом Бажанова, по-моему, нужно переждать и дать время всем несколько успокоиться,- сказал он.

– Я с вами вполне согласен, тов. Дубсон,- ответил я.- Скажите, а не пробовали ли вы добиться их выдачи нам официальным путем?- спросил я.

– Как же, на второй же день прибытия сюда беглецов я обратился к губернатору с требованием выдачи их нам как уголовных преступников. Но губернатор потребовал документальных данных об их преступлении. Я телеграфировал в ГПУ Каруцкому, и он обещал приготовить такие документы и прислать. Как только я их получу, я опять буду у губернатора, но, признаться, надежды на успех мало, ибо губернатор не наш человек,- ответил Дубсон.

– Итак, давайте завтра после обеда поедem к губернатору,- предложил Дубсон, и мы стали прощаться.

Вечером пришел Пашаев, молодой, решительный парень. Он был моим другом с детства, и по моей просьбе ГПУ назначило его начальником пункта ГПУ в Баджистане. Вместе с ним пришел и секретный агент. Это – тот самый Аббас Али, контрабандист-бандит, которого держал при себе Браун для всяких

непредвиденных случаев.

– Подожди, Алеша, я переговорю с Аббас Али и отпущу его. А там мы поговорим по душам,- обратился я к Пашаеву, искренне обрадованный встрече с ним.

– Здравствуй, Аббас Али. Что же ты хвастался, что я, да я, а на самом деле не можешь даже укокошить одного человека,- набросился я на него.

– Да что я сделаю, если он заперт в тюрьме. Пусть выпустят этого Бажанова хотя бы на пять минут на улицу, и его не будет в живых,- ответил покрасневший от моих ругательств Аббас, злобно сжимая спрятанный за поясом нож, словно Бажанов являлся его смертельным врагом.

– Так что же все-таки будем делать?- спросил я.

– Вот уже два дня, как я бегая и стараюсь подкупить человека, который носит пищу арестованным. Завтра у меня с ним свидание. Если мне удастся его подкупить, то завтра же всыплю в их пищу цианистый калий, что дал мне тов. Лагорский, и они подохнут как собаки,- закончил он⁹³.

– Ну, ну, действуй. Приходи завтра вечером и расскажи, что тебе удалось сделать. А самое главное – нужно следить, чтобы персы не увезли их куда-нибудь, пока мы строим планы,- инструктировал я наспех, чтобы скорее отделаться от него. Меня больше интересовала беседа с Пашаевым, которого я давно не видел и который всего несколько дней тому назад был в доме у своих родных.

– Так, рассказывай, Алеша, что у тебя произошло с Бажановым. Ты, говорят, ехал с ним вместе в одном автомобиле и ничего не сделал. Может быть, ты даже охранял его от несчастий?- обратился я к Пашаеву со смехом.

– Видишь ли, я сидел в Баджигире, когда я получил от Каруцкого телеграмму, что два ответственных работка бежали в Персию через Лютфабад, откуда они должны были направиться в Кучан. Мне предлагалось перехватить их в дороге и не допустить их приезда в Кучан. Для выполнения задания я взял с собой трех агентов-курдов и выехал в Кучанские горы. Я надеялся схватить их в горах и тут же покончить с ними. Но оказалось, что я опоздал. Беглецы уже были в Кучане. Виноват во всем был Каруцкий, который слишком поздно меня известил. Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешед. Посредством наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать⁹⁴. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в

Мешед. Остальное известно Лагорскому,- рассказал Пашаев.

– Да, он мне уже рассказал. Что же ты думаешь делать дальше?- спросил я.

– Вот Аббас пытается подкупить человека, доставляющего пищу Бажанову, а я тем временем успел

связаться с Колтухчевым, который сообщает, что его после ареста поместили в соседнюю с беглецами камеру. Он их часто видит и даже иногда заходит к ним. Я хочу переслать Колтухчеву цианистый калий в тюрьму, чтобы он незаметно всыпал яд в пищу Бажанову. Этот путь наиболее безопасный, ибо никто не может подумать на арестованного Колтухчева,- развивал свой план Пашаев.

– А как ты перешлешь в тюрьму яд?- спросил я.

– Очень просто. Я уже переслал. Набил ядом папиросы и передал Колтухчеву как коробку папирос,- ответил он.

– План у тебя хороший. Нужно избегать, главным образом, шума. И поменьше посвящать в дело лишних людей. Кстати, нужно немедленно отправить обратно людей, присланных Каруцким. От них только шум, а пользы никакой,- приказал я.

На этом мы покончили с деловыми разговорами.

На следующее утро агентурный аппарат уже работал. Каждые два часа получались сведения о состоянии беглецов в полиции. Получилось также сообщение, что Бажанов в своей камере пишет какую-то докладную записку. Наконец, из района сообщили, что взятые беглецами с собой документы из СССР отобраны у них на границе персидской таможней и направлены в Мешед. Немедленно Лагорский дал задание секретному агенту на таможне по прибытии этого пакета украсть и доставить нам. Лагорский опять стал энергичным. От его вчерашней хандры не осталось и следа. Он уже отдавал толковые и энергичные распоряжения и повсюду успевал сам.

После обеда я с Дубсоном поехали с визитом к губернатору, у которого провели нудных 20 минут, обмениваясь лицемерными комплиментами. Когда мы ехали назад, я приказал кучеру проехать мимо полицейского здания. Мне хотелось еще раз взглянуть на это низенькое, старое здание, расположенное на улице Арк. Проезжая, мы увидели полицейское здание, окруженное полицейскими. На расстоянии 100 метров стояло до 20 полицейских, вооруженных, сверх обыкновения, ружьями.

– Это губернатор принял меры охраны по случаю вашего приезда,- усмехаясь, сказал Дубсон.

Вернувшись в консульство, я пошел к Лагорскому и застал его взволнованно шагающим по комнате.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось?- спросил я. Лагорский,

бросив в мою сторону взгляд, продолжал молча шагать. Затем он круто остановился.

– Ты вот упрекал меня, почему я не работаю, почему я не пишу в Москву! Да что им писать! Ты думаешь, нужна им твоя работа. Ничего подобного, знаю я их. Не даром я просидел семь лет в аппарате ГПУ. Там уже и работников, нет чекистов! Все превратились в чиновников-бюрократов,- почти выкрикивал Лагорский.

– Да в чем дело? Говори толком!- переспросил я.

– Там в кабинете для тебя телеграмма лежит. Прочитаешь узнаешь,- ответил он.

В соседней комнате на столе лежала расшифрованная телеграмма: "Николаю. Во изменение нашего намерения, никаких активных мер против Бажанова и Максимове, повторяю, не принимать. Нарушение приказа подлежите революционному суду. Трилиссер". Я стоял в недоумении с телеграммой в руках. В чем дело? Что это, первоапрельская шутка, что ли? Почему изменили приказ? Испугались возможных последствий, или же это заранее обдуманый ход? А, впрочем, не все ли равно? Черт с ними! По крайней мере последний приказ легче исполнить, чем первый. Я вернулся обратно к Лагорскому. Он все продолжал ходить из угла в угол.

– Да, брось, что ты не рад, что с тебя сняли это грязное поручение? - обратился я к нему, желая успокоить.

– Не в этом дело, а в том, что наши чиновники в ГПУ всегда так делают. Пошлют на смерть человека, а потом окажется, что этого вовсе не нужно было. Что они гонят, что ли, с организацией убийства за границей?

Могли подумать прежде, чем приказывать? Хорошо, что телеграмма пришла сегодня, а то у них привычка отменить приказ, когда он уже выполнен. Сколько таких случаев было за мою работу секретарем коллегии ВЧК и ГПУ? Амнистируют арестованного, а он, оказывается, давно расстрелян. А, впрочем, ты прав, ну, их к черту! Давай лучше поужинаем,- предложил он.

В эту ночь мы пьянствовали до утра, поднимая тосты за "воскресших" Бажанова и Максимова, которых Москва внезапно амнистировала.

Пользуясь пребыванием в Мешедде, я решил съездить Ашхабад. Туда, главным образом, тянуло желание

повидаться с моими родными, которых я давно не видел. Заодно нужно было с местным ГПУ разрешить несколько вопросов пограничной разведки. Выехав рано утром на автомобиле из Мешедда, я к вечеру подъехал к советско-персидской границе. Меня встретил заранее предупрежденный о

моем приезде начальник Гауданского пограничного поста, один из моих старых сослуживцев по Ч К. Когда я, сойдя с машины, хотел направиться в здание поста, то на меня набросились с десяток огромных овчарок. Начпоста быстро накинул на меня красноармейскую шинель, и собаки внезапно успокоились и завили хвостами.

– Видишь, какие у нас собаки? Это они фактически несут сторожевую охрану границы. Как только начинает темнеть, собаки уходят с поста и располагаются на холмах до утра. И можете быть уверены, что никто не пройдет незамеченным границу. Раз покажется кто-нибудь не в армейской форме, собаки не выпустят живым,- рассказывал начпоста.

– Да что же, дрессировали их так, что ли?- спросил я.

– Да, нет, сами научились. Ходили с армейцами по постам и научились,- ответил он.

Через полчаса я поехал дальше и уже ночь провел под родительским кровом в Асхабаде.

На следующее утро я сидел в большом кабинете председателя ГПУ Туркменистана Каруцкого. За письменным столом против меня сидел сам Каруцкий, растолстевший, несмотря на свои 30 лет, как боров.

– Как же мог Трилиссер отменить расправу с Бажановым, когда я вчера получил еще одну телеграмму от 1-го заместителя председателя ОГПУ Ягоды – во что бы то ни стало прикончить его?- кричал задыхающимся голосом Каруцкий после того, как я ему рассказал о полученной мною последней телеграмме в Мешед.

– Ну, что же? Это значит, что правая рука не знает, что делает левая. Тебе Ягода пишет, ты и исполняй, а мне приказано не трогать, я тоже исполняю данный мне приказ,- ответил я.

– Ты лучше расскажи, как они убежали отсюда,- попросил я после некоторой паузы.

– Да очень просто. Выехали на праздник, будто на охоту, и скрылись. Мы только через два дня хватились и узнали, что они за границей. Я пустил на территорию Персии целый десяток переодетых туркменами красноармейцев перехватить их, но было поздно. Их уже повезли дальше. Ах, если бы они мне попались живыми! Я бы им показал, где раки зимуют. Сам бы их "допрашивал"!!- говорил Каруцкий, стуча кулаком по столу.

– Однако и фортели же ты выкидываешь! Как это ты рискнул послать переодетых красноармейцев за границу? А если бы их там обнаружили, то ведь это пахнет крупным дипломатическим скандалом,- сказал я.

– Ну, милый мой, что нам впервые что ли. Я вот наспех опять

послал своих ребят в Лютфабад, и они увезли мне оттуда английского агента,- ответил Каруцкий.

– Каким образом?- задал я вопрос.

– Понимаешь, нахальство какое! Приехал этот агент к самой границе и оттуда начал вести разведку против нас. Ну, мои ребята ночью пробрались через границу и, взяв его спящим, завернули в простыню и привезли сюда.

– Что же он не сопротивлялся?- спросил я.

– Пробовал кричать, но его так избили, что он только на следующее утро очнулся здесь в подвале,- ответил Каруцкий,- кстати, приходи сегодня вечером и помоги допросить его, а то он говорит только по-персидски. Я согласился.

– Ну, а как ты ладишь тут с туркменским правительством? Не склочничаете между собой?- переменял я тему разговора.

– Нет, я их держу в руках и в ГПУ никого не пускаю. Недавно меня избрали членом ЦК и ЦИК Туркменистана, да вдобавок орден преподнесли,- ответил он, самодовольно улыбаясь.

В тот же вечер после допроса "агента англичан" я пошел ужинать к Каруцкому на квартиру. На столе стояли закуски и несколько бутылок водки.

– Да, Агабеков, тоска здесь в Туркестане ужасная только водкой и спасаюсь от тоски и малярии,- острил Каруцкий, наполняя снова чайный стакан водкой. К концу ужина он уже наполовину был пьян. Я стал прощаться,

видя, что стаканы вновь наполняются.

– Так ты не забудь прислать шесть метров мне на костюм, да жена просила духи и пудру "Герлен". Пришли с первым же курьером,- попросил Каруцкий.

– Хорошо, пришлю,- обещал я.

– А Бажанова и Максимова поймаю. Не я буду, если не поймаю. Как? Бежать из моего района?- уже заплетающимся языком говорил Каруцкий.

Это было в 1928 году. Я свое обещание сдержал. Я послал Каруцкому материал на костюм и жене его духи и пудру. Он же свое обещание выполнить не смог. Бажанов и Максимов благополучно добрались до Парижа.

Бедный толстяк Каруцкий! Ты, наверное, и сейчас за бутылкой водки клянешься расправиться со мной... А пока что издеваешься над моими стариками-родными. Они же в твоём районе!

Глава XVIII. Восточный сектор ОГПУ

В середине 1928 года я вернулся в Москву. Перед этим я по заданию ГПУ объехал всю южную Персию и выяснял тамошнее положение на случай войны. Из своего объезда я окончательно сделал вывод, что в Персии продолжать легальную работу ГПУ нет смысла. То, что в мирной обстановке можно было сделать, мы сделали, но поскольку все высшие инстанции правительства и Коминтерна считали будущую войну с капиталистическими странами неизбежной, мы должны соответственно реорганизовать наш аппарат и сделать его пригодным для войны. А чтобы разведка могла успешно работать во время войны, она должна быть абсолютно обособленной и нелегальной. Нельзя ставить разведку в ту или иную зависимость от Наркоминдела и Наркомторга, представителей которых могут выслать в случае войны.

И вот, сидя в кабинете зампреда ОГПУ Трилиссера, куда я пришел вместе с начальником восточного сектора ИНО Триандофиловым, я излагал свою точку зрения. Триандофилы, с которым мы раньше обсудили этот вопрос и пришли к соглашению, молча сидел в течение моего доклада и одобрительно качал своей большой лысеющей головой.

– Да, идея в принципе правильная, я уже сам обдумывал этот вопрос. Но кого назначить нелегальным резидентом в Персию? – спросил Трилиссер. – Что вы думаете на этот счет? – обратился он к Триандофилу.

– Резидента найдем, тов. Трилиссер, дайте только ваше благословение начать дело, – ответил Триандофил.

– А знаете что? У меня возникла следующая мысль, не поехать ли вам самим резидентом в Персию? Вы ведь вечно сидите в Москве. А на ваше место мы назначим Агабекова. Пусть он немного отдохнет от своих поездок, – предложил Трилиссер Триандофилу.

– Что же, если прикажете, то, конечно, поеду, – ответил тот, радостно улыбаясь.

– Ну и прекрасно! Так вы составьте смету организации, прикрытия, кого с собой взять и прочие детали и приходите еще раз ко мне потолковать по этому вопросу – сказал Трилиссер и приподнялся со стула, давая нам понять, что разговор кончен.

Мы также встали, но не собирались уходить. Мы знали этот маневр Трилиссера откладывать решение вопроса в долгий ящик и были подготовлены к нему. Мы ждали разрешения вопроса сейчас же, тем более, что план организации нелегальных

резидентур был у нас в кармане.

– Тов. Трилиссер, все, что вы требуете, мы уже подготовили. Вот вам план организации в письменной форме, может быть, вы ознакомитесь с ним сейчас, так как потом к Вам трудно будет попасть,- сказал Триандофилов, давая ему несколько печатных страниц.

– Ну, ладно,- ответил Трилиссер и снова опустил с недовольным лицом на стул.- Расскажите на словах, что вы намерены делать.

– Во-первых, вместе с резидентом мы хотим пока послать в Персию одного помощника. На эту должность я выдвигаю тов. Эйнгорна. Он, будучи на коминтерновской службе, уже имеет практику нелегальной работы и, кроме того, знает иностранные языки. Затем обязательно иметь со временем второго помощника по армянской линии. Дело в том, что в Персии много армян, из которых можно делать большие дела. Но для этого помощник должен быть по национальности армянином. Я наметил на эту работу тов. Кеворкяна. И, наконец, нужен еще один работник для связи между резидентом и периферией,- докладывал Триандофилов.

– Позвольте, а как вы замаскируете такую уйму народа?- спросил Трилиссер.

– Я думаю организовать в Тегеране гараж, а Эйнгорн будет со мной в качестве компаньона. А работник

для связи может быть одним из шоферов при гараже. Это ему даст возможность разъезжать по Персии, не навлекая никаких подозрений,- объяснил Триандофилов.

– Ну, а как с Кеворкяном?

– С ним дело обстоит несколько сложнее. Я думаю взять его в Персию временно с тем, чтобы он там, подготовив почву, имел возможность пробраться в Индию. Для этого мы придумали следующее: во Франции у нас есть секретный агент Г/57. Он – армянский архимандрит. Сейчас он там для нас почти бесполезен. Мы решили вызвать его сюда, через наши церковные связи посвятить его в епископы и затем отправить в Персию заведующим Индо-Персидской епархией. Кеворкяна же мы пристроим к нему в качестве секретаря. Таким образом, он будет под надежным прикрытием и одновременно будет руководить работой епископа. Эта же должность совершенно облегчит его поездку в Индию,- ответил Триандофилов.

– Сколько же все это будет стоить?- спросил Трилиссер.

– Понадобится всего только 20 000 долларов на организацию гаража и 5000 долларов в месяц на содержание агентуры и на работу. Причем 20 000 долларов не пропадут. Наоборот, я

надеюсь, что если мы хорошо наладим гараж, то будем иметь прибыль, которая покроет наши расходы. Сейчас почти весь Восток пересаживается с верблюда на стального коня, и гараж – самое выгодное дело,- ответил Триандофилов.

– А как у вас с паспортами?- после некоторого раздумья задал вопрос Трилиссер.

– Эту сторону вопроса мы также подготовили. Для себя я добуду греческий паспорт. У меня есть знакомые греки, которые уступят паспорт, а заменить чужую карточку моей – минутное дело. Эйнгорн запаса латвийским паспортом в Коминтерне. Туда приехал из Латвии некто Эделыптейн и, не собираясь возвращаться обратно, передал свой паспорт Эйнгорну. Ну, а Кеворкяну КРО приготовит персидский паспорт. Он легко сойдет за персидского армянина,- закончил Триандофилов.

Трилиссер молча обдумывал. Он медленно протянул руку за коробкой с папиросами и еще медленнее, достав папиросу, закурил. Мы тоже молча сидели и ждали. Мы знали, что Трилиссер обдумывает предложенный план, и с нетерпением ждали результатов. Но он не ответил. Затянувшись несколько раз папиросой, он, опустив голову, стал просматривать какие-то бумаги. Затем, внезапно подняв голову, он обратился ко мне.

– А как вы думаете, выйдет из этого дела толк?

– Я думаю, что при таком опытном руководителе, как тов. Триандофилов, будет большой толк,- ответил я – И, главное, этот путь избавит нас от всяких столкновений и неприятностей с Наркоминделом.

– Ладно, в принципе, я согласен. Начинайте готовиться и одновременно знакомьте тов. Агабекова с делами сектора. Когда все будет готово, доложите мне,- наконец, сказал Трилиссер.

Мы вышли из кабинета довольные, что наш проект принят. Триандофилов радовался предстоящей поездке. Читателю покажется странным, почему люди, которых посылают на нелегальную шпионскую работу, где каждую минуту они должны рисковать тюрьмой и жизнью, люди радовались предстоящей опасности. Но подождите удивляться. Немного терпения, и из дальнейшего описания все станет ясно.

Прошло два месяца с тех пор, как Трилиссер разрешил организовать нелегальную резидентуру в Персии. Эйнгорн уже выехал в Персию и пишет, что нанял автомобильный гараж. У Триандофилова тоже все готово, и через несколько дней он также выезжает. Сейчас я сижу на своем любимом месте – на подоконнике комнаты № 161 на Лубянке. Триандофилов сидит за моим бюро и, раскрыв все ящики, просматривает содержимое их.

– Ну, Агабеков, садись поближе и начинай принимать дела,-

предложил он мне.

Я взял стул и подсел к нему.

– Итак, в нашем секторе сконцентрирована разведка во всех странах Среднего и Ближнего Востока. Кроме этого, мы разрабатываем все контрреволюционные партии Кавказа и Туркестана за границей. В связи с этим приходится иметь дело с Парижем, Варшавой, Прагой и Берлином, где находятся центры этих организаций. Вот, так сказать, объем нашей работы. Теперь давай разберем по странам,- продолжал он, взяв блокнот для заметок.- Во-первых, Афганистан. Много о работе в этой стране говорить не буду, ибо ты там работал и знаешь обстановку. Сейчас там работает резидентом Скижали-Вейс, который поехал в Кабул под

фамилией Шмидт. Новой агентуры нет, он продолжает работать с агентами, завербованными тобой. Что касается политической ситуации, то она здорово изменилась. После приезда Амануллы из Европы вспыхнули восстания на юге и на севере от Кабула. Если восстание на юге можно было приписать англичанам, то на севере совсем иное дело. Восстания возглавляет сын водовоза, никому неизвестный Бача-Саккау⁹⁶. Он оперирует революционными лозунгами и ведет борьбу с афганскими помещиками. Многие сведения еще не проверены, но, по-видимому, мы стоим перед революционным крестьянским движением в Афганистане, которое мы, конечно, должны поддержать, направляя это движение вообще против капиталистов, как своих, так и чужих. Во всяком случае тебе придется поработать над этим вопросом.

– Одну минуту,- прервал я его.- А какова позиция Наркоминдела в этом вопросе?

– Как и всегда, никакой позиции. Они отказываются высказаться, отговариваясь отсутствием информации, но, видимо, они сторонники Амануллы и всей его клики,- ответил Триандофилов.

– Ну, давай, пойдем дальше,- продолжал он,- о Персии я тоже тебе рассказывать не буду, ибо тамошние дела ты знаешь лучше меня, а перейду прямо к Турции. Это наша крупнейшая резидентура. Центром резидентуры является Константинополь, где сейчас находится Минский на должности атташе генконсульства. Из Константинополя мы ведем работу на Сирию, Палестину и Египет, так что фактически Константинополь – это база для ведения разведки на арабском Востоке. Один из помощников резидента находится в Ангоре⁹⁷, но теперь он отозван и скоро придет сюда. Дело в том, что ввиду дружественных отношений с Турцией Трилиссер приказал

прекратить работу против турок. Он полагает, что если мы не будем трогать самих турок, то они будут смотреть сквозь пальцы на нашу работу против других держав.

– А кто сейчас работает в Ангоре?- спросил я.

– Это – некто Герт. Он еще до тебя работал в Персии представителем военной разведки, но был снят с работы за какую-то склоку и затем перешел на работу к нам. Вот здесь у меня список секретных агентов в Турции,- продолжал Триандофилов.- Источник No К/10 работает в японской миссии в Константинополе. Через него мы получаем все шифрованные телеграммы, поступающие в миссию. No К/16 является одним из деятелей украинцев-самостийников⁹⁸ и передает нам всю переписку своей организации. No К/20 приносит нам копии документов австрийского посла в Турции. Доклады очень ценные, ибо посол великолепно разбирается в обстановке и прекрасно знает Восток. Через No К/23 мы имеем всю переписку армянского патриарха в Турции Нарояна. По нашим материалам мы знаем о положении армянских общин, о политической организации того или другого скопа и, наконец, о положении партии "дашнаков". No К/32 освещает кавказскую эмиграцию, которая более опасна по своей организованности и по своей близости к нашей границе. No К/49 передает нам доклады французского военного атташе, из которых мы знакомимся с положением в Сирии и на Балканах. Кроме этой агентуры, которая управляется Минским, приступили к организации нелегальной резидентуры, которая должна организовать свою агентуру на всем ближнем Востоке. Мы уже успели отправить в Константинополь "Рида", который, благодаря американскому паспорту, сумел втереться в американские круги и даже в их посольство. Недавно туда же поехал нелегальным резидентом Яков Блюмкин под кличкой "Живой", проживает с персидским паспортом под видом купца, Трилиссер возлагает на него большие надежды, но я, признаться, иного мнения. Он большой барин и едва ли будет работать по нашему,- рассказывал Триандрфилов.

– Теперь несколько слов о наших слабых местах. Таковыми являются Индия и Ирак. До сих пор мы не могли послать в эти страны наших резидентов. В Индию из Берлина доктор Гольдштейн послал двух агентов , завербованных в Берлине источником No А/18. В Ирак мы послали в прошлом году нашего агента Каштанова, но до сих пор ни от кого из них не имеем сведений. Даже не знаем, живы ли они или нет. Вот что значит отсутствие связи. Кустарничество, а не работа, теперь, как приеду в Тегеран, может быть, налажу эту на эти две страны. Только не забудь поскорей послать Кеворкяна и епископа. Вот и все,-

вздыхнув, сказал Триандофилов.

– Как все, а остальные страны?- спросил я.

– Видишь ли, сейчас уже поздно, а у меня еще масса дел перед отъездом. Арабскими странами руководит

Аксельрод, а антибольшевистскими партиями Кеворкян. Будет лучше, если они сами доложат тебе о состоянии работы. А я сейчас пойду,- ответил он и начал собираться.

– Ну, прощай, может быть, мне не удастся больше прийти сюда. Занимай мой стол и не забывай друзей,- и Триандофилов ушел.

Я сел за стол. Теперь я начальник восточного сектора ИНО ОГПУ. До сих пор я руководил разведкой какой-нибудь одной страны. Теперь же нужно руководить работой ГПУ от Гималаев до долины Нила.

Глава XIX. Чекисты наизнанку

Триандофилов с фальшивым греческим паспортом уехал в Персию. Я окончательно вступил в обязанность начальника сектора. На этой должности я пробыл полтора года, т. е. до октября 1929 года. Прежде, чем писать о работе сектора, я хочу обрисовать внутреннюю жизнь работников ГПУ, которую мне пришлось наблюдать за это время.

Со времени приезда из Персии я жил в гостинице "Селект" на Сретенке, которая содержалась на средства ГПУ и обслуживалась чекистами. Когда же вопрос о моем оставлении в Москве был окончательно решен, мне отвели две комнаты в доме коммуны ГПУ, в Варсонофьевском переулке. Как начальник отделения я получал 210 рублей жалования. Из них 50 рублей я платил за квартиру. Как и все остальные сотрудники, я должен был записаться в кооператив ГПУ, в АВИАХИМ 100, МОПР 101, Добролет102, общество "Друг детей", Автодор103, шефство над деревней и др., не говоря о профсоюзе и партии, где я состоял раньше. Во все эти организации нужно было вносить членские взносы. Кроме того, каждый из нас должен был подписаться на внутренние займы и вносить ежемесячно 25- 30 рублей без права продать или заложить облигации, ибо мы чекисты-коммунисты должны были подавать пример остальным. Наконец, периодически приходилось "жертвовать" в пользу тех или иных бастующих иностранных рабочих. Так что в итоге за вычетом всех этих статей на руки я получал не больше 70- 80 рублей, отсюда можно судить о положении других мелких работников ГПУ, получающих от 100 до 150 рублей, естественно, что приходилось вечно залезать в долги у того же кооператива ГПУ, не иметь возможности покупать себе не только новой одежды, но даже белья. Так живут мелкие служащие ГПУ, но совсем другое представляет собой жизнь высших чинов ГПУ, начиная с начальников отделов. О них я буду говорить ниже. Сейчас я хотел остановиться на работниках иностранного отдела, где также имеются две категории служащих. Даже посторонний зритель, если он попадет в иностранный отдел, заметит две категории различно одетых людей, одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках, а другие – в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах франтоватых галстуках. Первые – это сотрудники, не побывавшие за границей, а вторые – это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов, вот почему первые, еще не побывавшие за границей,

мечтают, "рискуя жизнью", поехать в капиталистические раны. И, в самом деле, почему не рискнуть поехать на шпионскую работу, за границу с советским дипломатическим паспортом в кармане? Даже если он и будет уличен в шпионаже, то его за границей не расстреляют (это не СССР), а арестуют или вышлют обратно. Чекист знает, что в случае ареста ГПУ его выручит какой бы то ни было ценой. Сколько тому примеров. Вот, например, Фортунатов, ныне начальник Дальневосточного сектора ГПУ. Будучи резидентом в Китае, он хотел приобрести секретнейшие документы за 10 000 долларов. Китайская полиция схватила его буквально за руку в момент получения им документов. И что же? Несмотря на потерю 10 000 долларов, ГПУ ассигновало еще десять тысяч на его освобождение, и он сейчас за такую "удачную" работу, стоившую 20 000 долларов, назначен начальником сектора.

А вот другой пример. Сын царского консула в Персии Похитонов работал секретным информатором ГПУ, персидская полиция, уличив его, заключила в тюрьму. ГПУ немедленно приняло меры. Спешно, задним числом, Похитонов-эмигрант был восстановлен в советском гражданстве, и Наркоминдел под нажимом ГПУ стал хлопотать у персидского правительства об его освобождении как советского гражданина.

К несчастью Похитонова, у него была молодая, довольно красивая жена, с которой после ареста мужа стал сожительствовать тогдашний резидент ГПУ в Тегеране Борисовский-Мельцер. Будучи вследствие этого заинтересован, чтобы Похитонов как можно дольше содержался в тюрьме, Борисовский оттягивал хлопоты, благодаря чему Похитонов провел полтора года в тюрьме и был освобожден и выслан в СССР лишь после замены Борисовского новым резидентом Казасом.

Таким образом, работа чекистов за границей фактически никакого риска не представляла, за исключением редких случайностей, как, например, было в Кантоне, где китайские солдаты, разрушив местное советское консульство, убили нескольких сотрудников консульства, в числе которых оказался резидент ГПУ Уколов.

Зато какие преимущества чекистам на заграничной работе! Резидент ГПУ получает 250 долларов в месяц на всем готовом, которые почти целиком остаются в его кармане. За рубежом чекист не обязан состоять в бесчисленных "добровольных" обществах, о которых я упоминал выше, и не вносит никаких членских взносов. Кроме того, пользуясь своей неограниченной властью в хозяйственных советских учреждениях, резидент обыкновенно устраивает на службу своих жен и родственников.

Так, например, у резидента ГПУ в Персии Казаса служили одновременно жена и сестра, так что в общей сложности вся семья зарабатывала 600 долларов в месяц, абсолютно на всем готовом. А сколько прилипало к рукам резидента разных "непредвиденных, чрезвычайных, разъездных" и т. д.,- трудно сказать, ибо контроль над чекистом отсутствует. Такова материальная основа "рвения чекистов за границей".

С другой стороны, резидент ГПУ получает полную самостоятельность действий, так как подчинен только Москве. А Москва – далеко. Подсматривать и доносить на него некому, ибо он сам монопольно уполномочен за всеми следить и на всех доносить. Вот тут-то у резидента и выявляется его подлинная натура. Одних он милует, других предает. Как ему вздумается! До тех пор, пока не разыграется какой-нибудь крупный скандал. Тогда ГПУ его тихонько отзывает и направляет в другую страну. Ни ЦК, ни ЦКК не вмешиваются во внутренние дела ГПУ, а если что и всплывает на свет, то закрывают глаза.

Наконец, за границей чекист освобождается от обязанности посещать те, чуть ли не ежедневные собрания и заседания, которые устраиваются в Москве по всякому поводу и без всякого смысла. Эти скучные и казенные собрания являются настоящим бичом для работающего в Москве. Они, отнимая все свободное время у служащего, не дают ничего ни уму, ни сердцу. Официальные доклады, безразличность в голосовании и казенные резолюции. Уже от одних этих собраний можно ехать куда угодно, только бы избавиться от них. Вот почему работники ГПУ рвались за границу, чтобы пожить вдоволь, подкопить на случай возвращения в голодный СССР и отдохнуть, насколько возможно, от серой казенной жизни в СССР, ведущей к "социализму". Никто отнюдь не руководствовался идейными соображениями, каждый мало-мальски грамотный понимал, что на шпионаже против, главным, образом, сотрудников советских учреждений мирового социализма не построишь, и поэтому старался на всякий случай устроить собственное благополучие. И, нужно сказать, строили не плохо. Лучше, во всяком случае, чем порученную им работу. Чтобы не говорить огульно, приведу несколько примеров:

Вальтер, бывший до 1924 года поверенным в делах в Кабуле и одновременно исполнявший обязанности представителя ОГПУ и Разведупра, успел за 8 месяцев "работы" присвоить себе кулон с 12 каратами бриллиантов, выданный ему Разведупром на работу, и 1500 фунтов стерлингов, выданных ему из ГПУ. Хотя об этом знали, это не помешало ему занимать должность генконсула в Константинополе до конца 1930 года. Борисовский-Мельцер, пробывший резидентом ГПУ в Тегеране в течение двух лет,

возвращаясь в Москву, вез с собой 12 огромных сундуков одних только шелковых и шерстяных отрезов, которые он, проживая в Москскве, потихоньку продавал и жил припеваючи. В "наказание" за это его назначили начальником иностранного отдела ГПУ в Ташкенте. Бывший до меня резидентом в Персии Казас, уезжая из Тегерана, сдал в багаж 28 пудов вещей, которых вероятно, хватит ему на 100 лет.

Это все примеры, которые ГПУ известны. А сколько их примеров неизвестных! Немудрено поэтому что когда я приехал в Москву после двухлетнего пребывания в Афганистане, где я истратил около 50 000 фунтов стерлингов и не мог сразу внести 150 рублей, накопившихся за мое отсутствие членских взносов, то никто не верил, что у меня нет денег. Да и как им было верить, когда они на более мелкой работе в такой промежуток времени делали состояние.

Повторяю, только материальные блага плюс относительная безопасность работы стимулировали поездки работников ГПУ за границу. Это стало многим ясно после того, как в 1928 году стали практиковать посылку работников ГПУ за границу нелегально, т. е. без советского дипломатического паспорта и со всеми вышесказанными отсюда последствиями. И что же? Оказалось, что число желающих ехать на нелегальную работу очень мало. Такие старые работники иностранного отдела, как Борисовский, Казас, Скижали-Вейс и многие другие, которые всегда раньше бывали готовы "рисковать жизнью" где-нибудь на должности атташе посольства, теперь прямо отказывались ехать, отговариваясь семейным положением, здоровьем и проч.

Таковы работники иностранного отдела ГПУ.

Жизнь сотрудников других отделов мне мало известна, но, судя по некоторым известным мне случаям, там если не хуже, то во всяком случае не лучше. Приведу следующий пример: в бытность мою в Персии у меня работал секретно некий Мартинели. Возвратившись в Москву, он, оставшись безработным, поступил на службу в Якутскую область на золотые прииски, куда и выехал вместе с женой. По дороге в Якутск в Екатеринбурге ГПУ его арестовывает за контрреволюционную деятельность в 1918 году и доставляет в Москву. Отобранный у него багаж сотрудники также везут в Москву, где возвращают его жене. Когда жена Мартинели открыла чемоданы, то там вместо вещей оказался разный хлам. Вещи мужа, как и ее, были украдены. Жаловаться она боялась, так как вдобавок арестовали бы и ее. Читатель отсюда может заключить, сколько прилипает к рукам комиссаров ЧК, делающих ежедневно сотни обысков и арестов.

Теперь несколько фактов о верхушке ГПУ – о ее коллегии и

начальниках отделов. Председатель ГПУ Менжинский¹⁰⁴, состоящий одновременно членом ЦК ВКП (б), не в счет. Он – член правительства, больной человек. Живет все время на даче и выполняет предписания врачей. Зато его первый заместитель Ягода – совсем другого поля ягода. Я его знал в 1921 году, когда он еще был мелкой шишкой по Управлению делами ГПУ и больше интересовался хозяйственной частью. Хозяйство, в особенности чужое хозяйство, является, видимо, его специальностью, ибо и сейчас Ягода, будучи фактически руководителем всего ОГПУ, опять таки оставил за собой руководство кооперативом ГПУ, являющимся одним из лучших и богатейших кооперативов в Москве. Из средств кооператива он подкармливает многочисленных своих прихлебателей, которые взамен этого являются его верными соратниками, начиная с ведения какой-нибудь служебной интриги и кончая устройством попок с девицами-комсомолками на конспиративных квартирах ГПУ. Все работники знают садистские наклонности Ягоды, но все боятся говорить этом вслух, ибо иметь Ягodu врагом – это минимум верная тюрьма.

Второй заместитель Менжинского – Трилиссер, начальник секретного отдела Дерибас, начальник КРО – ???ский¹⁰⁵ и заместитель начальника ИНО – Аров живут вместе. Для них специально в Фуркасовском переулке построили домик, где они и организовали свою коммуну под охраной агентов ГПУ. Нужно сказать, что эта публика живет сравнительно скромно, за исключением Дерибаса, беспробудно пьянствующего. Начальник восточного отдела ГПУ и одновременно член ЦКК – Петерс¹⁰⁶ кроме своей квартиры имеет несколько других, где содержит своих возлюбленных, помню, как-то об этом факте, ставшем мне известным, я поделился с начальником Пограничного управления Вележевым, бывшим на заграничной работе под фамилией Ведерников, возмущаясь поведением Петерса.

– Ты не хочешь понять закона целесообразности, ведь так, по крайней мере, Петерес теряет меньше времени на женщин, чем если бы он каждый раз искал их на улице. А время для крупных наших работников – это , - ответил мне с усмешкой Ведерников. Стоит ли приводить факты деяний всех начальников отделов? Не ясна ли картина морально разложившегося, бюрократического аппарата, за которым "вожди" стараются еще сохранить звание "меча в руках пролетариата",

а по существу уже ставшего орудием подавления трудящихся? Многие до того привыкли к своему положению привилегированных, что даже не замечают его. В распоряжении каждого из них автомобиль и секретарь, и этот секретарь обо

всем заботится. Иногда целыми днями в сопровождении жены своего начальника мечется по магазинам и возвращается к вечеру с нагруженной продуктами, винами, материями машиной.

И все это без всякой оплаты, без денег. Да и какой председатель кооператива или магазина посмеет просить денег или отказать в чем-нибудь начальнику отдела всесильного ГПУ, куда он может быть приведен каждую минуту как арестованный?

А ведь не только верхушка ГПУ, но и верхушки всех советских министерств живут вот так, без денег, на всем готовом. Не отсюда ли то, что среди верхушки держится идея, что "мы уже вступили в царство социализма, где труд оплачивается по потребностям и где отпадает надобность денежного знака".

Ибо на самом деле среди этой верхушки "социализм" в полном расцвете. Жри, сколько хочешь, и делай, что тебе вздумается, только ратуй за ЦК партии – "вот программа такого социализма".

Но ведь число этой верхушки всего несколько тысяч, а как же в остальной России? Остальные 160 миллионов живут впроголодь или голодают.

Таковы мои наблюдения за двухлетнее пребывание в Москве, и я не преминул сделать выводы при первой возможности. Я навсегда порвал с новым верхним десятком тысяч в СССР.

Глава XX. Шестичасовой рабочий день

Как обычно в 9 часов утра я, поднявшись на лифте на четвертый этаж, вошел в комнату No 161, где я работал. В комнате из сотрудников находился только один Кеворкян; он, сидя за своим столом, внимательно читал "Правду". На каждом столе лежало по свежему номеру этой газеты, ибо каждый сотрудник ГПУ обязан состоять подписчиком партийной газеты "Правда". Поздоровавшись с Кеворкяном, я занял свое место и, раскрыв газету, также углубился в чтение передовицы, которая является своего рода партийной директивой на текущий день.

– Пойдем завтракать, что ли?– спустя немного обратился ко мне Кеворкян. Он жил в маленькой комнатке, где едва помещалась кровать, и не имел никаких приспособлений и посуды, чтобы позавтракать у себя, потому он приходил по утрам рано на службу с целью позавтракать в буфете при ГПУ.

– Принеси наши мешки, а потом пойдем,– ответил не отрываясь от чтения газеты.

Кеворкян ушел в канцелярию отдела и вскоре возвратился с двумя небольшими брезентовыми мешками, каждый сотрудник ИНО имеет свой мешок, куда он укладывает по окончании занятий все свои бумаги. Незашитая сторона мешка имеет несколько петель, через которые продета стальная цепочка. Уложив бумаги, сотрудник запирает мешок секретным замком и сдает в канцелярию закордонной части. Утром он получает свой мешок обратно. Секрет замка известен только владельцу мешка и начальнику закордонной части, так что посторонний не сможет открыть мешок.

Следом за Кеворкяном вошла сотрудница моего секретариата Вера Бортновская. Маленького роста, энергичная, деловая брюнетка, она была всеобщей любимицей, ибо всегда старалась всем услужить и не болтала о том, что говорили между собой сотрудники. Несмотря на ее беспартийность, Вера пользовалась общим доверием, ибо очень давно служила в ГПУ и вместе с тем была женой заместителя начальника Разведупра Ревсовета.

– Здравствуйте,– крикнула она нам, бросая сумку и перчатки на свой стол.– Ты что же, Коля, не сообразил принести моего мешка, я всегда приношу твой,– обратилась она к Кеворкяну, увидев наши мешки.

– Не приставай ко мне с утра, Вера. Сама принесешь, не развалишься,– огрызнулся Кеворкян.– , пойдем, что ли, я жрать

хочу,- обратился он затем мне.

– Верочка, посиди в комнате, пока мы позавтракаем,- попросил я, бросая газету, и мы вышли с Кеворкяном.

Мы стали спускаться по узкой внутренней лестнице, ведущей на двор, где в одном из подвалов оборудован буфет для сотрудников ГПУ.

Я с Кеворкяном – большие друзья. Ему всего 26 лет, но он успел в 18 лет вступить в партию большевиков. В 1921 году был избран секретарем транспортного союза в Армении и в тот же год оказался в числе оппозиционеров, и был исключен из партии. Оказавшись беспартийным, он продолжал интересоваться партийной работой и в 1924 году был вновь принят кандидатом в партию. Только в 1928 году после неоднократных экзаменов его восстановили в правах члена партии и то благодаря его службе в ЧК. Как я упоминал, Кеворкян очень интересовался партийными вопросами и принимал близко к сердцу тот идейный разброд, который наблюдался среди вождей пролетариата в то время. По одним вопросам он был на стороне Троцкого, по другим Бухарина¹⁰⁷, и неоднократно его подмывало выступить на партийном собрании со своим мнением, но не решался, твердо зная, что вслед за выступлением последует опять исключение из партии и высылка. Со мной же он был откровенен и делился своими мыслями и сомнениями.

Мы проходили по внутреннему двору ГПУ, разгороженному деревянным забором, у которого стоял часовой. За этим забором помещалась часть внутренней тюрьмы. Недалеко от часового стоял большой грузовик-ящик, окрашенный в черный цвет. Эту машину когда она мчит по улицам Москвы, жители называют "черный ворон". Сейчас шофер возился с машиной. Видимо, чистил после ночной работы.

– Когда я вижу эту машину, меня дрожь берет,- сказал Кеворкян, обращаясь ко мне на армянском языке.

– Что у тебя совесть нечиста?- спросил я.- Нечего дрожать, лучше привыкай. Тебе ведь не миновать внутреннего двора,- добавил я, смеясь.

Мы спустились в буфет, где была уже масса народу. Тут можно увидеть зеленую форму особого отдела или пограничной охраны, кое-где мелькают красные околыши сотрудников комендатуры. Много женщин и несколько человек в штатском. Это сотрудники иностранного отдела. Буфет при ГПУ – это маленький клуб сотрудников, который посещался охотнее, чем клуб ГПУ на Большой Лубянке, ибо в буфете сотрудникам ГПУ выдавались масло, яйца, хлеб, что в городе можно было достать с большим трудом.

Кругом шла оживленная беседа между завтракавшими сотрудниками, но никто не говорил о делах. Во-первых, нельзя, а, наконец, дела настолько опротивели, что о них стараются как можно меньше вспоминать.

Наскоро позавтракав, мы возвратились к себе наверх в комнату уже сидел другой сотрудник сектора Макарьев,

бывший моим помощником в Персии, и начальник англо-американского сектора Борисовский-Мельцер, помещавшийся в одной комнате со мной.

– Ну, Коля, давай расскажи мне о положении нашей работы среди восточных контрреволюционных партий,- пригласил я Кеворкяна.

– Видишь ли, я специально занимаюсь разработкой кавказских группировок, ибо остальные группы ничего серьезного собой не представляют. Основное – это грузинские меньшевики, муссаватисты¹⁰⁹, дашнаки и Горцы¹¹⁰. Вот сейчас как раз между ними ведутся переговоры к образованию единого фронта, так называемой кавказской конфедерации. Почти все группы, за исключением дашнаков, согласны вступить в этот Комитет объединения. Все эти группы находятся на иждивении

той или иной иностранной державы, заинтересованной в сепаратистском движении среди народов СССР. Пока мы имеем документальные данные, что эту группу поддерживают поляки, которые субсидируют их деньгами, готовят военных спецов на случай восстания из их национальностей и, естественно, используют их в разведывательных целях. Но, по агентурным данным, за спиной поляков стоит Франция, под руководством которой работает польский генеральный штаб. Это же подтверждается тем фактом, что центры всех этих групп находятся в Париже. Таково общее положение.

– Ну, а как дашнаки?- спросил я.

– Дашнаки имеют старую, сильную организацию, их поддерживают деньгами из Америки, и, кроме того,

используют армянскую церковь, которая почти целиком находится под их влиянием. Наконец, по агентурным сведениям, их субсидируют англичане. Нужно вообще сказать, что помощь всем контрреволюционным партиям оказывается странами, заинтересованными в кавказской нефти. Вот почему мы полагаем, что тут работают не без участия Детердинга,- рассказывал Кеворкян.

– Теперь расскажи, какие меры приняты нами?- спросил я.

– О дашнаках ты знаешь по персидской работе. Мы перехватываем их почту, идущую в адрес представителя дашнаков в Тавризе Ишханяна. По этой переписке мы бываем в курсе их

деятельности в Армении и Турции и в свою очередь принимаем контрмеры. Другой источник по армянам находится в Константинополе, который передает нам переписку тамошнего патриарха армян Нарояна. Наконец, армянский епископ в Греции Мазлумян по нашим заданиям ведет работу по разложению дашнаков и освещает положение и настроение тамошних армян. Что касается грузинских меньшевиков, то они работают через Турцию и, частично, через Польшу. В Константинополь частенько приезжают Сосико Мдивани и Ной Рамишвили для связи со своими единоплеменниками на Кавказе. Об их выезде из Парижа наша агентура немедленно сообщает нам, и мы всегда бываем наготове. Кроме того, поскольку мы получаем копии протоколов заседаний их группы, мы всегда в курсе дела. Мусаватисты работают также через Турцию и Персию. В Константинополе сидит Мамет Али Расул-заде, который и возглавляет эту партию. В Тегеране проживает его брат, а в Тавризе и Пехлеви их эмиссарами являются Мирза Балла и доктор Ахундов. Все они находятся под прекрасным наблюдением нашей агентуры. В общем же можно сделать вывод, что все эти партии, благодаря внутренним раздорам и отсутствию материальных средств, никакой серьезной опасности не представляют, несмотря на сильные национальные тенденции среди кавказских народностей,- закончил Кеворкян.

– Судя по твоему рассказу, я вижу, что все наши меры направлены к тому, чтобы парировать работу этих контрреволюционных групп. А почему бы нам не попытаться самим ударить по ним и развалить их центры в Париже?- спросил я.

– Вот то же самое я твержу уже целый год, но наше начальство никак не раскачается,- ответил Кеворкян.- Там в Париже до 1927 года вел работу сотрудник Тифлисского ГПУ Лордкипанидзе, которому мы поручили эти задания, но он скоро расшифровался и вынужден был вернуться. С тех пор мы никого не можем послать в Париж. Правда, недавно мы завербовали одного грузина в Праге и перебросили его в Париж поближе к грузинскому центру, но это не то. По-моему, туда нужно послать своего человека из центра на правах резидента ГПУ.

– А что если отправить туда Сурена?- сказал я.- согласен ли ты поехать в Париж, Сурен?- предложил я Макарьяну.

– Вот я бы поехал в Париж. Эх, и пожил бы я там,- мечтательно сказал Кеворкян,- а меня отправляют в такую глушь, как Персия.

– Что же, я не откажусь,- ответил задумчиво Макарьян.

– Ладно, я доложу об этом Трилиссеру,- сказал я, делая

заметку в блокноте.

В 12 часов дня пришел Аксельрод, ведавший работой в арабских странах. Маленького роста, тщательно выбритый и прилизанный, он резко отличался своей внешностью от остальных чекистов, в большинстве неважно одетых. Аксельрод был молодой, случайный чекист. Он работал по линии Наркоминдела секретарем консульства в Геджасе¹¹² и Иомене¹¹³. Хорошо образованный, прекрасно владевший большинством европейских языков, в совершенстве арабским, он привлек внимание ГПУ и был завербован, еще будучи в Геджасе. По секрету от консула и Наркоминдела, он присылал нам обстоятельные доклады о положении арабских стран. По его возвращении в Москву мы переманили его на службу в ГПУ, дав ему некоторые льготы. В том числе ему разрешалось приходить на службу к 12 часам, ибо по утрам он работал в Ассоциации востоковедения, где он состоял председателем.

– Здравствуйте, друзья,- поздоровался он, войдя в комнату.- Ты что, Коля, еще не уехал?- обратился он к Кеворкяну с улыбкой, зная, что последний ждет не дождется скорее выехать за границу.

– Я-то поеду, не испугаюсь, а вот посмотрим, как ты рискнешь поехать нелегально. Это тебе не наркоминдельская командировка с диппаспортом,- ядовито ответил Кеворкян.

Аксельрод в ответ только улыбнулся и подсел ко мне.

– Ну, что сегодня нового?- спросил он у меня.

– Ничего особенного, Моисей Маркович, вот я хотел попросить тебя рассказать о положении нашей работы в странах, которыми ты руководишь,- сказал я.

– О, стран у меня уйма, а толку никакого. Я тебе сейчас с удовольствием расскажу. Кстати, я даже приготовил доклад об Аравии. Хочешь прочитать черновик?- ответил он, раскрыв одну из папок с бумагами.

– Это потом, сейчас давай лучше Расскажи,- предложил я.

– Так вот, в моем ведении находятся Египет, Сирия, Палестина, Ирак, Индия и все остальные страны Востока, где мы вообще работаем,- смеясь начал он,- ибо, как ты видишь, мне поручили те страны, где мы, к сожалению, ни черта не делаем. Начну с Индии. Об этой стране мы имеем сведения из Афганистана, откуда кабульский резидент пытается освещать северную Индию. Кое-что мы знаем из перехватываемых документов индийского генерального штаба и, наконец, по агентурным донесениям источника Но А/18 в Берлине. А/18, будучи индусом, по национальности, имеет связи среди индийской колонии в Берлине, где и черпает свои сведения. Так что ты сам можешь судить, какую ценность они могут

представлять. В последнее время доктор Гольдштейн завербовал в Берлине через того же А/18 двух индусов и послал их в Лагор, но от них пока мы не имеем сведений. Вот все, что мы имеем в Индии, то есть почти ничего. Я полагаю, что и в дальнейшем мы не будем знать хорошо эту страну, пока наш резидент не будет находиться в самой Индии. В Египте работа также ведется из Берлина. Доктор связан с несколькими осведомителями, посылающими ему информацию из Египта. Но беда в том, что берлинская резидентура, не будучи знакома с египетскими вопросами, не может производительно руководить своей агентурой. И, наконец, эта агентура состоит сплошь из членов местной коммунистической партии и в один прекрасный день может провалиться вместе с их организацией. Во всяком случае в Египте у нас дела лучше, чем в Индии, ибо мы, получая копии докладов английского верховного комиссара в Каире, всегда находимся в курсе тамошних событий. В Сирии и Палестине только недавно взялись за организацию нашей агентуры. "Живой" (Яков Блюмкин) вот уже шесть месяцев как объезжает эти страны. Он уже кое-кого завербовал, но сведений от них пока не поступало. Тут мы тоже можем ждать, так как о Палестине мы имеем сведения из тех же английских материалов, а о Сирии мы черпаем данные из докладов французского военного атташе в Константинополе.

– Ну, относительно Ирака, посмотрим, что сумеет сделать из Персии Триандофилов. Пока что мы имеем в Багдаде недавно назначенного армянского епископа, которого завербовало перед его выездом туда ГПУ Армении.

– Теперь я хочу остановиться на Геджасе и Йемене. Там у нас в данное время, благодаря благосклонному отношению Ибн-Сауда и имама Яхьи¹¹⁶, очень благоприятная позиция. Кроме того, у нас имеется ряд ценных агентов, завербованных еще в мою там бытность. Но вот Белкин, которому я, уезжая, передал дела, недостаточно опытен и не может, как следует, использовать положение. Я написал "Живому", чтобы он, если найдет возможность, вызвал к себе Белкина и проинструктировал его. Если бы мы имели там, в особенности в Йемене, опытного резидента, то можно было бы развить большую работу. Оттуда мы могли бы проникнуть и в Египет, Аиссинию и даже в итальянскую Эретрию, - докладывал Аксельрод.

– Я думаю, нам нужно детально разработать все интересующие нас вопросы в этих странах и послать их в виде инструкции "Живому" для руководства при организации им работы, - предложил я.

– Я вполне с тобой согласен. Вот прочтешь мою докладную

записку и увидишь там все, что нужно,- ответил Аксельрод, передавая мне доклад.

Уже половина четвертого. Каждый сотрудник торопливо собирал бумаги со стола и набивал ими свой мешок, через пять минут мешки были сданы в канцелярию, и мы спускались вниз по лестницам, направляясь в столовую для сотрудников ГПУ. Времени было очень мало, ибо в 5 часов каждый чекист имел какую-нибудь "партнагрузку". Каждый из нас должен был или где-нибудь делать доклад, или руководить кружком, или присутствовать на заседании.

Каждый чекист должен быть активным коммунистом.

Глава XXI. Продолжение

Однажды утром Вера Бортновская, радостно запыхавшись, бежала в комнату с криком: "Товарищи, жалованье выдают, идите получать", и сейчас же исчезла, чтобы скорее занять место в очереди. Она у нас всегда

каким-то образом узнавала о всех выдачах. То ли сукно выдают в кооперативе по талонам, то ли разыгрываются контрабандные шелковые чулки или парфюмерия, а то раздают бесплатные билеты в театр, Верочка (как ее все называли) узнавала первой и спешила нас предупредить. Один за другим сотрудники уходили за жалованьем и, вернувшись через короткое время, бросали несколько полученных червонцев на стол. Затем каждый брал клочок бумаги и погружался в сложные математические вычисления. Каждый решал, какие из бесчисленных дыр в его бюджете нужно заткнуть в первую очередь полученными деньгами.

– Да, хороши дела, нечего сказать! Если расплатишься со всеми долгами, то на жизнь до следующей получки останется десять рублей,- задумчиво сказал Макарьян.

– Тебе что, ты по крайней мере был за границей, оделся и, наверное, у тебя есть, что загнать, а я вот шестой месяц собираюсь купить ботинки и не могу. Не остается ни гроша,- сказал Кеворкян.- Вот читай,- продолжал он, хлопая ладонью по "Правде",- Куйбышев¹¹⁹ на собрании кричит, что заработная плата сейчас повысилась в два раза против довоенного, а Микоян¹²⁰ поет о снижении себестоимости товаров. Легко им трепаться, а вот пусть придут посмотрят на мое жалованье, удвоилось оно или нет?

– Не бузи, Коля, опять в ячейку вызовут,- останавливала Бортновская разошедшегося Кеворкяна.

– Что же, это ты донесешь на меня, что ли?- спросил Кеворкян, подозрительно смотря на нее.

– Оставь!- прервал я его по-армянски, и он, замолчав, принялся за работу.

Вошла одна из девиц, работавших в канцелярии, и подошла ко мне.

– Распишись, Агабеков, почта из Константинополя и Геджаса. А вот список желающих ехать в СССР иностранцев, который нужно сегодня же проверить.

– Ладно!- ответил я, расписываясь. Исследовав наружную сторону пакетов и проверив печати, я осторожно обрезал края конвертов ножницами и вынул содержимое. Конверты я

возвратил девице, которая отправит их в лабораторию специального отдела ГПУ, где их исследуют и установят, не были ли они вскрыты в пути.

Константинопольская почта представляла собой непроявленные пленки фотографий в герметически закупоренной коробке, которую я также отправил в лабораторию ИНО для проявления и отпечатки. Геджасский резидент присылал почту в несфотографированном виде. Просмотрев содержание письма резидента, я передал полученный материал Аксельроду, который занимался этой страной.

Еще немного спустя зашел к нам секретарь закордонной части Янишевский.

– На, читай и распишись,- обратился он ко мне, передавая две шифротелеграммы.

Телеграммы из Кабула, сообщающие об ухудшении положения эмира Амануллы и о новых успехах Бача-Саккау. Расписавшись на телеграммах, я вернул их Янишевскому.

В это время зашел сотрудник дальневосточного сектора, помещавшегося в соседней комнате, Герт. Отозванный из Ангоры, он был переведен из нашего сектора в дальневосточный, но, не забывая старых друзей, частенько навещал нас.

– Что ты, тоже телеграммы получил?- спросил он.

– Да, из Афганистана сообщают, что дела Амануллы плохи,- ответил я.

– Теперь уже Афганистан отойдет на задний план. В Китае такие дела разгораются, что и не говори. Наш Портунатов и Мельников из Наркоминдела вчера всю ночь просидели у "Старика" (Трилиссера),- сказал Герт.

– А что слышно в Китае нового? Еще не думаем занять Харбин?- спросил я.

– Зачем его занимать? И без того наши ребята держат в терроре всю железнодорожную линию до Харбина. Вчера опять наши агенты спустили под откос два китайских военных эшелона, отправленных к нашей границе, и взорвали пороховой погреб,- ответил он.

– Кстати, я пришел к тебе посоветоваться по личному секретному делу. Мне поручено нелегально пробраться с персидским паспортом в Китай. Так как ты посоветуешь, какую взять фамилию, чтобы подошла под персидскую?- спросил меня Герт.

– Я думаю, тебе подойдет фамилия Якуб-заде, она вполовину персидская, наполовину еврейская,- ответил я после некоторого раздумья.- А как ты думаешь пробраться в Китай?- спросил я.

– Наши долго думали и решили, что я должен поехать в

Америку, а оттуда через Японию в Китай. А каково твое мнение на этот счет?- в свою очередь спросил меня Герт.

– Что же, путь верный, только очень далекий,- ответил я.

Зазвонил телефон. Секретарь Трилиссера сообщил, что меня требует к себе Трилиссер.

– Так мы еще поговорим на эту тему подробнее,- сказал я Герту, собирая бумаги для доклада Трилиссеру.

– Не забудь поговорить со "Стариком" о нашем вопросе,- крикнул мне вдогонку Кеворкян, когда я выходил из комнаты.

– Здравствуйте, тов. Агабеков, садитесь,- ответил на мое приветствие Трилиссер, закуривая свежую папиросу,- ну, что у вас хорошего? Как там наши работают в Персии?

– Триандофилов и Эйнгорн заняты пока организационной работой и ничего нового от них не поступало, а вот в Афганистане положение серьезное. Сегодня поступили телеграммы, из коих можно судить, что Аманулла не справится с повстанцами, и, по всей вероятности, ему придется бежать в Индию, ибо дороги к нам и в Персию перехвачены сторонниками Бача-Саккау,- докладывал я.

– Так что же вы предполагаете делать?- спросил Трилиссер.

– По всем поступающим материалам видно, что Бача-Саккау настроен революционно против старой афганской аристократии, поэтому я думаю, что если бы мы смогли послать вовремя к нему наших советников, то можно было бы, прибрав его к рукам, толкать его на дальнейшие шаги в сторону Индии. Для этого было бы лучшим ходом признать его, как правителя Афганистана, раньше других государств. Этим путем мы бы стали его первыми друзьями и одновременно имели бы возможность беспрепятственно работать. Вместе с тем можно было бы послать нашего резидента к Аманулле, который в случае эвакуации его в Индию поедет вместе с ним и осядет в Индии или где будет проживать Аманулла. Из остальных претендентов наиболее важным является Надир-хан¹²¹, который уже выехал из Франции в Афганистан. В отношении него я пока ограничился заданием в Париж – выяснить, какие связи он имел, проживая там,- ответил я.

– Идея с Амануллой мне нравится. Что касается Бача-Саккау, то я тоже думаю, что к нам он ближе, чем Аманулла, но нужно бы по этому вопросу выяснить точку зрения Наркоминдела. Поговорите там с Цукерманом, а потом еще раз доложите мне, и мы решим, что делать,- сказал Трилиссер.

– Затем у меня вопрос о кавказской эмиграции,- продолжал я.- Положение таково, что при наличии центров кавказских антибольшевистских партий в Париже мы не имеем там

работника, который разбирался бы этих вопросах и поставил бы работу по их освещению, между тем как этим путем мы заранее были бы осведомлены об их планах на Кавказе. Вместе с тем мы попытались бы взрывать эти центры изнутри.

– А кого можно бы туда послать?– спросил Трилиссер.

– Я бы предложил Макарьяна. Он несколько лет сидел на разработке материалов антисоветских партий и хорошо знаком с вопросом.

– Гм, вот что! Напишите-ка лучше в Тифлис, пусть они дадут работника для Парижа, так как они больше заинтересованы в этих партиях. Если же у них не окажется подходящей кандидатуры, то тогда мы пошлем своего. Этим путем мы избежим всяких дразг и склок с Кавказом,- сказал он.

В эту минуту раздался легкий стук в дверь, и из-за портьеры высунулась голова начальника дальневосточного сектора Фортунатова.

– Извините, Михаил Абрамович, я только на минутку. У меня срочное дело, а курьер уходит сегодня в Хабаровск.

– Ну, ладно, заходите,- разрешил Трилиссер, делая на лице гримасу. Он очень не любил принимать сразу двоих по разным делам.

Фортунантов – уже довольно пожилой мужчина с брюшком, особенно выделявшемся при его маленьком росте. Маленькая русая борода украшала его вечно красное от злоупотребления алкоголем лицо. Старый член социал-демократической партии, Фортунатов эмигрировал от преследований царского правительства в Китай, где и прожил до начала революции в России. Там он и его сын, ныне также работающий в ГПУ, изучили английский и китайский языки и, считаясь знатоками китайских дел, теперь руководили дальневосточным сектором ГПУ.

– Михаил Абрамович, харбинская резидентура сообщает, что у них вышел весь запас взрывчатых веществ. Нужно послать туда денег на приобретение новых запасов. Кроме того, резидент просит денег на приобретение электростанции. В общей сложности требуется 5000 долларов. Разрешите послать деньги с уходящим сегодня курьером,- доложил Фортунатов.

– Странно, а зачем ему там покупать все это? Разве у нас не найдется динамита и радиостанции?– удивленно спросил Трилиссер.

– Есть, конечно, но с переброской получится возня,- возразил Фортунатов.

– А сколько места займет весь этот багаж?– задал вопрос Трилиссер.

– Приблизительно чемодана четыре,- ответил тот.

– Так ведь это же пустяки перебросить четыре чемодана. Зато мы съэкономим 5000 долларов валюты. Не правда ли? Пожалуйста, сделайте распоряжение приготовить нужные вам чемоданы,- закончил Трилиссер и повернулся ко мне.

Фортунов с недовольным видом вышел.

– Ну, давайте дальше,- обратился ко мне Трилиссер.

– В сегодняшней почте из Константинополя Минский прислал заявление "Рида", в котором последний просит разрешения поехать на пару месяцев в Америку. Дело в том, что он проживает по американскому паспорту, по которому он, якобы, четыре года как выехал из Америки. А по американским законам каждый гражданин Америки должен минимум раз в 5 лет быть у себя на родине, иначе он теряет гражданство. Поэтому "Рид" и хочет поехать туда. Кроме того, он установил приличные деловые связи в Константинополе и надеется получить в Америке представительства фирм и тем еще более укрепить свое положение купца,- сказал я.

– А сколько это будет стоить?- спросил Трилиссер.

– Он просит на всю поездку 2000 долларов,- ответил я.

– Ну, ладно,- со вздохом согласился Трилиссер,- пусть едет, только напишите ему, чтобы он не смел заезжать в Гамбург, а то у него там жена, и он застрянет надолго.

– Давайте закончим пока, у меня сейчас заседание коллегии,- сказал Трилиссер, видя, что я собираюсь докладывать дальше.

Я, поспешно собрав бумаги, оставил кабинет.

Глава XXII. Карахан и ГПУ

Я поднимаюсь на лифте на 5-й этаж Наркоминдела в отдел Среднего Востока и вхожу в кабинет заведующего отделом Цукермана. Уже без четверти 11, а в одиннадцать часов назначено заседание у замнаркома Сарахана по афганскому вопросу. С Цукерманом мы старые знакомые еще по Туркестану, где он был представителем Наркоминдела. ГПУ к нему относится доброжелательно, ибо он охотно выполняет все наши просьбы. Сам же по себе Цукерман политически никакой ценности не имеет и лишь является техническим исполнителем распоряжений свыше.

У Цукермана же я застал его помощника Славущкого, с которым мы тоже были старые друзья. В мою бытность в Персии Славущкий был в Тегеране первым секретарем, а затем остался поверенным в делах. Персию ему пришлось покинуть из-за разыгравшейся склоки между ним и Юреневым (нынешним послом в Вене), и в Москву он вернулся с таким клеймом, что никто не хотел с ним работать. Пришлось его временно назначить в помощники всегда послушного Цукермана.

Спустя немного после моего прихода Цукерман позвонил и, узнав от секретарей Карахана, что он свободен, предложил идти к нему, и через несколько минут мы входим в кабинет Карахана.

Кто в Москве не знает Карахана? Кто не знает его автомобиля, еженощно ожидающего у Большого театра? Кто может себе представить его не в обществе балетных девиц, которые так вошли в моду в последнее время у кремлевских вождей, что даже "всероссийский батрак" Калинин¹²² обзавелся своей танцовщицей у Карахана, которого девицы считают "душкой", а "вожди" хорошим, но недалеким парнем. ГПУ, имея в Наркоминделе ярого врага в лице Литвинова, поддерживало дружеские отношения с Караханом. "Враги моих врагов наши друзья" – таково было основание дружбы ГПУ к Карахану, который, чувствуя себя бессильным перед третировавшим его Литвиновым, органически его ненавидит и ищет всяческих путей и союзников насолить ему. Однако, несмотря на несомненный талант Карахана к мелким интригам и подсиживаниям, его основное несчастье заключается в том, что он не то, что глуп, а недостаточно умен и выдержан, и я уверен, что в скором будущем Литвинов использует один из его промахов, чтобы окончательно свести Карахана на нет. ГПУ же на его промахи смотрит сквозь пальцы, не желая терять в его лице козыря в борьбе с Наркоминделом, в частности, с возглавляющим это учреждение

Литвиновым.

Помню, в 1927 году во время советско-персидских переговоров в Москве по заключению торгового договора Карахан совершил следующую оплошность: я, будучи в Тегеране, получал все шифрованные телеграммы персидского посла Али Гулихана о переговорах через свою агентуру и в свою очередь телеграфно сообщал их содержание в ГПУ, а последнее уже передавало их Карахану, чтобы он при ведении переговоров был в курсе политики персидского правительства.

Однажды источник No 33 срочно вызвал меня на свидание и передал телеграмму Али Гулихана из Москвы, где последний сообщал, что на одном из заседаний в Москве Карахан упрекнул его в неуступчивости и привел текст инструкций тегеранского правительства, рекомендующего идти и на уступки. Али Гулихан просил срочно расследовать и выяснить, откуда большевикам известно о содержании шифрованной переписки персов. Я немедленно телеграфировал Трилиссеру об этом, указал, что легкомысленное отношение Карахана к нашей информации может грозить провалом нашей работы. В ответ ГПУ мне прислало телеграмму, что данный случай был единичной оплошностью со стороны Карахана, которая не повторится. Они просили меня спокойно продолжать работу. К счастью для источника, премьер-министр поручил вести расследование ему же, и он безболезненно замял следы карахановской "оплошности". Выгораживая Карахана, я помню, между тем, как ГПУ требовало привлечения к суду торгпреда в Персии Суховия (который ныне работает зам. торгпреда в Берлине) за то, что он как-то забыл некоторые секретные бумаги в ящике своего письменного стола, в то время, как по правилам, он должен был сдать их на хранение в секретную канцелярию торгпредства.

– Мне тов. Трилиссер говорил, что вы имеете новые предложения по Афганистану. Так вот, мы бы хотели, чтобы вы их высказали,- сразу обратился ко мне Карахан, как только мы у ourselves.

– Насколько мне помнится, тов. Карахан, я специальных предложений политического характера не делал. Я лишь докладывал тов. Трилиссеру сегодняшнюю обстановку в Афганистане, и, на основании имеющихся у нас данных, мы пришли к выводу, что нам нужно предпринять шаги к установлению отношений с Бача-Саккау, который нам может быть более полезен, чем окончательно скомпрометированный в глазах населения Аманулла.

– Что вы скажете на это, Владимир Моисеевич?- обратился Карахан к Цукерману.

– У нас совершенно отсутствует информация о положении в Афганистане, но и по тем косвенным сведениям, что мы имеем, можно сказать, что Бача-Саккау еще не утвердился окончательно на всей территории. Против него Аманулла сосредоточил под Кандагаром¹²³ двадцатитысячную армию, имея в тылу родное ему племя дурани¹²⁴. Южные племена также продолжают воевать против Бача-Саккау. Наконец, имеются предположения, что Бача-Саккау является ставленником англичан, поэтому, я полагаю, было бы благоразумнее подождать конца событий,- высказался Цукерман.

– Разрешите мне,- попросил я Карахана и после его утвердительного кивка головой сказал:

– Во-первых, должен вам сообщить, что вчерашние сведения из Кабула говорят, что двадцатитысячная армия Амануллы разбита и разбежалась. Кое-какие из частей, бросив амуницию, прибежали в Кандагар и посеяли еще большую панику. Не сегодня-завтра этот город, как и все другие, будет во власти Бача-Саккау. Что касается того, что он английский агент, то, конечно, это абсурд, ибо в таком случае зачем англичане не хотят признавать своего агента на престоле, а, наоборот, допустили, чтобы такой опасный конкурент, как Надир-хан, проехал через Индию и начал войну с ним. Наконец, из перехваченных нами английских документов видно, что англичане также отрицательно относятся к Бача-Саккау, как и вы, Владимир Моисеевич. Дальше вы предлагаете подождать с признанием Бача-Саккау. Но пока вы будете ждать, другие могут занять ваше место. Из зашифрованных персидских и турецких телеграмм мы знаем, что эти два государства уже начали вести переговоры о признании. Кроме того, наше признание укрепило бы положение Бача-Саккау и дало бы ему возможность спокойно вести борьбу с Надир-ханом, который как раз и может быть английским агентом, поскольку они пропустили его через Индию,- закончил я.

– А вы знаете, что я предпочел бы иметь дело с Надир-ханом, чем с Бача-Саккау,- вдруг заявил Карахан,- и вот почему. Бача-Саккау по национальности таджик, и, естественно, имея родственные племена в Туркестане, будет стремиться к агрессии в сторону нашей границы. В то время как Надир-хан – чистокровный афганец и будет направлять свои усилия в сторону индийской границы.

– Я против такой теоретической постановки вопроса ничего не имею возразить. Разве только, что таджики, к каковому племени принадлежит Бача-Саккау, живут разбросанно, начиная с вашего Туркестана и вплоть до берегов Инда,- возразил я.

– Давайте не будем спорить. Передайте Михаилу Абрамовичу,

что я бы хотел иметь от вас записку с изложением всех ваших доводов. В понедельник я буду в Политбюро ЦК и постараюсь поставить этот вопрос на обсуждение авторитетной инстанции (членов Политбюро) ,- сказал мне Карахан.

Выйдя из кабинета и попрощавшись с Цукерманом и Славуцким, я направился к заведующему административным отделом Наркоминдела Федорову. Это был еще недавний сотрудник Наркоминдела, "выдвиженец", еще не успевший заразиться бюрократическим духом этого учреждения. Не будучи в курсе порученного ему дела, Федоров боялся всяческих подвохов и для безопасности старался работать в полном контакте с ГПУ, выполняя все наши поручения.

– Вот что, тов. Федоров,- обратился я к нему.- Нам нужно послать одного из наших работников в Константинополь и одного в Тавриз. Какие должности в тамошних консульствах могли бы вы предложить нам? Федоров стал рыться в списке штатов этих консульств.

– В Константинополе можно предоставить вам еще должность коменданта консульства, ибо одним из ваших работников занята уже должность атташе консульства. А в Тавризе можно устроить делопроизводителем,- ответил он.

– А нельзя ли в Тавризе занять должность секретаря консульства,- спросил я.

– Нет, эта должность там уже занята работником Разведупра,- ответил он.

– Ну, ладно. Так к вам придут товарищи с запиской от меня, и вы, пожалуйста, проведите их по вашим штатам как можно скорее,- попросил я.

– Хорошо, будет сделано,- ответил Федоров.

Возвратившись к себе в ГПУ, я застал поджидающим меня некоего Баратова-Аршака. Он – наш старый секретный сотрудник, работавший под видом уполномоченного Наркомторга в Афганистане и выехавший оттуда ввиду военных событий. Хотя он и коммунист, но "носились слухи", что он на своих зарубежных поездках накопил около 25000 долларов, на которые через подставных лиц занимается торговлей.

– Тов. Агабеков, я к вам по делу,- обратился Баратов ко мне в коридоре.

– Заходи ко мне, поговорим,- пригласил я его, и мы вместе зашли в мой кабинет.

– Вчера меня вызвал к себе военный атташе в Афганистане Примаков¹²⁵ и предложил записаться в его отряд. Я попросил дать мне три дня сроку, чтобы обдумать его предложение. И вот я хотел бы спросить у вас совета,- сказал Баратов.

– Какой отряд Примакова?- спросил я удивленно.

– Как? Вы разве не знаете, что собирается отряд для отправки в Афганистан?- Получив отрицательный ответ, Баратов рассказал следующее.- Третьего дня состоялось личное свидание между Сталиным и афганским министром иностранных дел. На этом совещании присутствовал также военный атташе Примаков. Обсуждалось положение в Афганистане и было решено, что

Советское правительство снарядит отряд в тысячу человек, которых переоденут в афганскую форму и перебросят в Афганистан. Официально предводителем отряда будет афганский посол в Москве Гулам Наби-хан, командовать же отрядом будет Примаков под видом турецкого офицера. И вот в связи с этим решением сейчас идет набор верных и преданных коммунистов, знающих восточные языки. Примаков предложил и мне вступить в этот отряд,- рассказал Баратов.

– Тут, по моему и раздумывать нечего. Раз ты коммунист, то и должен выполнить свой долг,- сказал я.

– Да, но что мне там делать? Это же будет настоящая война, а у меня жена и ребенок. Зачем мне самому лезть в войну?- ответил Баратов.

– Что значит жена и прочее! Повторяю, ты коммунист и должен жертвовать собой для революции,- сказал я, усмехнувшись. Я знал, что Баратов, как и 90% всех остальных членов коммунистической партии, просто шкурник, прилипший к революции, как к выгодному предприятию. Скольких я видел коммунистов "баратовского" пошиба за время своей работы!

– Я готов жертвовать собой, но я не имею права жертвовать судьбой жены и ребенка. Я поставлю условия, чтобы их обеспечили материально на случай моей смерти, и тогда, может быть, соглашусь,- рассуждал Баратов.

– Правильно! Только смотри, чтобы потом тебя из партии не исключили,- сказал я.

Итак, в то время как сегодня Карахан рассусоливал о политике в Афганистане, Сталин, оказывается, решил этот вопрос по-своему два дня тому назад. Решил единолично. Ни Наркоминдел, ни ГПУ ничего не знали. В порядке личного приказа Сталина военному командованию красные войска, правда переодетые в афганскую форму, перейдут границу и начнут войну на территории дружественного государства. Без всякого предупреждения. Да и зачем предупреждать? Выгоднее совершить внезапный налет. И где же происходит этот акт единоличия, единовластия? Не в царской России, а в СССР. В стране, где творит "коллективная воля". Где каждый мало-мальски видный вопрос должна обсуждать пролетарская партия. Рабочий класс.

Сталин вопрос о войне решил один. Что еще нужно, чтобы быть диктатором?

Глава XXIII. Англо-американский отдел ГПУ

Положение на восточной границе СССР принимало все более угрожающий характер. В то время как на границе с Китаем красные части, захватив пограничные станции Восточно-Китайской железной дороги, успешно уничтожали китайцев, в Туркестане, наоборот, несколько бухарских отрядов, пробравшись в Туркестан, на советскую территорию, успешно оперировали против немногочисленных гарнизонов.

Решено было организовать при полномочном представительстве ГПУ в Ташкенте специальное иностранное отделение, которое, будучи расположено ближе к границам, могло бы быстрее использовать получаемые от заграничной разведки сведения. Начальником этого отделения был назначен Борисовский-Мельцер, заведывавший англо-американским сектором ИНО ГПУ. Мельцер, побывавший резидентом ГПУ в Берлине, Константинополе и Тегеране, показал себя неспособным к работе и вместе с тем чрезвычайно способным к увеличению собственного благосостояния. О привезенных им в Москву десятках чемоданов, набитых всем необходимым, знали все сотрудники ГПУ, и все-таки начальство не только не увольняло его, но, наоборот, ценило. Это объяснялось тем, что Мельцер был законченным типом подхалима-чиновника. Вечно лебезивший начальству, никогда не затруднявший свой мозг обдумыванием того или другого вопроса, а руководствовавшийся мнением начальства, всегда послушный и исполнительный, он был тем завершенным типом, в каковых превратились многие коммунисты в партии и в ГПУ. Мельцер был ярким экземпляром результата сталинской политики диктатуры и удушения мыслей, не зарегистрированных в канцеляриях центрального аппарата партии. Вот почему его и назначили в Ташкент.

Высокий, крупный мужчина с красным жирным лицом и редющей жиденькой прической, Мельцер ходил в военной форме с двумя ромбами на воротнике.

Трилиссер предложил мне принять от него дела до приезда из Америки Чацкого, который был там резидентом ГПУ при Амторге126. Сдавая мне дела, Мельцер буквально через каждые пять минут звонил по телефону к себе на квартиру по какому-либо кухонному вопросу.

– Вот тут у меня, тов. Агабеков, две папки: по Англии и Америке,- начал Мельцер, приступив к сдаче дел.- В Англии, как

ты знаешь, после разрыва дипломатических сношений, мы не имеем резидента. Вся наша агентура в Лондоне, законсервированная после разрыва, за эти два года окончательно распалась. Но основное в Англии – это источник НоБ/З, которого мы сохранили. От него мы получаем копии докладов английских послов за границей. По этим, докладом мы можем судить о внешней политике Англии и о внутреннем положении тех стран, в которых находятся английские представители. Б/З- чрезвычайно важный и ценный источник, и поэтому мы очень осторожны с его материалами. Получаемые от него документы ты должен посылать только для сведения Сталину, Чичерину¹²⁷, Ворошилову¹²⁸ и Молотову. В другие же адреса их рассылать не следует, ибо это может привести к провалу источника. О внутреннем положении самой Англии мы имеем сведения из Парижа от источника, передающего нам доклады бывшего царского посла в Лондоне Саблина, посылающего свои донесения Гирсу в Париж. Саблин, проживая в Лондоне, прекрасно ориентируется во внутреннем положении Англии. Между прочим, сейчас он пишет о предвыборной кампании в Англии. Этот вопрос чрезвычайно интересует Сталина и Молотова, и имеется распоряжение поступающие доклады Саблина немедленно пересылать им. На новых выборах ожидается победа рабочей партии¹²⁹, после чего, конечно, сейчас же последует признание СССР. Тогда мы опять сможем восстановить нашу резидентуру в Лондоне.

– А вот агентурное дело "Цепочка",- продолжал Мельцер, передавая мне бумаги,- один из белоэмигрантов, работая осведомителем нашей резидентуры в Берлине, связался с представителем английской разведки в Риге и пытается влезть к нему в аппарат. Чтобы заслужить доверие англичан, он передал ему ряд фальшивых документов и докладов о положении в СССР, которые сфабриковало наше КРО. Мы в этом деле – лишь передаточная инстанция, а все дело ведет КРО, поэтому тебе нужно держать связь с начальником 5-го отделения КРО Петнюнасом,- рассказывал мне Мельцер.

– Ладно, а что это такое?- спросил я, показывая на лист бумаги, написанный по-английски.

– Ах да, это заявление одного бывшего английского офицера разведки, предлагающего нам свои услуги. Он живет в Копенгагене и подал это заявление нашему послу. Мы пока дали задание выяснить его личность и проч. Когда придет ответ, ты увидишь, что нужно делать,- ответил Мельцер.

– Теперь перейдем к Америке,- сказал Мельцер, раскрывая новую папку.- Резидентом в Америке является тов. Чацкий,

который официально состоит сотрудником Амторга. Основная наша задача в Америке – это подготовка общественного мнения к признанию СССР. Это задача огромной важности, так как в случае удачного исхода мы бы наплевали на всех. Если бы Америка была с нами, то во внешней политике мы меньше считались бы с Англией и, главное, с Японией на Дальнем Востоке. А в экономическом отношении это было бы спасением, ибо в конце концов все капиталы сконцентрированы в Америке,- рассказывал Мельцер.

– Все это можно найти в передовой "Правды", скажи лучше, каковы результаты нашей работы,- спросил я.

– О, результаты прекрасные. Амторг укрепил свое положение и развил большую торговую деятельность. Пользуясь торговыми связями, Чацкий ведет большую кампанию в пользу нашего признания. Доклады Чацкого сейчас находятся у Трилиссера. Он их взял для доклада в ЦК. Из них ты ознакомишься с подробностями.

– Второй задачей Чацкого является добыча американских паспортов. Ты знаешь, что значит американский паспорт за границей, в особенности на Востоке. Это все. С таким паспортом можно ехать куда угодно. Почти все работники Коминтерна разъезжают по паспортам, присланным Чацким. Наш "Рид" тоже поехал с американским паспортом.

– Это все по Америке?- спросил я.

– По нашей линии все. Но Чацкий, кроме того, является представителем Коминтерна в Америке. Ему приходится поддерживать связь не только с коммунистами Соединенных Штатов, но он уполномочен и на Мексику. Все деньги и инструкции Коминтерн передает нам, и уже мы пересылаем их Чацкому в Амторг. Эта работа отнимает у него много времени и вместе с тем стесняет вести чисто разведывательную работу. Но зато в компенсацию за это мы получаем богатый материал об Америке из Коминтерна, агентура которого прекрасно работает,- закончил Мельцер.

Я складывал переданные мне папки и думал о том, что ГПУ правильно поступило, переводя свои резидентуры на нелегальное положение. Иначе в случае малейшего конфликта работа распадается. Примером является Англия, где вся трехлетняя работа ГПУ через короткое время после разрыва дипломатических сношений разваливалась. В Америке Чацкий из Амторга не может вести работы, а зато агенты Коминтерна, будучи на нелегальном положении, ведут усиленную работу и не только в своем районе, а повсюду, куда их направит Коминтерн.

Нужно и в ГПУ окончательно перейти на нелегальный метод

работы.

Глава XXIV. В Центральной Контрольной Комиссии

Я был делегирован представителем ГПУ при Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Каждый раз, как там должны были разбираться дела провинившихся за границей коммунистов, меня заранее уведомляла следователь ЦКК по заграничным делам Штальберг.

Это та самая Штальберг, которая девять лет тому назад работала членом коллегии губчека в Екатеринбурге и самолично расправлялась с приговоренными к расстрелу. Тогда она была молодой, худощавой блондинкой. Сейчас она значительно пополнила и выглядела старше. Только выражение лица осталось прежнее: тупое, жесткое, упрямое. Вчера она мне позвонила, что сегодня в 10 утра состоится очередное разбирательство дел, и, хотя еще не было 10-ти, я поднимался по лестнице здания ЦКК на Ильинке.

– А, здравствуй Агабеков, вот просмотри список дел, которые сегодня будут разбираться,- встретила меня Штальберг, передавая список.- В старое время я бы их всех просто приговорила к расстрелу, а сейчас приходится с ними цацкаться да разбираться,- добавила она со злобой.

Я знакомился с бумагами, а Штальберг что-то писала, подготавливая дела к заседанию. Но вот раздался телефонный звонок, и нас пригласили в комнату заседаний.

На этот раз председательствовал член ЦКК – Коротких. Он в самом деле короткого роста пожилой мужчина с давно небритым, болезненно-желтым лицом. Сегодня он был особенно не в духе и бросал вокруг себя недовольные взгляды. По правую сторону от него сидел один из секретарей ЦКК, горбатый, с лицом явного преступника, по левую один, если так можно выразиться, из присяжных заседателей. Я со Штальберг заняли места на противоположном конце стола. Сейчас же вслед за нами вошла служанка с подносом, уставленным стаканами с чаем и булочками. Это для заседающих.

– Ну, зови по очереди,- предложил Коротких секретарю.

Первым вошли председатель Русперсбанка в Тегеране Мерц и его секретарь Аралов. Обвиняющим являлся Аралов, привлечший своего председателя к партийному суду за его беспричинное откомандирование из Тегерана, сущность дела заключалась в следующем: Мерц, будучи председателем советского банка, жил на широкую ногу, имея в своем распоряжении деньги и власть, он

пользовался ими для своего личного удовольствия. Служащих банка, в особенности женщин, он принимал по собственному выбору и заставлял последних сожительствовать с ним. Покорным девицам он увеличивал жалование и оплачивал сверхурочные, а непокорные увольнялись. В распоряжение своих сожительниц он передал автомобиль банка и из банковских же сумм оплачивал им квартиры.

Заподозрив своего секретаря Аралова в том, что тот состоит секретным агентом ГПУ (хотя Мерц и сам состоял секретным информатором ГПУ) и что, наблюдая за ним, Аралов доносит о его проделках в ГПУ, Мерц решил от него избавиться.

Случай для этого скоро представился. В банке возник пожар, и при перевозке ценностей исчезли на миллион долларов уже аннулированные акции. Воспользовавшись этим случаем, Мерц обвинил в пропаже акций Аралова и, заручившись поддержкой полпреда Давтяна, откомандировал под благовидным предлогом Аралова в Москву. Так докладывала сущность дела следователь Штальберг.

Мерц, в обычное время высокомерный и гордый, слушая Штальберг, сидел весь съежившись, с покрасневшим лицом.

– Скажите, тов. Мерц, каково ваше социальное происхождение? – спросил Коротких, хотя он об этом мог прочесть в лежавшей перед ним анкете.

– Я из дворян, – ответил Мерц, еще больше потупившись.

– А в других партиях не состояли? – продолжал допрашивать Коротких, Мерц ответил отрицательно.

– Он в родственных отношениях с Бухариным и часто хвастался, что ему никто не страшен, ибо в Кремле его поддержат, – вставил Аралов.

– Товарищ, не вмешивайтесь, когда вас не спрашивают, – оборвал его Коротких. (Это было еще в то время, когда партия не имела приказа Сталина травить Бухарина).

– Ну, что же, вы можете идти, – отпустил обоих председатель.

– Товарищи, – начал Коротких, после того как дверь за Мерцом и Араловым закрылась. – Конечно, Мерц дворянин и что-то такое там напутал, но по-моему тут нужно дело отложить и запросить Николая Ивановича Бухарина. Посмотрим, каково его мнение о Мерце. Возражений нет? – спросил он.

Все наклонили головы в знак согласия. Иначе не могло и быть. Мерц являлся родственником одного из вождей и идеолога партии – Бухарина, значит, его пребывание в партии должно зависеть от Бухарина. Мне вспомнился случай, когда я сам, подравшись с послом в Кабуле Старком, попал в качестве обвиняемого в ЦКК. Тогда председательствовал на заседании сам

Сольц130. Рассматривая мое дело, он вынес мне оправдание. Но не потому, что я был прав, а потому, что в ЦКК был дан хороший отзыв обо мне заместителем председателя ГПУ Трилиссером.

Секретарь позвал следующего обвиняемого. Это был представитель Текстильсиндиката в Ревеле. Среднего роста и средних лет, он спокойно, как могут быть спокойны люди с чистой совестью, вошел в комнату и занял предложенное место. Его обвиняли в том, что он закупил на полмиллиона рублей мануфактуры, которая при экспертизе в Москве оказалась гнилой и разваливалась при первом прикосновении.

– Так это вы, товарищ, купили гнилье и прислали в Москву. Это вы так бережете за границей советские трудовые рубли? Всадили полмиллиона рублей на дрянь, да еще перевозили ее. Где же были ваши глаза? – ругал его Коротких.

– Мои глаза были на месте, и я, покупая, знал, что говар гнилой, тов. Коротких, – спокойным голосом ответил синдикатчик.

– Знали, а зачем же тогда покупали? – уже удивленно спросил Коротких.

– Потому что мне приказали купить наши полпредство и торгпредство. Они мотивировали свой приказ какими-то политическими соображениями. Вот, пожалуйста, их письменное распоряжение, – сказал он, кладя на стол бумаги.

– Ну, вы эти бумажки приберегите для оправдания в вашем синдикате, а здесь они ни к чему. Рабочий, который покупал в кооперативе присланное вами гнилье, ругает советскую власть на чем свет стоит. Там перед ним вы со своими бумажками не оправдаетесь. Они определенно будут считать ваш поступок контрреволюционным. Идите, – сердито закончил Коротких.

Синдикатчик, ошарашенный и недоумевающий, встал и покинул комнату.

– Строгий выговор с предупреждением, – приказал Коротких секретарю.

– Позвольте, тов. Коротких, ведь парень-то ни при чем. Ему приказало высшее начальство купить из-за каких-то соображений, он и купил. А если бы он не исполнил приказа, то опять виноватым был бы он. По-моему, уж если привлекать к партийному суду, то во всяком случае не его, а тех, кто приказывал покупать, – вмешался я.

– А ты помалкивай, тов. Агабеков! Ты еще молод! От выговора он не умрет, а наоборот подтянется и будет работать осторожнее. Что касается приказа свыше, то на то он и коммунист, чтобы не исполнять вслепую приказы, а подумать над ними и, если они ему кажутся преступными, то донести куда следует, – оборвал меня Коротких. – Давай, зови следующего, –

обратился он уже к секретарю.

Вошли опять работники в Персии, уполторгпреда Туманов и заведующий банком в Тавризе Ганелин. Эти ответственные работники, которые по своему положению должны были защищать экономические интересы СССР, как видно было из доклада следователя, сами же закупала продававшиеся за бесценок червонцы за границей и

всяческими путями отправляли их для реализации в СССР.

– С какого года вы член партии и какую партийную работу несли за последнее время,- спросил Коротких заведующего банком.

– Я член партии с 1917 года. В Тавризе последние месяцы был секретарем партийной ячейки,- ответил Ганелин.

– Так, так. Значит, вы как секретарь ячейки агитировали на партийных собраниях за поднятие курса червонца. Призывали к жертвам для стабилизации стоимости рубля, уговаривали подписаться на внутренние займы, а сами в это время втихомолку скупали на базаре по дешевке червонцы и контрабандным путем отсылали их в СССР. Так что ли?- обратился председатель к Ганелину, который сидел, опустив голову.- Ну, ладно, вы свободны, можете уходить.

Ганелин вышел.

– А вы, товарищ, с какого года в партии?- спросил председатель у уполторгпреда.

– С 1907 года,- ответил равнодушным голосом Туманов.

– Что же вы товарищ! 22 года в партии работаете? Наконец, вы сами уполторгпред, который должен наблюдать за интересами нашего хозяйства, нашей валюты, а вот сами же нарушаете постановление советской власти.

– Я не нарушал никаких постановлений, ибо когда я посылал червонцы, еще не было постановления Совнаркома о запрещении ввоза их в СССР,- ответил уполторгпред.

– Значит вам, старому большевику, нужны были постановления, циркуляры... Вы уже не можете жить без циркуляров. Так ведь у нас еще нет циркуляра, запрещающего красть и, может быть, вы в ожидании такового и крадете?- уже кричал Коротких.- Можете идти, нам больше не о чем говорить.

Заведующего банком исключили из партии, уполторгпред, как старый большевик, отделался строгим выговором.

Следующим вошел молодой латыш (фамилию забыл), приехавший из Берлина, где он работал в каком-то хозяйственном учреждении. О нем резидент ГПУ в Берлине прислал сведения, как о человеке, который будучи за границей беспробудно пьянствовал и проводил время с женщинами. – Что же вы

думаете, товарищ, партия послала вас работать или же развратничать? Каким примером стойкого борца и коммуниста могли вы быть в глазах западного пролетариата?- набросился на него Коротких.

– А кто вам сказал, что я пьянствовал и развратничал?- спокойно в свою очередь спросил латыш.- Я правда немного пью, но не больше чем другие наши партийцы и не могу считать себя пьяницей. А насчет женщин, извините, я женат и ни с какими другими женщинами не знался. Откуда у вас такие сведения обо мне?

Коротких молчал. Сведения были получены из ГПУ в секретном порядке, и он не мог, не имел права выдать источник информации.

– Так, так. Значит, вы не пьянствовали. А что же вы там в Берлине делали?- растерянно спросил Коротких.

– Работал как и все другие сотрудники. Если вас интересует моя работа, можете навести справки у моего начальства.

– Ну мы без вас знаем, где наводить справки. Можете уходить!- уже рассердившись сказал Коротких.

– Зубастый парень, черт его подери,- сказал Коротких, когда латыш вышел.

– А вы там в ГПУ, уж если даете материал, так давайте и факты. А то, что это такое? Вызвали человека из Берлина, а его и спросить не о чем. Зря деньги бросаем на разъезды,- обратился он в мою сторону.

Заседание ЦКК продолжалось в том же духе до 5 часов дня. Суд и расправа тут короткая, как убедился читатель. Несколько вопросов выжившего из ума старика-председателя и человек мог потерять партийный билет. А потеря партийного билета в СССР значит потерять все – работу, квартиру, продовольственную карточку и благонадежность. Кодексом законов в ЦКК служат последние директивы партийного аппарата. ЦК постановило на съезде сократить членов партии непролетарского происхождения или выходцев из других политических партий, и ЦКК, придираясь к каждому пустяку, выбрасывает из партии таковых. Только личные связи могут спасти от исключения. Имея за собой сильную руку, как, например, Мерц имел Бухарина, можно безнаказанно делать все, что угодно.

ЦКК – это прекрасно выдрессированный аппарат Сталина, посредством которого он морально уничтожает своих врагов и нивелирует партийный состав в нужном ему направлении.

Физически же добивает сталинское ГПУ.

Глава XXV. Сталинская авантюра войны

Организация экспедиции переодетых советских войск в Афганистан, как известно состоялась. 800 отборных красноармейцев-коммунистов, переодетых в афганскую форму и вооруженных большим количеством пулеметов и артиллерии, были сконцентрированы на берегу Аму-Дарьи под городом Термез¹³¹ и готовились к переправе через реку. Все баржи, каюки, моторные лодки со всей реки были пригнаны туда же для переправы войск. Ранним утром эскадрилья из 6 аэропланов, нагруженных бомбами и с установленными пулеметами, поднялась с Термезского аэродрома. Взяв высоту, аэропланы направились к противоположному берегу реки, где находился афганский пограничный пост Патта-Гиссар, охраняемый полсотней афганских солдат. Услышав шум моторов, афганские солдаты выбежали из своих шалашей поглазеть на аэропланы, которые, как они думали, направлялись в Кабул. Но они ошиблись. Аэропланы, сделав развернутым фронтом два круга, снизились над постом и внезапно пулеметный сильный дождь стал поливать несчастных солдат. Несколько брошенных бомб на глиняное здание поста частью убили, частью похоронили под развалинами остальных. Только двое оставшихся в живых добежали до соседнего рабата¹³² Сия-Герт (в 20 верстах от границы) и передали ужасную весть. Все было сделано в течении десяти минут.

В это же время красноармейский отряд, спокойно погрузившись на лодки и баржи, переправлялся на афганский берег. Гарнизон Сия-Герта в 100 сабель быстро бросился к Патта-Гиссару для выяснения положения, но в пяти верстах от берега был встречен пулеметным огнем отряда и уничтожен. На следующее утро Красная Армия была уже под стенами города Мазари-Шерифа¹³³. Дальше предоставляю читателю слушать очевидцев этой авантюры.

Пришел ко мне в ГПУ приехавший в Москву советский генеральный консул в Мазари-Шерифе. Он был сотрудником Ташкентского ГПУ и по нашему настоянию был назначен Наркоминделом в консулы.

– Ну, расскажи, как вы там дрались с Бача-Сакау? – спросил я его.

– Ах, не напоминай мне про это грязное дело. Я никогда в жизни не был в таком безвыходном положении, как в Мазари-

Шерифе. Представь себе, меня никто не подумал предупредить, и я абсолютно ничего не знал о готовящейся интервенции. И вдруг однажды ночью меня разбудил слуга и сказал, что пришли люди от губернатора, который просит меня немедленно придти к нему. Я был удивлен этим ночным приглашением, но все-таки оделся и поехал. По дороге я увидел, что на улицах повсюду бегали солдаты с винтовками; кое-где стояли конные туркменские отряды. Во дворе у губернатора я нашел целый военный лагерь. Я никак не мог понять в чем дело и делал в уме десятки предположений. Меня встретил взволнованный губернатор Мирза Касым-хан, с которым у меня наладились хорошие отношения.

– Что же вы, господин консул, все время уверяли меня в ваших дружественных отношениях к Афганистану, а на самом деле ваши аэропланы и войска нападают на наши посты,- сказал раздраженно губернатор.

– Это, наверно, случайность, недоразумение какое-нибудь, если на нашей границе что-нибудь произошло,- ответил я, думая, что дело идет об обычном пограничном инциденте.- Вы мне пришлете завтра ноту, и я напишу в Ташкент, чтобы там разобрались,- ответил я.

– Какое там случайное недоразумение, когда ваши войска заняли уже Сия-Герт и наступают на Мазари-Шерифе,- кричал губернатор.- Двести наших солдат перебиты, а вы говорите недоразумение.

Я слушал его обалдевший и не знал, что ответить. Наши начали войну с афганцами, а меня, не предупредив, оставили здесь среди этих диких туркмен. Черт знает, что со мной они теперь сделают,- думал я про себя.

– Я сейчас же командирую курьера к границе узнать в чем дело. Я уверен, что тут, очевидно, недоразумение,- сказал я и поспешил покинуть губернаторский дом. На обратном пути в консульство меня сопровождали откуда-то взявшиеся шесть джигитов, что еще больше убедило меня в том, что они меня будут держать в качестве заложника.

Вернувшись в консульство, я сейчас же сел составлять доклад о моей беседе с губернатором. Было уже часа четыре утра. Начинало рассветать. Вдруг ночную тишину огласил артиллерийский залп и вслед за тем пошла пулеметная трескотня. Я приказал запереть ворота консульства и вывесить наш флаг. Стрельба продолжалась часа два, все более приближаясь к городу. Изредка бухали орудийные выстрелы. Наконец, раздался еще один орудийный залп и вслед за ним раздалось громкое "Ура". Как я узнал потом, наши выдвинули орудия в упор городским воротам и одним залпом разбили их

вдребезги. Пехота, бросившаяся в город, забыла, что ей нужно было играть роль афганцев и пошла в атаку с традиционным русским "Ура". К восьми часам утра все было кончено. Город был занят отрядом, а афганцы частью бежали в сторону Таш-Кургана¹³⁴, а частью укрылись в ближайшей крепости Балх. После обеда я пошел в штаб отряда к афганскому послу в Москве Гулам Наби-хану. Там же я встретил военного атташе Примакова, который пригласил меня пройтись по городу. Вместе с ним мы также посетили городские стены, которые по старинному образцу имели бойницы. Все они были изрешечены пулеметным огнем. Повсюду еще валялись неубранные трупы афганцев, в особенности у разбитых городских ворот, где кучами лежали изуродованные артиллерийским огнем защитники города. По приблизительному подсчету при взятии Мазари-Шерифе число убитых афганцев насчитывало около 3000 человек. Число потерь Красной Армии составляло единицы.

Вот что рассказал мне советский генеральный консул.

Другим очевидцем этой бойни был нелегальный представитель Разведупра в Мазари-Шерифе, некто Матвеев.

– Да, операция была проведена чрезвычайно грубо, – рассказывал Матвеев. – Несмотря на то, что по отряду было отдано распоряжение по-русски не разговаривать, после занятия Мазари-Шерифе на улицах сплошь и рядом раздавалась русская брань. Наши аэропланы самым бесцеремонным образом, даже не закрасив звезд на крыльях, ежедневно совершали полеты в районе противника и бросали бомбы. Не исключена возможность, что кто-нибудь из иностранцев сумел сфотографировать эти картины и тогда нам трудно будет отговориться.

– Особенно ужасные картины наблюдались после взятия Мазари-Шерифе, когда отряд двинулся на Таш-Курган и дальше. Мне как военному представителю пришлось также присоединиться к отряду. Из Мазари мы выступили на следующее утро после его взятия и уже через два дня заняли Таш-Курган без всякого боя. Всех попадавших по пути отряда жителей тут же пристреливали, чтобы они не могли предупредить о нашем движении. Благодаря этой тактике, о нашем наступлении в Кабуле стало известно лишь на седьмой день после взятия Мазари-Шерифе. Оттуда срочно был выслан против нас 3000-ный отряд во главе с военным министром Сеид-Гусейном. Мы их встретили уже за Таш-Курганом, недалеко от Гейбака. Подпустив афганцев на дистанцию пулеметного огня, мы сразу открыли ураганный огонь. Прицелы были взяты заранее. Люди валились, как скошенные. Через полчаса отряд Сеид-Гусейна бросился вспять и забежал в горное ущелье. Тут мы их стали крошить

артиллерийским огнем. Из 3000 спаслись не больше тысячи. Мы без остановки продолжали двигаться дальше. Трупы убитых никто не убирал. Когда мы через десять дней возвращались той же дорогой, трупы еще лежали полуразложившимися. Да, нужно сказать, наши ребята умеют стрелять, и мы бы в неделю добрались до Кабула, если бы Аманулла продержался в Кандагаре,- закончил Матвеев с сожалением в голосе.

Это рассказывал военный, побывавший не раз на фронтах. Даже его поразила жестокость расправы с ни в чем неповинными афганцами. А вот что рассказал о настроениях афганцев в тот период мой старый знакомый по Кабулу Фридгут, бывший в то время советским консулом в Маймене.

– Я выехал из Керков¹³⁵ к месту назначения в Маймене¹³⁶. Ехали мы верхом девять дней, останавливаясь в редко попадавшихся в пути кишлаках. Население отзывалось о новом эмире Бача-Саккау доброжелательно. В особенности за отмену налогов на землю его расхваливали крестьяне. Муллы также являлись его ярыми сторонниками и отзывались о Бача-Саккау, как о восстановителе подлинной мусульманской религии, которую чуть не уничтожил своими реформами Аманулла. Вместе с тем никто, даже правительственные чиновники, не верили в прочность новой власти и ожидали каких-то перемен.

Однажды пришел ко мне наш повар консульства и говорит:

– Саиб, я покидаю службу у вас, так как меня назначили начальником местного гарнизона. Только, пожалуйста, не принимайте пока на мое место другого повара. Может быть, все опять переменится, и я с удовольствием опять приду работать для вас.

Я ему обещал, что место повара в консульстве будет числиться за ним еще месяц.

Однако постепенно новые правительственные чиновники, набранные из мелких лавочников и ремесленников, начали привыкать к власти и входить во вкус. Они начали подражать в своих привычках старым чиновникам и сводить личные счета со своими врагами.

Лавочник, назначенный уполномоченным Министерства иностранных дел, однажды, встретив консульского слугу на базаре, кричит ему.

– Эй, Вали Мамед, передай консулу, чтобы он приготовил сегодня чай, так как я приду с визитом.

Он где-то слышал, что на приемах у консула угощают чаем и печеньем.

Население к русским относилось очень хорошо, но когда до Маймене дошла весть, что советские войска проникли в

Афганистан, то все, как один, решили идти на помощь правительству, чтобы изгнать неверных из родной страны. Начались спешные приготовления отрядов... но выступить не пришлось. Красные войска дошли только до Гейбака. В Москве Сталин, получив известие, что Аманулла, оставив Кандагар, ушел в Индию,, распорядился немедленно вернуть назад отряд. Возвращаясь через Мазари-Шерифе, красные войска не забыли захватить с собой весь каракуль, имевшийся в наличии в складах этого города. Это была компенсация за расходы, понесенные советской властью по организации экспедиции. За время похода было 120 человек убитых и раненных в отряде и перебито до восьми тысяч афганцев.

Эта авантюра была предпринята Сталиным весной 1929 года, т. е. в середине второго года пятилетки, долженствующей привести СССР к социализму, к экономическому благосостоянию рабочих и крестьян.

Пусть каждый рабочий, каждый крестьянин спросит у Сталина, зачем ему нужно было в тайне от народа и правительства поддерживать короля Аманулла – представителя помещиков и капиталистов, против носителя крестьянских чаяний – Бача-Саккау. Пусть спросят, на каких условиях Сталин согласился восстановить Аманулла на троне? Зачем он скрыл эту авантюру от советской власти. Не говорит ли это, что Сталин может готовить или уже готовит еще какую-нибудь авантюру за спиной трудящихся Советской России.

Глава XXVI. Вожди чистят ГПУ

Уже больше месяца как московская "Правда" начала вести подготовительную кампанию к предстоящей проверке и чистке Всесоюзной Коммунистической Партии. Ежедневно усердные хранители чистоты партии помещали в газетах статьи с рецептами, как чистить партию, чтобы вычистить всех, кто ей не угоден. На всех собраниях и заседаниях также дискутировался вопрос о методах чистки. Почти все ГПУ было занято подбором и подготовкой материалов, компрометирующих того или иного члена партии. Сотрудники, встречаясь, говорили только о предстоящей чистке. Каждый только и думал о ней.

Иностранный отдел ГПУ также не являлся исключенным и был взбудоражен предстоящим событием. Сотрудники нервничали, не зная, как, с какого конца начнется чистка. Нормальная работа отдела нарушилась. Однажды утром, придя на службу, я застал Кеворкяна сидящим над кучей книг по политике, экономике и истории партии, из которой он старательно делал выписки.

– Чем это ты занят, Коля? У тебя доклад что ли? – спросил я.

– Какой там доклад! Он готовится к чистке, как к экзамену в институте. Боится, что его срежут,- насмешливо ответил за него Макарьян.

– Да, конечно, боюсь! Читал ты вчерашний номер "Правды"? Пишут, что нужно во время чистки обратить особенное внимание на непролетарский элемент и на выходцев – из других партий,- обратился Кеворкян к Макарьяну.- А ты не боишься, что ли? Небось, каждый вечер зубришь дома политграмоту:

– Я думаю, что главное внимание во время чистки будет обращать не на знания, а на то, насколько активен и полезен, как коммунист. Ну, конечно, и социальное происхождение будет играть роль,- сказал я.

– Какой там! Вчера мне ребята рассказывали, как идет чистка в Комакадемии¹³⁷. Задают самые заковыристые вопросы по всем отраслям марксистской литературы,- ответил Кеворкян.

– Ну, то в академии, на то они и учатся, чтобы знать. А по-моему, там их просто прощупывают, чтобы выяснить, нет ли у члена партии какого-либо уклона,- заметил Макарьян.

– Как все-таки странно,- сказал после некоторого раздумья Кеворкян,- сегодня ты член коммунистической партии, авангард мировой революции, борец, ответственный работник ГПУ, а завтра тебя за какую-нибудь ерунду исключат из партии, выгонят со службы, и ты попадешь в ряды обывателей, а то и в ряды

контрреволюционеров.

– Будь спокоен, без серьезного повода не исключат,- сказал я.

– Что значит, не исключат! Все в руках ЦКК. Недаром говорят, что самый знаменитый химик в СССР – это Сталин. Он может из человека сделать г...., как он сделал с Троцким, и из г... человека, как он сделал из Микояна,- ответил Кеворкян.

День чистки в ГПУ приближался. Откуда-то сотрудники уже знали, что членами комиссии по чистке ГПУ будут члены ЦКК Сольц, Трилиссер и Филер. Узнали, что эта комиссия уже два раза заседала в кабинете Трилиссера и просматривала личные дела сотрудников. Что они уже выписали список лиц, подозрительных в партийном отношении. Настроение работников ГПУ становилось все напряженнее. Каждый про себя перебирал свои прошлые грехи и думал о своей судьбе. В конце концов вопрос партийности помимо всего был вопросом хлеба, вопросом работы, ибо, будучи исключенным из партии, сотрудник должен был потерять и службу. Кто был опасен и вреден для партии, тот естественно был опаснее и вреднее в ГПУ, этом органе диктатуры ЦК партии, где сконцентрированы все секреты государственной жизни. Характерно отметить, что уволенных из ГПУ работников ни в какие другие учреждения не принимают. И вот почему. Во-первых, руководители разных

учреждений думают, что раз человек служил в ГПУ, то у него остались там связи, через которые он будет информировать о недочетах учреждения. В результате аресты, неприятности. Затем, может быть, ГПУ нарочно демонстрировало увольнение, чтобы сильнее законспирировать работника, что часто практиковалось. Наконец, если ГПУ уволило своего работника, то оно же само препятствует поступлению его на другую службу. Чекиста, в результате, все избегают иметь на службе.

Наконец, был объявлен день проверки и чистки ГПУ. Комиссии должны были заседать сразу в нескольких отделах. В иностранном отделе комиссия состояла из члена ЦКК – Филера, начальника транспортного отдела – Благонравова и какого-то красного профессора (фамилии не помню). Заседание устроили после занятий в одной из больших комнат иностранного отдела. За столом расположился Филер, седой высохший и разлагающийся старик лет 65-ти. Одетый подчеркнуто в грязные рубища, он с самого начала заседания

недоброжелательно поглядывал на сотрудников ИНО, в большинстве побывавших за границей и сносно одетых. Благонравов и профессор сидели по сторонам Филера. Напротив комиссии сидли мы, сотрудники, на скамьях и стульях, собранных со всех комнат отдела.

Заседание открыл Филер, прошамкав маленький спич о значении и задачах чистки партии. В первую очередь должны были проверяться сотрудники, намеченные к срочной отправке за границу. Началась чистка просто и без перебоев. Вызванный рассказывал свою автобиографию, в то же время комиссия следила по его личному целу за правильностью рассказа. Затем председатель обращался к остальной аудитории, спрашивая нет ли у них вопросов к проверяемому. Причем характерно, что первое время все хором отказывались ставить вопросы. Каждый думал о своем, о себе. Он боялся, что если он будет расспрашивать, то когда придет очередь, остальные также могут засыпать вопросами. Получалась какая-то, с молчаливого согласия, круговая порука. Но картина начала меняться, как только первые два десятка прошли проверку. Им уже нечего было стесняться задавать вопросы, и чем дальше, тем вопросы становились чаще.

Чистился помощник начальника ИНО – Горб. Из его рассказа видно, что он был до 1919 года левым эсером на Украине и, сражаясь в рядах Красной Армии, тогда еще был захвачен в плен гетманом Скоропадским¹³⁸.

– Странно, как ты остался жив, когда в то время гетманцы расстреливали всех большевиков, а евреев в особенности,- задал вопрос кто-то из публики.

Горб стал путанно рассказывать о женщине, которая, якобы, его спасла в то время от расстрела. После еще нескольких дополнительных вопросов его объяснения с натяжкой признают удовлетворительными, и он проходит чистым.

Вызвали личного секретаря Трилиссера Лебединского. Крепкий здоровый латыш, больше занимающийся спортом, чем партийными вопросами. Биография его безупречна. Рабочий, с 1917 года член партии и красногвардеец. Затем ЧК и ныне ГПУ. Но, к его несчастью, он был членом тройки шефства над деревней, и профессор в связи с этим задал ему вопрос, как часто он посещал колхозы.

– Я раза три был в совхозе под Москвой,- ответил Лебединский.

– Тов. Лебединский, я спросил вас о колхозе, а не о совхозе,- повторил профессор.

– Так ведь это одно и то же,- ответил Лебединский.

– Как одно и то же? Вы не знаете разницы между колхозом и совхозом?

И начался форменный экзамен политзнаний Лебединского. Результат оказался плачевным. Полная безграмотность.

– Товарищи, что я могу сделать, если я занят у Трилиссера с

утра до 12 часов ночи? Когда же мне готовиться? – чуть не плача оправдывался Лебединский, боясь, что его исключат из партии. Но его не исключили... Трилиссер поддержал.

Стал рассказывать свою автобиографию заместитель Трилиссера Логинов. Член партии большевиков с 1905 года. В 1907 г. был избран от военных организаций на съезд партии, но при переходе границы царское правительство его арестовало. С тех пор и до революции, т.е. 9 с лишним лет просидел в каторжной тюрьме. Освобожденный после революции Логинов поселился в Архангельске и был избран председателем Совета. Но вот белая армия во главе с генералом Миллером¹³⁹ заняла Архангельск. Большевики, оставив Архангельск, отступили, а Логинов остался. Белые знали, кто он такой, но не тронули его. Он даже умудрился издавать газету.

– Не находите ли вы странным, что белые даже не арестовали вас? – задал вопрос Филер.

– Ничего странного не нахожу,- пробурчал в свою рыжую бороду Логинов, пришедший на чистку, видимо для храбрости, несколько выпивший.

– Странно, странно,- перешептывалась между собой комиссия. У всех возникло сомнение. Неужели провокатор? Пробыл девять лет на каторге за большевистскую идею и когда она осуществилась, перейти на сторону лютых врагов своей идеи – белых генералов. И, наконец, теперь снова занимать пост заместителя начальника ИНО и руководить разведкой против тех же вчерашних хозяев, белых генералов. Какой хаос должен быть в душе этого человека. Может ли быть такое смешение идей. Кто ответит на этот вопрос? Все смущены и стараются не смотреть в сторону Логинова.

– Ладно, мы поговорим с вами особо,- наконец, сказал Филер, откладывая дело Логинова.

Вызвали следующего. Капитан разведывательной службы австрийской армии в войну 1914- 1917 гг. Затем после революции, присоединившись к украинцам, воевал против большевиков и попал к нам в плен. Теперь же неизведанными путями оказался членом ВКП(б) и на работе в иностранном отделе ГПУ. Его как раз собирались через несколько дней послать на нелегальную работу в Австрию... Не поехал, его исключили из партии и уволили из ГПУ.

Следующий тоже должен был поехать на нелегальную работу в Париж. Прекрасный парень, хороший товарищ. Все его любили. С 18-летнего возраста он был в рядах Красной Армии, откуда перешел в ГПУ. При проверке оказалось, что его отец был чиновником департамента царской полиции. Напрасно он

старался доказать, что его отец был всего лишь мелким чиновником, что в конце концов дети не отвечают за грехи отцов. Он умолял комиссию, просил поддержки товарищей. Напрасно. Комиссия дело его отложила в сторону. Товарищи старались не встретиться с его умоляющим взглядом. Через несколько дней он был исключен из партии и в ту же ночь вместе с женой застрелился...

Вызвали некоего Штейнберга. Молодой парень, еврей из Бессарабии. Он только недавно появился в иностранном отделе и заведывал разведкой в Румынии.

– Где вы были в 1926 году? – задал вопрос председатель, заглядывая в его личное дело.

– В Румынии,- коротко ответил Штейнберг.

– Затем?

– Затем поехал в Бельгию и работал там шесть месяцев на заводе и оттуда поехал во Францию.

– Для чего вы раскатывались по этим странам? Ведь вы в ГПУ работаете всего с прошлого года? – недоумевающе спросил Филер.

Штейнберг, опустив голову, молчал.

– Что же вы не желаете отвечать комиссии? – упорствовал Филер.

– Да, не желаю,- ответил Штейнберг.

– Можешь говорить, теперь уже дело прошлое,- подбодрил его с места Горб.- Он был в этих странах по нашему поручению секретным агентом,- ответил Горб комиссии.

И так по очереди длинной вереницей прошли перед комиссией около двухсот сотрудников ГПУ. Большинство из них – недоучившиеся интеллигенты, много выходцев из других партий: левых эсеров, бундовцев. У многих темные подозрительные провалы в биографии. Но что особенно поражало, так это то, что большинство оказалось политически безграмотными или в лучшем случае полуграмотными. И невольно, слушая их автобиографии, я задавался мыслью, неужели это работники ВЧК-ГПУ, который нагоняет ужас своими делами, методами, своей хитростью на весь СССР? То ГПУ, которого так остерегаются иностранные правительства? Ведь тут собрана не железная когорта партии, как когда-то называл ГПУ в погоне за трескучей фразой Троцкий, а гниль, отбросы, невыясненные личности партии. Тут, если в прошлом не провокатор или авантюрист, то минимум простой чиновник-обыватель, ничего общего с коммунизмом не имеющий. А ведь в иностранный отдел набирали работников с особым подбором, с особой подготовкой. Это отряд ГПУ, призванный бороться на передовых позициях,

среди вражеского стана, в капиталистических странах, в тылу. В этом отделе должны были быть наиболее подготовленные и стойкие, и если вместо этого оказались на самом деле помимо всего даже неграмотные, то что же могли представлять сотрудники других отделов ГПУ? Наконец, каков уровень коммунистов в других советских учреждениях, на которых чекисты смотрят свысока?

Отсюда возникал логически другой вопрос. Если такой неудовлетворительный состав человеческого материала, то на чем и на ком держится советская власть и, в частности, ГПУ? И почему такие прекрасные результаты в работе последнего учреждения? Вот вопросы, которые стали занимать меня, да, наверно, и не одного меня, после результатов чистки партии.

И я думал, думал долго и молча, ибо делиться мыслями, сомнениями в СССР при моем положении значило спуститься несколькими этажами ниже, т. е. в подвал, во внутреннюю тюрьму ГПУ. Даже и эту роскошь едва ли бы мне позволили. Я слишком много знал, чтобы мне дали жить хотя бы в тюрьме. Едва ли мне позволили бы сидеть в тюрьме и, как выражается сталинское ЦК, разводить оппозиционную демагогию. Со мной поступили бы по чекистской формуле: "Чекист должен умереть или от руки врага или от руки ГПУ. Естественная смерть для чекиста исключена".

Глава XXVII. "Живой" помер

Хотя по поступавшим в ГПУ сведениям было видно, что на новых выборах в Англии победит рабочая партия, которая будет относиться к СССР лояльнее, чем консерваторы 40, но в конце концов вопрос был ясен, что рабочая партия также будет защищать интересы английской империи, как и всякая другая партия, только возможно с большим успехом. Задача же ГПУ заключалась в разрушении этой империи, ибо только с выполнением этой задачи могли быть освобождены от политического и экономического рабства сотни миллионов народов Востока. Первейшей же задачей для этого считался удар по наиболее уязвимому для Англии месту – по Индии. Для подготовки и нанесения этого удара нужно было во что бы то ни стало послать в Индию своего представителя. Выбор пал на меня, и Трилиссер предложил мне готовиться ехать нелегальным резидентом ГПУ в Индию.

План поездки был выработан следующий: я должен был под видом персидского армянина-купца ехать в Египет, завязать отношения с тамошними армянскими

купцами и с их помощью поехать в Бомбей. Персидский паспорт по моему заказу уже был приготовлен контрразведывательным отделом, и оставалось только получить нужные визы. Деньги на поездку – 10 000 долларов в 500-долларовых билетах также были получены и лежали у меня в кармане.

День 15 октября 1929 года остался у меня в памяти. В это утро я пришел в ГПУ для продолжения сдачи дел новому заведующему восточным сектором ГПУ. Я пришел несколько поздно. Уже сойдя с лифта и направляясь по коридору в свою комнату, я почувствовал что-то неладное. Слишком безлюден был коридор, по которому обычно сновали сотрудники. Войдя в кабинет, я застал Минского, сидевшего за столом. Опустив голову на руки, он о чем-то думал.

– Здравствуй, Яша! Что у тебя, голова болит? – спросил я.

– Нет, ничего. А где ты был вчера вечером? Тебя всюду искали и не могли найти,- спросил Минский.

– Я был в синема. А что, случилось что-нибудь? – задал я вопрос.

Минский ничего не ответил. Лишь спустя несколько минут он обратился ко мне.

– Идем, Гриша, позавтракаем и заодно поговорим,- предложил он нерешительным голосом. Мы вышли в коридор.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что кругом никого нет, Минский наклонился к моему уху и зашептал:

– Знаешь что? Блюмкин арестован.

– Что ты говоришь? За что? – изумленно спросил я.

– Оказывается, он в Константинополе был связан с Троцким и использовал наш аппарат для связи троцкистов в СССР. Он хотел завербовать для своей группы и Лизу Горскую, но она его выдала, и вчера ночью Блюмкина арестовали. Только никому не говори. Это секрет. Трилиссер распорядился, чтобы никто в аппарате ИНО об этом не узнал.

Я ничего не ответил. У меня от изумления отнялся язык. Арестован Блюмкин, любимец самого Феликса Дзержинского. Убийца германского посла в Москве графа Мирбаха. Ведь еще два месяца тому назад, когда Блюмкин вернулся из своей нелегальной поездки по Ближнему Востоку, он был приглашен на обед самим

Менжинским. А теперь он сидит в подвале ГПУ. Еще недавно его имя было помещено в новой советской Энциклопедии, - да что там, всего пару дней тому назад во время чистки партии Трилиссер его рекомендовал, как преданного и лучшего чекиста. Его мнением о положении на Востоке интересовались Молотов, тогда бывший главой Коминтерна, и Мануильский¹⁴¹. Он бывал частым гостем у Радека¹⁴². Наконец, он жил на квартире у министра в отставке Луначарского¹⁴³ в Денежном переулке. А теперь он в тюрьме... Казалось невероятным... Мы вернулись с Минским обратно в кабинет. Он опять уселся за стол. Задумчивый, маленький. До того маленький, что тот же Блюмкин прозвал его "Гейшей".

– Кто же его арестовывал? – спросил я Минского.

– Дело было ночью, часа в два. Искали кого-нибудь из начальников секторов для назначения на операцию, но никого не нашли за исключением Вани Ключарева. Его и послали с несколькими комиссарами. Да! Теперь только я понимаю, откуда сын Троцкого всегда знал, когда мы отправляем из Константинополя секретного курьера. Ясно, что его информировал Блюмкин, - продолжал Минский. Мне не сиделось на месте. Я хотел узнать все подробности о Блюмкине, поэтому я направился к кассиру ИНО Ключареву, с которым был в приятельских отношениях. Застал я его, хмуро сидевшим в своей крохотной комнате, уставленной несгораемыми кассами, и что-то вяло заносившего в ведомость размером с хорошую московскую жилплощадь.

– Здорово Ваня, что ты сегодня, такой бледный? – спросил я, стараясь подойти к интересующему меня вопросу издалека.

– Да так, чувствую себя немного усталым,- уклончиво ответил он.

– Еще бы не устать, всю ночь небось не спал,- заметил я.

– С чего это ты взял? – подозрительно взглянув на меня, спросил Ключарев.

– Да брось, все уже знают, что Блюмкин арестован, расскажи лучше, как дело было,- сразу перешел я на откровенность.

– Ну, и работа была, скажу тебе,- начал Ключарев юсле некоторого раздумья.- Мы подъехали к квартире Блюмкина в час ночи. Я поднялся наверх один, но его не оказалось дома. Только я спустился вниз и вышел на улицу, смотрю – подъезжает такси, в котором сидели Блюмкин и Лиза Горская. Увидев нас, Блюмкин сразу догадался, в чем дело, ибо не успели мы подойти к его машине, как она уже повернула и умчалась. Мы вскочили в нашу машину и за ними. Такси неслось по пустынным улицам, как дьявол, но ты же знаешь наши машины. У Петровского парка мы их нагнали. Видя, что им не уйти, Блюмкин остановил машину, вышел и кричит нам: "Товарищи, не стреляйте, сдаюсь. Ваня, отвези меня к Трилиссеру. Я ужасно устал",- обратился он ко мне. Потом Блюмкин повернулся к такси, где продолжала сидеть Горская, и сказал: "Ну, прощай, Лиза, я ведь знаю, что это ты меня предала". Это все, что сказал он. Потом всю дорогу до ГПУ он молча курил. Да, хороший был парень Яша, а пропал ни за что,- заключил Ключарев. Мы молча продолжали сидеть и думали каждый свою думу. Из размышлений нас вывел телефонный звонок. Ключарев взял трубку и сейчас же передал ее мне. Это звонил Минский. Меня срочно вызывал к себе Трилиссер.

– Вот что, тов. Агабеков,- встретил меня Трилиссер, который на этот раз был в явно удрученном состоянии.- Вам придется отказаться от поездки в Индию. Вы, наверно, знаете уже, что случилось с Блюмкиным. Созданная им на Ближнем Востоке организация осталась теперь без руководства. Вам нужно немедленно выехать в Константинополь и принять нелегальную резидентуру. Посмотрите, кого из тамошних работников нужно снять и кого оставить. На помощь вам мы пришлем Аксельрода. Он хотя неопытный в нашем деле работник, но очень осторожный и знает языки. Пусть он займется Египтом. В Сирии и Палестине мы имеем людей, так что надеюсь, через пару месяцев по приезду вы сможете наладить правильную работу.

– О задачах ваших я много говорить не буду,- продолжал он,- вы их должны знать, руководя сектором. В данный момент нас очень интересуют палестинские события. Столкновения между евреями и арабами должны дать интересные для нас результаты, ибо английское правительство должно будет принять чью-либо

сторону, благодаря чему будет иметься в наличии обиженная сторона, которую легко будет нам использовать против Англии. Палестина же важна, как стратегический пункт, так как в случае столкновения с Англией дезорганизация морского движения через Красное море значительно поможет нам. Но в своей работе помните, что основная задача вашей работы должна заключаться в таком ее построении, чтобы аппарат мог действовать во время войны. Ну вот, я думаю, что это все. А с Индией подождем, пока не наладится работа в этих странах. Это со временем облегчит проникновение в Индию. Наконец, помните, что я возлагаю на вас большие надежды и будьте осторожны в работе.

В это время вошел в кабинет секретарь Трилиссера и доложил, что из внутренней тюрьмы передают о просьбе Блюмкина, желающего поговорить с ним.

– О чем мы еще можем говорить? Передайте, что мне сейчас некогда,- ответил Трилиссер.

– Да, кстати, вот записка Блюмкина о положении нашей агентуры. Ознакомьтесь и верните мне,- обратился опять ко мне Трилиссер.- Итак, постарайтесь на будущей неделе выехать,- протянул он мне руку, и я оставил кабинет.

Переданная мне докладная записка начиналась с 27-й страницы. Она начиналась так: "Теперь, закончив с политической стороной дела, перехожу к работе ГПУ, которую я, несмотря на мои сомнения, выполнял честно и добросовестно. (Ах, если бы мое партийное лицо было так же чисто, как моя работа по линии ГПУ)". Дата на записке была проставлена 8 октября, т. е. за неделю до ареста Блюмкина. Меня, так же как и всех остальных товарищей, очень интересовало, что писал Блюмкин в первых 27 страницах. Мы видели из остального текста, что там было признание, раскаяние, но в чем, в какой форме, мы так и не узнали, несмотря на то, что были пущены в ход все связи. Никто из нас в ГПУ не видел этих страниц. Они, вероятно, были сразу переданы в Политбюро Сталину, где в это время решалась судьба Блюмкина.

Только в декабре, уже будучи в Константинополе, я узнал от приехавшего ко мне Аксельрода о судьбе Блюмкина. По постановлению коллегии ОГПУ он был расстрелян. Еще несколько раньше я получил частное письмо из Москвы. В нем один мой приятель писал о Блюмкине, работавшем на Востоке под псевдонимом "Живой":

"Итак, друг мой, "Живой" помер, но дело его живет, поскольку оно находится в твоих руках",- писал он, -переиначивая лозунг, выкинутый ЦК партии после смерти Ленина.- "Он ["Живой"] ушел от жизни, вопреки ожиданию, спокойно, как мужчина. Отбросив

повязку с глаз, он сам командовал красноармейцам: "По революции, пли!"

Глава XXVIII. Москва – Константинополь

Для поездки в Константинополь мне нужно было взять турецкую визу на мой персидский паспорт. Мы пробовали получить визу через персидскую миссию в Москве, но безрезультатно. Требовалась моя личная явка в турецкое консульство.

Нарядившись в свой лучший костюм и одев вместо обычной кепки шляпу, я пошел в ГПУ. Дежурный комендант, хорошо знавший меня в лицо и пропускавший раньше без требования предъявления пропуска, на этот раз, увидев меня в шляпе, удивленно остановил и на всякий случай проверил мой пропуск. Поднявшись на верх, я направился прямо к Ключареву, у которого в кассе хранились разные золотые вещи, оставшиеся со времен реквизиций. Из них я выбрал себе золотые часы с толстой цепочкой, портсигар и пару бриллиантовых колец и, напялив все это на себя, принял вид богатого персидского коммерсанта. Затем взяв такси, я поехал в турецкое консульство. Посетителей в консульстве не было, так что меня без всяких задержек пропустили к консулу.

– Для какой надобности вы хотите ехать в Стамбул? – спросил консул, перелистывая лежавший перед ним мой паспорт.

– По торговым делам. Я отправил из Персии в Стамбул партию ковров, которые не продаются, поэтому я хочу поехать лично и закончить это дело лично,- ответил я по-турецки, вставляя в свою речь персидские слова, чтобы у него не было сомнений в моем персидском происхождении.

– Бывали ли вы раньше в Турции? – последовал вопрос консула.

– Нет, много раз собирался съездить, но как-то не приходилось,- ответил я.

– Кого вы знаете в Турции? – продолжал допрашивать консул. Я назвал ему несколько имен известных персидских купцов в Стамбуле.

– Есть ли у вас еще какие-нибудь документы кроме паспорта? – спросил консул.

– Конечно, конечно: только не с собой,- без запинки ответил я, хотя контрразведывательный отдел ОГПУ не приготовил для меня никаких бумаг кроме паспорта.

– Так вот, принесите ваши остальные документы также, и тогда я решу вопрос о визе,- ответил консул.

– Хорошо, прикажете принести только письма или всю переписку, показывающую мою деловую связь с Турцией? – спросил я, делая вид, что я не понял требований консула.

– Да нет же. Мне нужны не письма, а документы. Например, метрическое свидетельство и вообще документы, удостоверяющие вашу личность,- стал объяснять консул.

– Т. е. позвольте, вы что же, сомневаетесь в моей личности? – обиженным тоном спросил я.- Меня здесь хорошо знают в персидском посольстве (КРО устроило так, что их агент в персидском посольстве послал обо мне ноту туркам), наконец, десяток богатых персидских купцов могут рекомендовать меня. Если вы разрешите, я вызову сейчас двоих из моих знакомых сюда,- предложил я, протягивая руку к стоявшему на консульском столе телефону.

Говоря это, я в то же время думал: а вдруг консул согласится на мое предложение? Что я буду делать? Куда я позвоню? Разве в ГПУ! Но нет, я рассчитал правильно. Консул попался на удочку. Подумав немного, он, наконец, предложил мне внести деньги за визу, и через десять минут я возвращался в ГПУ с готовым паспортом в кармане.

На следующий же день, 22 октября 1929 года, я выехал с Брянского вокзала на Одессу. Одетый так же, как и при посещении консульства, с 10 000 долларов, выданных мне из ГПУ на работу, я уже с приезда на вокзал начал играть роль персидского коммерсанта, чтобы к приезду в Константинополь привыкнуть к ней. Мерно покачиваясь в купе второго класса и перебирая янтарные четки, я думал не о предстоящей работе, а о моей прошлой жизни в Москве. Я был рад, что, наконец, вырвался оттуда, что мне не придется участвовать на ближайшем казенном параде 7 ноября, как и на многих других. Что, наконец, я избавился от чтений докладов по передовицам "Правды", ругать левых и правых уклонистов и божиться, что только Центральный Комитет партии является хранителем заветов Ильича. Клясться, что еще пять лет голодовки,- и мы перегоним Америку.

В купе, кроме меня, ехали два пассажира. Какой-то украинец с инженером немцем. Они ехали до Киева и, видимо, работали на одном из сахарных заводов, так как всю дорогу говорили об урожае свеклы и о сахарной политике СССР. Но я их почти не слушал. Забравшись на верхнюю полку, я углубился в чтение только что переведенной на русский язык книги Ремарка "На Западном фронте без перемен".

Рано утром я приехал в Одессу и, узнав, что пароход в Константинополь отправится лишь на следующий день, поехал в гостиницу "Гранд Отель". Швейцар, узнав из заполненной анкеты,

что я иностранец потребовал мой паспорт, и спустя несколько минут я с улыбкой наблюдал из моего номера, как он мчался по направлению местного ГПУ. Я знал, что таковы правила. Швейцар каждой гостиницы должен немедленно доносить в ГПУ об остановившихся у них иностранцах.

Несмотря на позднюю осень, Одесса была еще залита южным солнцем. От нечего делать я решил пройтись по городу. В последний раз я был в Одессе в 1917 году, когда началась февральская революция. Помню, что, несмотря на трехлетнюю войну, Одесса была шумным, веселым и людным городом. Теперь я не узнавал старых мест. Город почти опустел. Кое-где попадались унылые прохожие. Магазины почти все были закрыты. Кое-где лишь краснели вывески кооперативов на украинском языке. Я зашел в бывшее кафе "Фанкони", где теперь помещалась кооперативная столовая, пообедать. Все дешево, грязно и несъедобно. Проведенный в Одессе день показался мне бесконечным. На меня напало какое-то тоскливое чувство. Я знал, что покидаю родную страну, и вместе с тем все здесь казалось мне чужим. Может быть, потому, что вокруг красовались украинские надписи, которых я не понимал. Мне хотелось скорей покинуть этот город, но меня тянуло не в море, а обратно в Москву. Мне хотелось вернуться в ГПУ и сказать, что не могу ехать на работу ГПУ, что я уже не верю в это дело. Но я думал, что мне на это скажут, что я испугался ехать на нелегальную работу, что я трус... Чтобы изба-иться от этих дум, я раньше времени поехал на пристань. После сложных манипуляций с паспортом и багажом меня, наконец, пропустили на борт советского парохода "Чичерин". Я прошел все этапы мытарства, как каждый иностранец, ибо местное ГПУ не знало, кто я такой. В 5 часов вечера раздался последний гудок, и мы медленно отчалили от пристани.

Неожиданно для меня, оказавшись в своей каюте, я встретился с одним из своих старых друзей по Ташкенту. Мы не подали вида, что знаем друг друга до тех пор пока не уединились. Он рассказал мне, что теперь работает в Коминтерне и командирован в Палестину, где в это время происходили кровавые столкновения между арабами и евреями.

– Ты что же, один едешь? – спросил я.

– Нет, я еду, как высланный из СССР сионист с женой, которая на самом деле тоже работает в Коминтерне. Кроме того, едет еще один из наших в Турцию, но он без всяких документов и поэтому скрывается в числе экипажа парохода. По прибытии в Константинополь он нелегально спустится на берег,- рассказал мой приятель.

27 октября, в 4 часа утра показали холмы Босфора. Пароход остановился у карантина, и только к полудню мы вошли в Босфор. С одного борта к нам пристал лоцман, а с другого полицейский катер. Началась проверка документов пассажиров, сходящих в Константинополе. В просмотренных паспортах полицейский офицер ставил штамп и возвращал владельцам. Мой же паспорт был им задержан без объяснения причин. Пассажиры спешно "сгружались" на окружившие пароход ялики, а я стоял на палубе и ждал своего паспорта, который был отправлен офицером на берег для проверки. Прошло около часа. С берега подошли к пароходу несколько лодок с людьми. Это были сотрудники и дипкурьеры из советского консульства. Они прошли мимо меня в каюту капитана. Среди них был также помощник резидента ГПУ Кикодзе, соторого я всего два месяца назад снарядил в Константинополь. Многие из прибывших знали меня в лицо и, увидев, издали улыбались, думая, что я приехал официально. Но видя, что я отвертываюсь и принимаю вид, что никого из них не знаю, они также прошли мимо меня, как чужие, поняв, что тут что-то неладно.

Время шло, а моего паспорта все не было. На пароходе почти никого не осталось, и я все больше беспокоился о своей участи. Я не боялся того, что турки могут меня задержать, но они могли отказать в высадке на берег и вернуть в СССР, откуда я с таким трудом выбрался. Наконец, полицейский офицер передал, что я могу сойти на берег. Паспорт же мой доставят в гостиницу. С внутренним беспокойством, но внешне возмущаясь турецкими порядками, я поехал в город и взял номер в отеле "Лондон".

Так я попал в Константинополь. Но в каком положении? Полиция отобрала мой паспорт и явно в чем-то подозревает. В самом городе, совершенно мне незнакомом, у меня не было друзей, которые могли бы меня поддержать. Требовать помощи от легальной резидентуры воспрещалось, ибо это могло бы привести к провалу. Как быть? А вдруг турецкая полиция запросит обо мне сведения в турецком консульстве в Москве. Что если завтра вызовут меня в полицию и спросят, где мой товар, мои знакомые купцы? Да, положение было не из приятных. Было уже шесть вечера. Я решил привести себя в порядок, а там видно будет. Когда я, пообедав, вышел из отеля, было уже темно. Мне нужно было сейчас же сделать кой-какие покупки. В особенности требовалось сменить мои ботинки, имевшие марку "Скороход" и могущие выдать их московское происхождение. Наконец, нужно купить часы, я не имел часов. По традиции перед отъездом из Москвы, я подарил свои часы одному из товарищей в ГПУ. Таков обычай – перед отъездом за границу раздаривать вещи. Ведь за

границей легко можно все купить, а в СССР где же!

Спускаясь из Пера по линии трамвая, я незаметно для себя добрался до Галаты. Повсюду сверкали ярко освещенные витрины магазинов. Я остановился у витрины часового магазина и разглядывал выставленные часы, как услышал в магазине армянскую речь. Это хозяин магазина говорил с приказчицей. Значит, тут армяне, а я ведь тоже армянин. Я вошел в магазин и на армянском языке попросил показать мне часы. Я выбирал часы в течение двух часов, уплатил за них в два раза дороже их стоимости, но зато в процессе покупки я настолько сдружился с хозяином магазина, что он пригласил меня к себе на

следующий день. Так я завел первое знакомство в Константинополе. На следующий день мы уже обедали вместе в соседнем ресторане. Угощал я и, нужно сказать, довольно щедро. К концу обеда после обильного вина я ему рассказал о затруднениях с паспортом.

– О, это пустяковое дело. У меня в полиции масса друзей, клиентов. Завтра же с утра пойдем, и я все дело обделаю, успокоил меня мой новый знакомый.

На утро мы, взяв машину, поехали в 1-й отдел политической полиции, куда оказался переданным мой паспорт. Начальник отдела оказался приятелем моего купца. Отозвав его в сторону, он рассказал ему о цели нашего прихода, прибавив, что он меня давно знает, как крупного и честного купца. Тут же он меня представил полицейскому, который оказался довольно сговорчивым.

– Извините, что мы задержали ваш паспорт. Видите ли, сейчас много большевиков приезжают к нам в Турцию из России, а так как и вы приехали через Москву, то поэтому попали под подозрение. Теперь, конечно, раз вас рекомендует Эфенди (мой приятель), то я распоряжусь, чтобы немедленно вам вернули паспорт, – обратился ко мне начальник полиции. В виде благодарности полицейскому я передал моему купцу две двадцатидолларовые бумажки. Сколько он из этой суммы передал по назначению, не знаю, но, видимо, это еще более убедило полицейского в моей солидности.

– Эфенди, вы можете больше не приходить сюда, через час я пришлю вам паспорт в отель, – сказал он, пожимая мне руку.

И, действительно, не успел я вернуться в отель, как полицейский принес мне паспорт с соответствующими визами. С получением документа я почувствовал уверенность. "Теперь уже меня не арестуют и не выселят", – подумал я. Нужно и можно начать работу.

Глава XXIX. Фридрих Кейль

Прошло месяца полтора со дня моего приезда в Константинополь. За это время я успел много сделать. Я уже являлся владельцем экспортно-испортной конторы в центре Галаты. Стены моего бюро украшали портреты турецкого президента Кемаль-паши и персидского шаха Риза-хана. Правда я ничем пока не торговал, но это только поднимало мой авторитет, как способного купца, ибо все торговые операции ввиду рыночного застоя вели к убыткам. Я же ничего не терял. В моем бюро машинистка бойко стучала на машинке, составляя письма торговым фирмам Англии, Германии и Франции, адреса которых я выписывал из газетных объявлений. Мой конторщик целые дни бегал по городу, собирая справки о рыночных ценах на предполагаемые к продаже товары. Появились и знакомые купцы, которые, привлекаемые радушным приемом и частыми угощениями, заходили ко мне все чаще и чаще.

Так было положено начало организации нелегальной резидентуры ГПУ.

За это же время мне удалось установить связь с местным легальным резидентом ГПУ, работавшим в советском консульстве на должности атташе под фамилией Наумов. Через него стала поступать почта из Москвы. В одном из писем ГПУ прислало мне следующую инструкцию: "За последнее время наблюдается крен турецкой политики в сторону западной ориентации. В связи с этим встречается надобность организации разведывательной работы в Ангоре и наблюдении за развитием турецкой политики в дальнейшем. Вместе с тем с отъездом резидента Молотковского из Греции тамошняя агентура осталась без руководства, поэтому вам предлагается принять руководство работой в Греции. Аксельрод выехал через Европу в Египет. Проездом он будет в Константинополе и встретится с вами. Ввиду увеличения вашего района мы считаем необходимым, чтобы вы задержали Аксельрода в Константинополе и использовали по работе в Турции или Греции в качестве вашего помощника.

Наконец, приехал и Аксельрод. Встретились мы с ним на станции туннеля, соединяющего Галату с Пера. Маленького роста, с лоснящимся красным лицом, в роговых очках, одетый во все новое, он издала, увидев меня, улыбался. Я тоже был искренне рад его приезду. Ведь уже около двух месяцев я разыгрываю роль перса, не говорил на русском языке. Теперь есть с кем поговорить и поделиться впечатлениями. Наконец, у Аксельрода должны быть свежие новости из Москвы.

– Здравствуй, во-первых, скажи, под какой фамилией ты сейчас путешествуешь,- спросил я, подходя к нему.

– Фридрих Кейль, австрийский подданный, представитель Тимбер-Экспорт-Компании на Ближнем Востоке,- смеясь представился он мне, передавая свою визитную карточку.

– А я Нерсес Овсепьян, персидский подданный, коммерсант,- ответил я ему в тон, обмениваясь карточками.

– Пойдем куда-нибудь посидим и потолкуем,- предложил я. Через полчаса мы сидели за бутылкой красного вина в одном из ресторанов на Пера.

– Ну, расскажи сперва ты все по порядку, а потом я буду говорить,- обратился я к Аксельроду.- Во-первых, как ты ехал?

– Ехал я прекрасно. Выехал из Москвы в Ригу с австрийским паспортом на имя Фридриха Кейля. Другой такой же документ лежал у меня в запасе. По приезде в Ригу я взял запасной и, таким образом, уничтожил все следы пребывания в СССР. В Риге меня прекрасно принял мой дядя лесопромышленник Тейтельбаум, который в дальнейшем оказал мне большие услуги.

– А он знал, кто ты на самом деле и зачем ты едешь? – задал я вопрос.

– Как тебе сказать? Я ему объяснил, что мне нужно ехать в Египет с научными целями и что по некоторым соображениям мне пришлось переменить фамилию и подданство. Он, как будто бы, поверил, но ты знаешь,- это старый, толковый еврей. Он, видимо, кое о чем догадывался, но особенно не расспрашивал. Так вот, в Риге я провел еврейские праздники,- продолжал Аксельрод,- родственников у меня оказалось больше, чем я ожидал, и все они старались помочь, чем могут. По моей просьбе дядя дал мне представительство своей фирмы на весь Ближний Восток и вместе со мной пошел в местное английское консульство зарегистрировать мой мандат. При его же помощи я получил визы в Турцию, Сирию и Палестину. Оставалось получить египетскую визу, для чего нужно было ехать в Берлин, где имеется египетское посольство. Таким образом, все шло прекрасно. За всеми этими хлопотами я прожил в Риге две недели. Между прочим, дядя меня познакомил с норвежским консулом в Риге, с которым я настолько сдружился, что он пригласил меня в гости. Будучи в его кабинете, я заметил на столе пачку чистых норвежских паспортов и, представь себе, не мог удержаться от соблазна и один из них сунул себе в карман. Я привез этот паспорт сюда. Может быть, пригодится.

– Ладно, а как с Египтом? Получил ли ты туда визу? – спросил я.

– О, с египетской визой у меня была большая буза. Приехав в

Берлин, я пошел в египетское консульство за визой, а там мне заявляют, что они предварительно должны запросить Каир. Пришлось уплатить за телеграмму, чтобы ускорить ответ. Но это еще полбеды. Секретарем консульства оказался немец, бывавший в тех местах, откуда я по паспорту родом. Начались всякие расспросы. Еле-еле отвертелся от его вопросов. Получив египетскую визу, я очень соблазнился поехать через Париж – Марсель. Ведь подумай, я же ни разу не был в Париже. Но затем решил поехать через Стамбул и повидаться с тобой,- кончил рассказывать о своем путешествии Аксельрод.

– Ну и хорошо, что ты приехал сюда, а то пришлось бы возвратиться из Египта,- сказал я.

– Почему? Что случилось? – недоумевающе спросил Аксельрод.

– Я сам, признаться, не знаю, в чем дело. Москва распорядилась принять руководство работой в Греции и в Ангоре и в связи с этим предписывает задержать тебя здесь моим помощником,- ответил я.

– Да, странные дела вообще творятся у нас,- задумчиво сказал Аксельрод.- Перед моим отъездом ходили слухи, что Трилиссера снимают, якобы, за правый уклон и что вообще решили реорганизовать аппарат иностранного отдела. В партийных кругах говорили, что вся коллегия ГПУ стоит за Бухарина и Томского¹⁴⁵ и, якобы, Политбюро ЦК вызвало Менжинского, Ягоду и Трилиссера для объяснения, но наши оправдались. Главный козырь коллегии ГПУ был тот, что ведь агентура ГПУ выяснила переговоры между Бухариным и Каменевым, и ими же был выкраден дневник Каменева, благодаря которому Сталин поставил на колени и Бухарина, и Каменева,- рассказывал Аксельрод.- Да, забыл тебе сказать, Блюмкино ведь расстреляли. Мне передал эту новость Самсонов в Берлине,- добавил он.

– Я об этом уже знаю. Мне написали из Москвы. Так, ты не возражаешь против оставления тебя для работы со мной? – спросил я Аксельрода.

– Да что же, я очень рад. Только напрасно я потратил столько усилий и средств для подготовки поездки в

Египет. А так для меня еще лучше. Вместе веселей и безопасней,- уже более весело ответил Аксельрод, он же

Фридрих Кейль.

Глава XXX. Под флагом германской разведки

Прошло около месяца со дня приезда Аксельрода, благодаря уже протоптанным мною дорожкам и имевшимся связям, сравнительно быстро удалось легализовать его пребывание в Константинополе. Повсюду я рекомендовал его как моего компаньона. Таким образом, мы достигли прочности и укрепления нашей позиции. Нужно было начинать работать. Я нашел отдельную квартиру районе Шишли и оборудовал сносную фотолабораторию. В ближайшем будущем мы собирались установить радиоаппарат для непосредственной связи с Москвой. Оставалось приступить к вербовке агентуры. Обсудив положение и перебрав всех имевшихся у нас знакомых, мы решили остановить наше внимание на некоем Элмаяне. Это был один из наших знакомых купцов.

Шестидесятилетний старик с седой головой и большим животом доброго буржуа, Элмаян очень импонировал окружающей среде. Работая 30 с лишним лет в Константинополе комиссионером, он имел обширное знакомство во всех слоях общества. Имея добродушный вид толстяка, Элмаян был хитер хитростью армянина, сохранившего после всех перипетий в Турции не только жизнь, но и нажившего состояние. Коммерческая репутация его была ниже всякой критики. Из предварительного его изучения мы вынесли впечатление, что у Элмаяна один стимул – это деньги. За них он готов продать все и всех. Все эти его "качества" и остановили наш выбор на нем.

Я поддерживал с ним приятельские отношения и потому задачу вербовки взял на себя. Пригласив его как-то в один из ресторанов пообедать, я после долгих подходов перешел к интересовавшей меня теме.

– Я хотел вам сказать, господин Элмаян, что мой друг Фридрих Кейль вместе с коммерческой деятельностью также занимается журналистикой. Он состоит корреспондентом одной крупной немецкой газеты в Берлине и вот, приехав сюда, ищет хорошо знающего местные дела человека, который помогал бы ему собирать информационный материал для газеты. Не знаете ли вы подходящего для этого занятия человека? – спросил я.

– Почему же нет. Можно найти такого человека, но за эту работу придется кое-что платить,- ответил Элмаян.

– О да, конечно, Кейль будет платить. Вы знаете, как немцы аккуратны. Насколько я помню, он, кажется, ассигновал на это

дело что-то от 100 до 150 долларов,- сказал я.

Глаза Элмаяна заблестели. Он почувствовал своим старым нюхом добычу и, видимо, обдумывал, как бы лично сорвать такой лакомый кусок, как 150 долларов ежемесячно. Я решил ему помочь.

– А что если вам самим взяться за это дело, Элмаян-эфенди? Кто может лучше вас знать о турецких делах и иметь столько связей, сколько имеете вы? Я лично был бы очень рад рекомендовать вас Кейлю и дать возможность вам заработать. Не говоря о том, что вы много помогли в моих торговых делах, я хотел бы, чтобы эти деньги шли к вам, как армянину,- сказал я.

– Что же, я с удовольствием возьмусь за эту работу и надеюсь выполнить ее лучше всякого другого,- ответил Элмаян.

– Ну, и прекрасно. Я со своей стороны приложу все усилия, чтобы Кейль передал вам работу. Только скажите вкратце, на какие связи вы можете рассчитывать, чтобы я мог уговорить Кейля,- спросил я.

– Во-первых, у меня хорошие связи с турецкой полицией. Юдин из начальников отделений политический полиции – весь в моих руках и сделает все, что бы я ни попросил. Затем я имею знакомства почти во всех иностранных посольствах в Константинополе и могу у них получать нужные сведения.

– Что вы говорите? Даже у большевиков? – спросил я.

– Да, даже у большевиков. Я могу получить информацию везде, за исключением англичан. Наконец, может быть, Кейля будет интересовать армянская деятельность

в Турции, то я имею своим другом армянского епископа Г. Одним словом, я найду людей, где это будет нужно,- ответил Элмаян.

– Да, я тоже думаю, что вы имеете достаточно связей и лучше всех справитесь с работой. В особенности то, что вы можете получить сведения о большевиках, очень важно. Насколько я понял Кейля, немцы очень интересуются работой большевиков,- сказал я, давая ему понять, что Кейль в конце концов работает для немцев.

На этом мы остановились, условившись встретиться через пару дней у него в квартире, когда я передам ему результат моего разговора с Кейлем.

В ближайшую пятницу я пришел к Элмаяну на квартиру. Он жил недалеко от меня в том же районе Шишли. Элмаян, видимо, с нетерпением ожидал моего прихода, ибо, войдя в гостиную, я заметил приготовленное угощение. Быстро нам подали кофе, и мы остались в комнате одни.

– Ну, все идет прекрасно. Я говорил с Кейлем и так расхвалил

вас, что он сразу согласился, чтобы вы работали на него. Жалованья я добился для вас 150 долларов в месяц. Кроме того, он обещал, что если работа пойдет хорошо, он будет платить и больше. Важно, чтобы в Берлине остались довольны,- сказал я.

– Очень рад. Как раз вчера был у меня мой приятель из полиции, и я уже его подготовил к тому, чтобы получить нужные Кейлю сведения,- ответил Элмаян.

– Вот и хорошо. Начните с полиции. Неплохо на всякий случай иметь своего там человека. А пока что пусть он передаст вам на несколько часов почитать доклады, которые он посылает в министерство внутренних дел в Ангору. Там, вероятно, найдутся интересные для Кейля сведения,- предложил я.- Кстати, я вам принес и деньги за первый месяц работы,- продолжал я, вынимая бумажник,- только мы должны предварительно проделать некоторые формальности. Вы должны выбрать себе псевдоним, которым будете подписывать все ваши рапорты и денежные расписки, и, кроме того, Кейль просил две фотографические карточки.

– Я как раз имею карточки,- сказал Элмаян и, поднявшись, достал две карточки из стола,- что касается псевдонима, то это вы придумали хорошо, а то я затруднился бы подписывать бумаги своей фамилией. Я возьму псевдоним "Малоян",- ответил он.

Хорошо, подпишите денежную расписку и ваши фотокарточки псевдонимом,- предложил я.

Передав мне нужные бумаги, Элмаян пересчитал переданные мною ему деньги и аккуратно вложил их в свой объемистый бумажник. При этом он так на меня смотрел, точно подозревая, что я, вероятно, получил от Кейля для него денег в два раза больше, но половину утаил для себя в виде комиссионного вознаграждения. Я понимал этот взгляд и внутренне усмехался. Пусть думает – так-то лучше. Пусть думает, что я в этом деле только посредник, так же, как он думает, что работает на немцев... – = = Менее риску, больше дела.

Нужно отдать справедливость, Элмаян работал не за страх, а за деньги. Он полностью заслужил полученное им жалованье. Но прибавки так и не дождался. Кейль вскоре уехал с докладом в Москву, а я... а я в Париж. Но об этом ниже.

Глава XXXI. Между двух огней

Поздно ночью собрались на моей квартире я, местный резидент ГПУ Этингон-Наумов и приехавший из Москвы бывший резидент ГПУ в Греции Молотковский. Мы собрались на совещание. Этингон, элегантно одетый молодой парень, больше интересовался граммофоном, который время от времени заводил. Молотковский, наоборот, очень озабочен своей миссией и задумчив.

– Так вот, Агабеков, ты не раз был резидентом, и ты поймешь меня лучше других. Я положил столько сил для организации агентуры в Греции и вдруг мне предложили все бросить и ехать в Москву. Еле-еле добился в Москве, чтобы разрешили передать агентуру тебе, а то ведь хотели просто бросить на произвол судьбы. Сейчас в Москве сидят новички, ни черта не смыслящие в работе. Это – чиновники, а не чекисты. Ну, подумай, разве можно отпустить таких источников, как 3/33 или 3/21? А всю агентуру в военном министерстве? Попробовали бы сперва сами завербовать хоть одного источника, тогда бы знали им цену,- рассказывал возмущенно Молотковский.

– Ладно, а как ты мыслишь передачу мне твоей агентуры в Греции? – спросил я.

– По-моему, ты сам лично должен поехать в Афины с паролями и явками, которые я тебе передам, и связаться с агентурой. А в дальнейшем установишь регулярную связь,- предложил Молотковский.

– Все это хорошо, но не забудь, что я здесь в Турции без году неделя и недостаточно укрепился, чтобы разъезжать. Кроме того, у меня нет подходящего мотива для поездки в Грецию, поэтому моя поездка может вызвать подозрение,- возразил я, не имея никакого желания глубже влезать в работу.

– А что ты предлагаешь? – спросил Молотковский.

– Я думаю, было бы лучше, если поедет принимать сеть Наумов. Он бы одновременно поддерживал с ними сношения, пока я окончательно не укреплюсь, и затем передал бы их мне для руководства,- ответил я.

– Что ты на это скажешь, Этингон? – спросил его Молотковский.

– А мне все равно, если хотите – поеду в Грецию и приму сеть. Провала я не боюсь. Скорей тогда поеду в Москву. Признаться, надоела мне вся эта работа. А теперь после ухода Трилиссера в особенности. Как только вернусь в Москву, не останусь работать в ГПУ, уйду куда-нибудь,- равнодушно ответил

Этингон-Наумов.

– А как, есть у тебя возможность поехать в Афины? – спросил его Молотковский.

– Это пустяки. Послезавтра я поеду в Ангору и попрошу Сурица послать за визой. Скажу, что еду в отпуск,- ответил тот.

– Итак, решено. Наумов примет агентуру в Греции и передаст затем тебе,- заключил Молотковский.

Через неделю Этингон, получив визу, выехал в Грецию, а Молотковский вернулся в Москву.

Это было в то время, когда я все больше приходил к выводу, что я не могу работать для ГПУ. Получаемые из СССР письма были полны жалоб на методы, применяемые Центральным Комитетом партии по проведению пятилетки. В одном из писем от моих партийных товарищей писалось: "Методы нашей работы и темп жизни для нас сейчас не новый. Это – копия эпохи военного коммунизма минус революционный энтузиазм". Я решил порвать с ГПУ. Но как? Я по опыту знал, что ГПУ постарается меня немедленно уничтожить в случае малейшего подозрения. Нужно было все основательно обдумать и

подготовить. И я стал готовиться. В первую голову я стал вести записки деяний ГПУ и ее агентуры, известной мне, на случай, если я погибну раньше, чем сумею сказать свое слово. Затем я стал осторожно выяснять, в какую страну я могу выехать, где бы мне не могли угрожать большевистские агенты. А пока я подготавливался, мне стала грозить беда с другого конца.

Был конец апреля 1930 года. Я завтракал в доме хорошего знакомого купца, где меня принимали как родного. Вопреки обыкновению, на этот раз все члены семьи за столом были угрюмы, а сам купец изредка бросал в мою сторону жалостливые взгляды. Я, зная их отношение ко мне, ничего не понимал. Наконец, завтрак был закончен, и глава семьи, встав, обратился ко мне:

– Нерсес, мне нужно поговорить с вами по делу. Перейдем в гостиную, нам подадут туда кофе.

Когда мы остались одни, он долго маялся и не знал, как начать, но, наконец, видимо, решился и сказал:

– Вы знаете, как я и моя семья относимся к вам, и поэтому я решился сказать вам то, чего не должен был бы говорить. Дело в том, что за вами следит турецкая полиция. Вчера об этом передал мне один мой старый знакомый, у которого тайная полиция наводила справки о вас,- сказав это, бедный старик смотрел на меня и ждал впечатления, произведенного на меня его словами. Сам он буквально дрожал.

Я слушал его наружно спокойно и изредка похлебывал кофе.

– Что же вы мне советуете делать в связи с этим? – спросил я.

– Я думаю, что вам нужно немедленно уехать отсюда,- ответил он. Видимо, он уже заранее обдумывал этот вопрос, ибо ответил, не задумываясь.

– Да, но в конце концов, зачем я должен бежать? Я в турецкие дела не вмешиваюсь и за собой никаких грехов не знаю. Занимаюсь здесь своей торговлей и не знаю, почему мне может угрожать полиция. Наконец, я персидскоподданный, и турки не посмеют без причины тронуть меня,- сказал я, стараясь успокоить моего доброжелателя.

– Конечно, если вы за собой ничего не чувствуете, то особенно бояться нечего, но мало ли что может случиться? Не забудьте, что вы армянин по национальности живете не где-нибудь, а в Турции. По моему, все-таки Вам лучше уехать куда-нибудь,- настаивал он.

– Нет, я сейчас никуда не поеду,- сказал я после некоторого раздумья,- у меня не ликвидированы дела , наконец, лежит большая партия непроданного товара. Но вот что, большое вам спасибо за предупреждение. Что о мной случится, это в конце концов неважно, но я не хочу, чтобы в случае чего-нибудь со мной, вы могли иметь неприятности, поэтому, пока это дело не выяснится, я прошу разрешения не бывать в вашем доме.- Я попрощался и ушел, чтобы больше не приходить к людям, которые были так искренни и бескорыстны ко мне в самый критический для меня момент. Прошло дня два после этого знаменательного для меня разговора, после которого я понял, что отныне я нахожусь между двух огней. С одной стороны, большевики могли узнать, что я решил их покинуть и принять меры, а с другой,- меня начала преследовать турецкая полиция.

Я, сидя в своем бюро, обдумывал создавшееся положение, как вдруг раздался короткий стук в дверь. Не успел я ответить, как дверь открылась и вошли два полиейских в сопровождении управляющего домом.

– Ну, это пришли за мной,- подумал я, встав с места и запустив руку в карман, где я хранил браунинг. Еще при найме своего бюро я предвидел возможность моего ареста в конторе. В случае такой попытки я решил не сдаваться, а, пользуясь расположением конторы под самой крышей, бежать через крыши соседних домов и скрыться в одной из наших конспиративных квартир, откуда уже легко было бы сесть на советский пароход, встав из-за стола и подойдя к смежной двери, через которую я мог в случае надобности скрыться, я спросил полицейских в чем дело.

– Мы пришли проверить контракты всех жильцов этого дома,- любезно ответил один из полицейских.

Я сразу успокоился и, достав контракт, передал им. Проверив документ, полицейские ушли, а я из окна продолжал наблюдать за ними. Меня интересовал вопрос, проверяют ли они документы у всех или только у меня, я окончательно успокоился, увидев, что они обходят всех моих соседей.

Вечером, выйдя из конторы на улицу, я, однако, заметил, что за мной следят. Два субъекта неотступно следовали за мной, то забегая вперед и затем дожидаясь

у витрин, пока я пройду вперед, то отставая и прячась за углами. Я также следил за ними, останавливаясь у магазинов и разглядывая в зеркала витрин их лица на противоположном тротуаре. Невольно я сравнивал их работу с работой наших секретных агентов в Москве. Да, не мешало бы турецкой полиции взять несколько уроков по слежке у агентуры ГПУ.

Помню, будучи в Москве, я дал задание нашей агентуре установить наружное наблюдение за турецкой миссией в Москве. Желая убедиться, насколько добросовестно выполняется задание, я к вечеру сам пошел проверить посты. Но к моему удивлению после получасовых поисков у здания турецкой миссии я никого из наших не нашел. Еще больше было мое удивление, когда я на следующее утро пришел на службу с решением дать нагоняй агентуре и нашел у себя на столе сводку лиц, посетивших турецкую миссию. В этой же сводке фигурировал и я, как пробывший полчаса у здания миссии. Оказалось, что я агентов не видел, но они меня зато прекрасно видели. А турки? Они просто бегали за мной, и, чтобы избавиться от них, я просто взял проезжавшее такси и уехал, предоставив им догонять меня, если у них хорошо тренированы ноги.

Итак, эти наблюдения меня не беспокоили. Наоборот, они показывали, что турки меня в чем-то подозревают, но, не имея конкретных данных, хотят их получить. Я же прекратил всякую работу и знал, что нужного козыря против меня им не найти.

Но вместе с тем я видел, что атмосфера накаляется, и решил готовиться к отъезду. Я обратился за визой в одно из иностранных консульств, но получил отказ. Я искал повод для обращения в другое консульство.

Прошел еще месяц. Наружного наблюдения за собой в последние дни я уже не замечал и решил, что туркам надоело следить за мной. Между тем мне понадобилось по личному делу пойти в персидское консульство. Войдя в здание, я был встречен служителем консульства.- Я персидский подданный, коммерсант Нерсес Овсепьян, хочу видеть консула для получения удостоверения,- обратился я к служителю.

– Так это вы Нерсес Овсепьян? – с любопытством спросил

служитель, разглядывая меня.

– Да, а в чем дело? – спросил я, поняв, что тут что-то неладно.

– Дело в том, что вчера приходил агент тайной полиции и наводил справки о вас,- ответил он.

У меня захватило дыхание. Значит, дело приняло серьезный оборот, раз полиция решилась обратиться в консульство.

– Так, так, а что вы им ответили? – задал я вопрос.

– Ничего особенного. Мы ответили, что консульство вас не знает. А у вас паспорт с собой? – спросил служитель.

– Да, пожалуйста,- ответил я, подавая ему мой фальшивый паспорт.

– Подождите здесь, я доложу консулу,- сказал он и скрылся с паспортом за дверьми, неплотно закрыв их. Прошло минут пять. Закурив папиросу, я, прогуливаясь по коридору, заглянул в щель двери, в которую ушел служитель, и увидел, что кто-то, сидя за столом, разглядывает листы моего паспорта на свет. "Хорошее положение, нечего сказать,- подумал я, отходя от двери,- а вдруг он обнаружит, что паспорт фальшивый? Что тогда делать? Может быть, не дожидаясь паспорта, мне бежать сейчас? Но тогда они сразу поймут, в чем дело, и позвонят в турецкую полицию. Нет, лучше подождать, а там видно будет. Бежать никогда не поздно",- решил я,- нащупывая неразлучный револьвер. Прошло еще десять минут. Наконец, служитель вышел с паспортом и, передавая мне, сказал:

– Сегодня уже поздно, зайдите за удостоверением завтра. В это же время у двери стоял человек, разглядывавший мой паспорт и внимательно в упор смотрел на меня, точно сравнивая меня с фотографией на паспорте.

Я поблагодарил и, повернувшись, направился к выходу. Я чувствовал, что глаза служащих устремлены мне в спину, и мне хотелось бежать изо всех сил. Но напряжением воли я заставил себя идти спокойно, не спеша, пока я не вышел за ворота консульства.

На следующий день у меня не хватило больше смелости вновь пойти в консульство. "Но не пойти, тоже могло вызвать подозрение",- подумал я и решил позвонить по телефону. Быстро разыскав в телефонной книжке номер консульского телефона, я позвонил. На мое счастье у телефона был вчерашний служитель.

– Это говорит Нерсес Овсепьян. Я, к сожалению, очень занят, так как должен продать партию товара. Не будете ли вы так любезны прийти ко мне в контору с моим удостоверением? Заодно увидите мою контору,- пригласил я его.

– Хорошо, я буду к пяти часам в вашем районе и зайду к вам,-

ответил служитель.

В пять часов он пришел. Старый служащий, с мизерным жалованьем, обремененный большой семьей. Таким оказался он после часовой беседы со мной, в течение которой мы основательно подружились. Получив перед уходом от меня пятьдесят лир за услуги, он усиленно жал мне руку и сказал:

– Будьте спокойны, господин Овсепьян, я вижу, что вы – богатый купец, и скажу консулу все, что полагается. Насчет полиции также не беспокойтесь. Отныне консульство за вас будет ручаться. Всегда я буду рад помочь вам, чем могу.

Я его тоже благодарил и пригласил заходить почаще. Прошла еще неделя. Однажды пришел ко мне один из моих секретных агентов.

– Господин Овсепьян, я вас очень уважаю, но, признаться, у меня семья, и я больше не могу рисковать работать для вас. Я узнал из достоверных источников, что секретная полиция усиленно интересуется вашей личностью, и предупреждаю вас.

– Ну, что же, спасибо за предупреждение. Давайте расстанемся друзьями,- прощался я с ним.

Итак, нужно действовать. "Дальше с огнем играть опасно",- решил я. Нужно во что бы то ни стало выехать из Турции. Но куда? Конечно, туда, где больше всего гарантий от большевиков. Где больше русских, где сейчас нашел приют Беседовский, порвавший с парижским полпредством. В Париж, откуда я смело и открыто могу сказать все, что накопилось в душе.

Я вызвал по телефону служителя персидского консульства, который уже был со мной на положении друга.

– Я хочу поехать на один месяц по торговым делам в Париж, не сможешь ли ты получить мне визу? – спросил я его.

– С удовольствием. Французы никому в визе не отказывают. Давайте поедem во французское консульство хоть сейчас,- предложил он.

Взяв машину, мы поехали на такси. Несмотря на толпу посетителей, мы быстро попали к консулу и через четверть часа вышли из консульства с готовой визой.

Еще два дня на сборы, и в четверг 19 июня я погрузился на пароход "Тадла", шедший в Марсель. Еще вчера я имел свидание с Этингоном-Наумовым, который передал мне, что Москва удивляется моему длительному молчанию и требует присылки материалов. Я обещался встретиться с ним в субботу и передать почту для Москвы. Сегодня я уже на пароходе. Еще несколько минут – и прощай Стамбул с твоими прекрасными берегами и всем пережитым мною здесь за эти девять месяцев. В субботу вечером, когда Наумов будет ждать меня на мосту Галаты с

почтой для Москвы, я уже буду у Неаполя.

Пароход тронулся и медленно отошел из Галаты, с того места, куда я прошлой осенью причалил, как резидент ГПУ, как защитник диктатуры Сталина. Теперь я отъезжал, как эмигрант, как враг этой диктатуры. Мы вышли в Мраморное море. Всю ночь я не спал. Я все еще боялся погони, пока пароход был в турецких водах. Но вот начало рассветать. Вдали показались контуры Пирея¹⁴⁶. Мы были уже в Греции. Я стоял на борту и смотрел на приближавшийся берег. Нет больше непосредственной опасности. Я вынул из кармана револьвер, с которым я не расставался со дня революции в России. Посмотрел в последний раз на своего верного долголетнего спутника и медленно, с сожалением, разжал пальцы. Он отвесно по борту нырнул в темно-синее зеркальное море.

Прощай, ты мне больше не нужен.

Заключение

Когда я сидел в редакции "Последних новостей"¹⁴⁷ в Париже и разговаривал с журналистами, то один из них спросил меня – не боюсь ли я, что ГПУ расправится со мной? На это я, помню, ответил, что непосредственная опасность грозит мне до тех пор, пока я не опубликовал своей книги, а потом мне будут мстить лишь при удобном случае.

Зная великолепно нравы и обычаи ГПУ, я сделал такой вывод и не ошибся.

Спустя три месяца после разрыва с ГПУ, уже проживая в Бельгии, я получил из Парижа одно за другим два письма от некоего Измаила Гаджиани, в которых он просил встречи со мной по важному делу.

С Гаджиани я еще в родном городе учился в одной гимназии. Затем, уже в годы революции, когда я был резидентом ГПУ в Мешед, один из его братьев работал секретно для меня. Наконец, с самим Измаилом я в период пребывания в Москве, где он имел коммерческую контору, не раз встречался и знал, что он является секретным агентом контрразведывательного отдела ГПУ.

Итак, получив его письма, я предположил, что его приезд в Париж был связан с делами ГПУ, и, приняв соответствующие предосторожности, согласился встретиться с ним в Брюсселе.

Встретились мы на одной из главных улиц, как два брата, и тут же зашли в одно из бесчисленных кафе поговорить по душам.

– У меня имеются для тебя два письма,- начал Гаджиани,- но прежде чем передать их тебе, я хочу спросить тебя, что значат твои статьи в "Последних новостях"?

– Как что? Это началась печататься моя книга о работе ГПУ,- ответил я.

– Да что ты, в самом деле, порвал с ГПУ, что ли? – недоумевающе спросил Гаджиани.

– Давай лучше мои письма. Почитаем, а потом поговорим на эту тему,- сказал я, почувствовав что-то неладное и желая из писем предварительно узнать в чем дело, дабы знать, какой тон взять с Гаджиани.

Гаджиани передал мне письма. Одно из них было написано по-армянски, а другое на персидском языке.

В первом письме, датированном 25 июля, было буквально следующее:

"Дорогой Стон (мой псевдоним в Константинополе)!

Давно ничего не пишешь. Наверное, еще не имеешь связи. Из Константинополя также много не писал. Теперь ты, наверное, еще

меньше времени будешь иметь, что бы писать мне. Ты теперь находишься в таком месте, куда очень стремился попасть.

Моего посланца ты должен знать. Он хороший и преданный парень. "С" с ним отправил мне письмо, в котором пишет, что заместитель "Старика" очень рад, что мы стоим на нашем посту, и довольны нашей работой. Ты помнишь, что ты говорил, что только армяне могут хорошо работать. Если "Старик" на тебя очень полагался, то теперь вновь назначенным нужно доказать, что мы можем делать еще более крупные дела.

Наша "торговля" идет хорошо. "Короткого" отправили обратно; "Красивый" останется несколько месяцев, затем уедет. Ожидаем новых.

Скоро я приготовлюсь ехать туда, о чем мы с тобой много думали, и, как я говорил, я буду там первым. Почти все готово. Еду один. От "Бороды" отошел. Увидимся – расскажу почему.

Мой посланец, как видно, назначен для связи между такими, как мы. С ним ты можешь написать несколько слов. У тебя очень интересная работа, и ты о ней мечтал. И если сумеешь провести... Последнее время "Заря" хорошего мнения о тебе и верит, что эту работу ты сделаешь лучше, чем все другие.

Мне кажется, что "Заря" устал и хочет вернуться. "С" пишет, что есть новости о партийной жизни. Мы тоже, как ты, очень поздно узнаем об этом. Не знаю, как ты, но мы кое-когда читаем наши газеты. Нам дает "М", с которым мы встречаемся в неделю раз.

Скоро, вероятно, с тобой систематически свяжутся, и мы надеемся переписываться с тобой.

Я очень бы хотел также попасть в "П", конечно, сейме не пустят. Поеду, приеду, посмотрим.

Привет, пожелания здоровья и удачи. К."

Подписано письмо было К. Кеворкяном, если читатель помнит, одним из моих помощников в Москве.

Прочитав письма, я сразу понял игру ГПУ. Узнав через агентуру в Париже о том, с каким недоверием я был встречен в Париже, что было естественно после моей десятилетней работы в ЧК, ГПУ решило этими письмами окончательно внушить недоверие ко мне, а отсюда и к тем разоблачениям, которые я сделал бы.

– Теперь расскажи по порядку о твоей поездке, – обратился я к Гаджиани, после чтения писем.

– Два месяца тому назад меня вызвал к себе заместитель начальника ИНО Артузов. Когда я пришел к нему в кабинет, там сидели Триандафилов и Кеворкян. Артузов мне сказал, что "мы поручили товарищу Агабекову очень крупную работу в Париже,

куда он поехал нелегально. Но мы потеряли с ним связь, которую необходимо установить. Вам необходимо поехать в Париж и, увидевшись с ним, передать ему наше письмо". Я согласился на предложение Артузова и, получив 1000 долларов на дорогу, выехал из Москвы. С визами у меня не было затруднений, ибо я имел персидский паспорт. Приехав в Париж, я по инструкции ГПУ остановился в гостинице "Англетер", где, по их сведениям, должен был проживать и ты. Но наведя справки, я выяснил, что ты оттуда давно переехал. Я продолжал поиски и, наконец, из газет узнал, что ты в Бельгии. Узнав об этом, я телеграфно сообщил в Москву, испрашивая дальнейших инструкций. На эту телеграмму я получил ответ, что "Агабеков не в Бельгии, а в окрестностях Тулона живет на одном из военных заводов", куда ГПУ предлагало мне ехать и найти тебя.

Чем дальше рассказывал Гаджиани, тем ярче я представлял себе дьявольский план провокации ГПУ. Мне было ясно, что Артузов решил пожертвовать Гаджиани, чтобы погубить меня. Он сознательно направил его с персидским паспортом, т. е. таким же, какой был у меня в Константинополе, в Париж и велел остановиться в той же гостинице "Англетер", где останавливался я. Расчеты Артузова были основаны на том, что Гаджиани, двигаясь по пути Агабекова и разыскивая его, обратит на себя внимание полиции, которая при обыске найдет у него письма ГПУ, компрометирующие Агабекова. Меня заинтересовала роль Гаджиани. Знал ли он, на что идет?

– Скажи, пожалуйста, Исмаил, ты знаешь, что мне написано в письме из ГПУ,- спросил я его.

– Нет, я не знаю армянского языка, но Коля мне сказал, что письмо зашифровано и даже в случае, если оно попадет в посторонние руки, не может вызвать подозрений,- ответил Гаджиани.

– Ну, ладно, продолжай рассказывать дальше.

– Так вот, получив приказ ГПУ, я поехал в Тулон и разыскивал там тебя в течение шести дней и, не найдя, возвратился в Париж. По приезду я решил обратиться за твоим адресом в "Последние новости", где начали печататься твои статьи. Там мне отказались сообщить адрес, но согласились переслать тебе мои письма. Вот как я тебя нашел после полуторамесячных поисков,- закончил Гаджиани.

Из всего его рассказа и поведения я заключил, что он не знал подлинных намерений ГПУ. Я решил открыть ему глаза.

– Слушай, Исмаил, я на самом деле порвал с ГПУ. Это не трюк, как тебе объяснили в ГПУ. Доказательством тому написанная мною книга, которая сейчас публикуется в

"Последних новостях". Чтобы отомстить мне, ГПУ решило принести тебя в жертву, послав ко мне с этими исьмами. Они нарочно посылали тебя в Париж и Тулон, надеясь, что полиция задержит тебя с ними, чего к моему с тобой счастьем не случилось.

– Нет, я не могу поверить тому, что они так играли моей жизнью,- ответил Гаджиани,- я сейчас пошлю телеграмму в Москву о том, что я тебя нашел, и ты увидишь, что они дадут деловую инструкцию.

– А я уверен, что они, получив твою телеграмму, они поймут, что их игра не удалась и не ответят тебе,- ответил я.

– Если они не ответят, то я тебе поверю,- сказал Гаджиани.

В тот же день он послал телеграмму в Москву. Через три дня еще одну. Но, конечно, ответа не было. Я был прав. Я слишком хорошо знал методы тех, с кем я работал десять лет, чтобы ошибиться.

Гаджиани, пробыв со мной неделю, уехал в Берлин. Книга моя к этому времени вся была опубликована. Я уже перестал ожидать непосредственного нападения со стороны ГПУ.

Они постараются расправиться со мной при удобном случае. Поживем – увидим.

КОММЕНТАРИИ

1. "Уральский рабочий" – орган Свердловского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов. Издавался с 1 февраля 1907 г. под названием "Рабочий".

2. Войска ВНУС (Войска внутренней службы) – специальные воинские формирования, выполнявшие задачи по охране тыла в РСФСР с 1920 г. Были созданы постановлением Совета Труда и Обороны от 1 сентября 1920 г. В их состав вошли войска ВОХР (Войска внутренней охраны республики), караульные части, войска обороны железнодорожной прифронтовой полосы, транспортная (железнодорожная и водная) милиция. Войска ВНУС находились в подчинении НКВД и главкома Вооруженных Сил. Высшим органом их управления являлся штаб Войск ВНУС во главе с командующим. Войска ВНУС включали 363 формирования, дислоцировавшиеся в 9 военных округах на 3 фронтах, 17 железных дорогах и в 2 водных областях. К концу 1920 г. численность Войск ВНУС составляла 360 тыс. человек (14 дивизий и 18 бригад). Они охраняли пути сообщения, наиболее важные предприятия, склады, учреждения связи и другие объекты, вели борьбу с бандитизмом. Постановлением СТО от 24 ноября 1920 г. на них была возложена также охрана государственных границ. 19 января 1921 г. Войска ВНУС, из состава которых были выведены войска ВЧК, железнодорожная и водная милиция, постановлением СТО были переданы в военное ведомство.

3. Заведующий учраспредом – заведующий отделом по учету и распределению кадров губкома партии.

4. Начсоч – начальник секретно-оперативной части.

5. Бухарская народная советская республика (БНСР) – провозглашена на территории бывшего Бухарского эмирата 8 октября 1920 г. Высшие органы власти – Всебухарский ревком во главе с А. К. Мухитдиновым и Совет народных назиров. В состав последнего вошли наряду с коммунистами представители других партий. Возглавлял Совет Ф. Ходжаев. В октябре 1920 г. правительство РСФСР признало БНСР суверенным государством. 4 марта 1921 г. в Москве делегация БНСР во главе с М. Мансуровым заключила между РСФСР и БНСР союзный договор и экономическое соглашение. В марте 1921 г. правительство республики заявило о своем намерении жить в полном согласии с Афганистаном. С конца 1920 г. до середины 1921 г. правительство РСФСР выдало БНСР безвозмездную денежную ссуду в сумме 4 млрд. руб. и в дальнейшем выдавало по 2 млрд.

руб. ежемесячно, поставило мануфактуру, нефть, железо, медикаменты и другие товары. БНСР обязалась поставлять для текстильной промышленности РСФСР хлопок, шерсть и другие продукты сельского хозяйства. Правительство республики провело ряд преобразований: поэтапно осуществлялась конфискация эмирских и бекских земель и передача деханам; для решения национального вопроса были созданы специальные отделы при правительстве; провозглашено равноправие (сенщин. В сентябре 1921 г. утверждена конституция республики. 9 сентября 1924 г. БНСР перестала существовать как суверенное государство и была преобразована в Бухарскую советскую социалистическую республику (БССР). БССР ликвидирована в процессе национально-государственно го размежевания республик Средней Азии: частично территория ее вошла в состав Узбекской, а частично | состав Туркменской и Таджикской ССР.

6. Каган (до 1935 г.- Новая Бухара) – город с 1929 г. центр каганского района Бухарской области Узбекской ССР.

7. Энвер-паша (1881 – 1922) – один из лидеров младотурок – урецкой националистической организации "Единение и прогресс", орошейся против абсолютизма и в 1908 г. свергнувшей режим ултана Абдул-Хамида II. Глава триумвирата, управлявшего Турцией о время 1-й мировой войны. В 1918 г. бежал из Турции, впоследствии примкнул к басмачам, боровшимся с советской властью на ерритории бывшего Бухарского эмирата. Убит в бою с отрядом фасной Армии.

8 . Карши (в 1926- 1937 гг.- Бек-Буди) – город, центр Кашкарьинской области.

9. Гузар – селение, город с 1977 г. Районный центр Кашкарьинской области.

10. Правильно Денау – город, центр Денауского района Сурхан-1,арьинской области Узбекской ССР.

11. Правильно иншаллах (арабск.) – если богу угодно.

12 Воронин Н. М.- член Реввоенсовета Туркестанского фронта 23 июня 1921 г. по 30 октября 1922 г.

13. Начразведупр – начальник Разведывательного управления. 14.

Сантонин – производное природных углеводов, содержащиеся листьях и соцветиях цитварной полыни. Имеет слабое наркотическое действие.

15. Зиновьев (Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883- 1936) – участник революции 1905- 1907 гг., избирался членом Петербургского комитета РСДРП. С 1908 г. в эмиграции. 3 апреля 1917г. Вместе Лениным и другими политэмигрантами возвратился в Петроград. С декабря 1917 г. по март 1926 г.-

председатель Петроградского Совета. В годы гражданской войны – председатель Комитета революционной обороны Петрограда, председатель СНК Петроградской рудовой коммуны, член Реввоенсовета 7-й армии. Инициатор массовых расстрелов офицеров в городе. В 1919- 1926 гг.- председатель исполкома Коминтерна. В 1927 г. за оппозиционную деятельность был исключен из ВКП(б), в 1928 г. восстановлен. В последующие годы работал в правлении Центросоюза и в Наркомпросе РСФСР. В 1932 г. вновь был исключен, в 1933 г. опять восстановлен в партии. 6 декабря 1934 г. арестован и в январе 1935 г. приговорен к расстрелу по делу "троцкистско-зиновьевского объединенного центра". В 1988 г. посмертно реабилитирован.

16 Коминтерн (Коммунистический Интернационал) – международная организация (1919- 1943), объединявшая компартии различных стран. Руководящие органы находились в Москве. Фактически была подчинена Политбюро ЦК ВКП(б). Состоялось 7 конгрессов Коминтерна: 1-й учредительный (март 1919 г.), 2-й (июль – август 1920 г.), 3-й (июнь – июль 1921 г.), 4-й (ноябрь – декабрь 1922 г.), -и (июнь – июль 1924 г.), 6-й (июль – сентябрь 1928 г.), 7-й (июль – август 1935 г.). Распущен решением Президиума Исполкома 15 мая 1943 г.

17. Межлаук Иван Иванович (1891 – 1938) – член РКП(б) с 1918 г., окончил историко-филологический (1912) и юридический (1916) факультеты Харьковского университета. В январе – марте 1918 г.- комиссар юстиции и председатель ревтрибунала в Харькове. С апреля 1918 г.- секретарь Казанского Совета, комиссар батальона, с июня – губернский военный комиссар, член губкома РКП (б), в августе – декабре командовал войсками Приволжского военного округа, позднее – член Реввоенсовета 7-й, а затем 4-й армий. С 1921 г. на хозяйственной и партийной работе. В 1924- 1925 гг.- секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана. В 1931 – 1936 гг.- секретарь Совета труда и обороны. Член ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

18. Имеется в виду 30-градусная водка, впервые после "сухого" закона внедренная в производство на государственных ликеро-водочных заводах и реализовавшаяся через торговую сеть при Председателе СНК А. И. Рыкове. Получила неофициальное название по его фамилии.

19. Заворгот – заведующий организационным отделом комитета партии.

20. Хабибулла-хан (1870- 1919) – эмир Афганистана с 1901 г. В начале правления под влиянием патриотических кругов пытался проводить реформы по укреплению центральной власти и развитию экономики. Во внешней политике стремился ослабить

зависимость страны от Великобритании. Во время 1-й мировой войны придерживался политики нейтралитета. В последние годы царствования проводил проанглийскую политику. Убит при неизвестных обстоятельствах.

21. Аманулла-хан (1892- 1960) – король Афганистана в 1919-1929 гг. Возглавил освободительную войну против Великобритании, в которой с помощью поддержки РСФСР одержал победу. В 1919 г. добился признания полной независимости Афганистана. В 1921 заключил с РСФСР договор о дружбе, а в 1926 г.- с СССР договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В результате мятежа был свергнут и эмигрировал. В стране воцарилась династия Надир-шаха, правившая до июля 1973 г.

22. Чимбай – город, центр Чимбайского района Каракалпакской АССР Узбекской ССР.

23. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879- 1940) – основоположник одного из главных направлений марксизма в XX столетии. Участвовал в социал-демократическом движении с 1897 г., примыкал к меньшевикам. Участник революции 1905- 1907 гг. Избирался председателем Петроградского Совета рабочих депутатов. В 1907- 1917 гг.- в эмиграции. Возвратившись в Россию, стал большевиком. Участвовал в подготовке Октябрьской революции; в 1917- 1918 гг. народный комиссар по иностранным делам; 1918- 1924 гг.- нарком по военным и морским делам. Председатель Революционного военного совета Республики, одновременно в 1920- 1921 гг.- нарком путей сообщения. 26 января 1925 г. постановлением Президиума ЦИК СССР был освобожден от руководящих военных постов. В 1925- 1926 гг.- член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главного концессионного комитета, начальник Электротехнического управления и председатель Научно-технического управления промышленностью. В 1927 г. исключен из ВКП(б). Основной соперник Сталина в борьбе за власть. Выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при коллегии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по обвинению в контрреволюционной стельности (статья 58, пункт 10 Уголовного кодекса) 18 января 1929 г. Покинул страну 11 февраля, до 17 июля 1933 г. жил в Турции, затем во Франции и Норвегии, а с 9 января 1937 г.- в Мексике. Умер 1 августа 1940 г. в Мехико от раны, нанесенной ему за день до этого агентом НКВД Рамоном Меркадером дель Рио. Убийца Троцкого стал Героем Советского Союза, был освобожден из мексиканской тюрьмы в 1960 г., жил в Чехословакии, на Кубе и в СССР под именем Рамона Ивановича Лопеса, умер в 1978 г.

24. Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883- 1936) – участник революции 1905- 1907 гг. в 1917 г.- один из редакторов газеты "Правда", представитель большевиков в Петроградском Совете и ЦИК зветов. В ноябре 1917 г. был избран первым председателем ВЦИК. 1918- 1926 гг.- председатель Моссовета, с 1922 г.- заместитель председателя СНК и СТО РСФСР и СССР, в 1924- 1926 гг.- председатель СТО СССР и РСФСР. Одновременно в 1923- 1926 гг.- ректор Института В. И. Ленина, в 1926 г. назначался наркомом торговли, затем был послом в Испании. В 1927 г. за оппозиционную деятельность исключен из партии, но в 1928 г. восстановлен. Еще дважды исключался из партии. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В декабре 1934 г. был арестован, в 1935 г. осужден по делу так называемого "московского центра", в том же году вторично был осужден по "кремлевскому делу". В 1936 г. осужден на процессе по делу "троцкистско-зиновьевского объединенного центра" и расстрелян, Реабилитирован в 1988 г.

25. Рыков Алексей Иванович (1881 – 1938) – участник революции 1905- 1907 гг., неоднократно арестовывался, был в ссылке.

1917 г.- заместитель председателя Московского Совета, член Московского комитета РСДРП (б), член президиума Петроградского совета, народный комиссар внутренних дел в первом Советском жительство. В 1918- 1921 гг. и в 1923- 1924 гг.- Председатель !НХ РСФСР и СССР. Одновременно с 1919 г.- Чрезвычайный уполномоченный СТО по снабжению Красной Армии и Флота чрезусоснабарм), с 1921 г.- заместитель Председателя СНК и СТО. 1924- 1930 гг.- Председатель СНК СССР, одновременно (до 29 г.) – Председатель СНК РСФСР, с 1926 г. по 1930 г.- Председатель СТО СССР. В 1931 – 1936 гг.- народный комиссар связи СССР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1936 г. был репрессирован, осужден по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока и в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован и восстановлен партии в 1988 г.

26. "Туркестанская правда" – газета, выходила в Ташкенте 922 по 1924 гг.

27. Рудзутак Ян Эрнестович (1887- 1938) – в 1906 г. был избран членом Рижского комитета РСДРП, в 1907 г. возглавлял Виндавскую партийную организацию, неоднократно подвергался арестам, отбывал каторгу в Рижском центре и Бутырской тюрьме в Москве. В 1917 г.- член Президиума и секретарь Всероссийского центрального совета союза текстильщиков; член Президиума Московского городского комитета профсоюзов. В 1917- 1921 гг.- председатель Московского комитета народного

хозяйства, председатель Центротекстиля, председатель ЦК профсоюза рабочих транспорта, председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро РКП (б), член президиума и генеральный секретарь ВЦСПС. В 1922- 1924 гг.-

председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б), в 1923- 1924 гг.- секретарь ЦК РКП (б). С 1924 по 1930 г.- нарком путей сообщения СССР, в 1926- 1937 гг.- заместитель Председателя СНК и СТО СССР. Одновременно с 1931 по 1934 г.- председатель ЦКК ВКП(б), народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции. Избирался членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 г. репрессирован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.

28. Варейкис Иосиф Михайлович (1894- 1939) – член РСДРП с 1913 г. В январе – марте 1918 г. секретарь облисполкома Донецко-Криворожского бассейна. В июне 1918 – августе 1920 г.- председатель Симбирского губернского комитета РКП (б); в июле 1918 г. один из руководителей обороны Симбирска от белочехов. Делегат VIII- X съездов РКП (б). В 1928- 1929 гг. возглавлял партийную организацию Центрально-Черноземной области. В 1924- 1927 гг. кандидат в члены ЦК, с 1930 г. член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

29. Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870- 1938) – социал-демократ, меньшевик, участник революционного движения с 1889 г. На VI съезде партии (1917) принят в РСДРП(б). После Октябрьской революции на руководящей работе в профсоюзах. В начале 1918 г. временно выходил из партии из-за несогласия с Лениным по вопросу о заключении Брестского мира. С 1921 по 1931 г.- директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Редактор первых изданий сочинений Г. В. Плеханова. В феврале 1931 г. был обвинен в контактах с заграничным центром меньшевиков и исключен из ВКП(б).

30. Дзержинский Феликс Эдмундович (1877- 1926) – профессиональный революционер, вел партийную работу в Ковно, Варшаве, Петербурге и других городах. Многократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. Участник революции 1905- 1907 гг. В 1917 г. входил в Петроградский ВРК, был членом Военно-революционного партийного центра по руководству Октябрьским вооруженным восстанием. С декабря 1917 г.- председатель ВЧК (ГПУ, ОГПУ). Одновременно – нарком внутренних дел (1919- 1923), нарком путей сообщения (1921 – 1924 гг.). В 1924- 1926 гг. был Председателем ВСНХ СССР, оставаясь председателем ОГПУ при СНК СССР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР.

31. Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883- 1940) – член РСДРП с 1901 г. Из семьи приказчика. С марта 1917 г. секретарь Иркутского Совета, с октября – член губкома РСДРП (б) и Центр-сибири; в декабре 1917 г. участник подавления юнкерского мятежа в Иркутске. В 1918 г. председатель Иркутской губернской ЧК, член Президиума Сибирского военного комиссариата, с июня заместитель председателя и комиссар Сибирского верховного командования, начальник штаба Прибайкальского фронта. С осени 1918 г. один из организаторов партийного подполья в Амурской области, с октября член обкома РКП (б). С апреля 1919 г. председатель Амурского обкома партии, с августа член областного военно-революционного полевого штаба. С мая 1920 г. председатель областного ревкома, с октября 1920 г. член Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) и Государственной политической охраны Дальневосточной Республики. С 1921 по 1929 г. работал в органах ВЧК – ОГПУ. Был вторым заместителем Менжинского, возглавлял иностранный отдел ОГПУ. Поддерживал бухаринскую группировку в партии. В 1927- 1934 гг. член ЦКК, в 1930- 1934 гг. член Президиума ЦКК ВКП(б), член ВЦИК. На последнем конгрессе Коминтерна в 1935 г. был избран в Президиум Исполкома под псевдонимом "Москвин".

32. Лига Наций – всемирная международная организация. Учреждена в 1919 г. Согласно уставу имела целью развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности. В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций. В декабре 1939 г., используя советско-финскую войну 1939- 1940 гг., правительства Великобритании и Франции добились исключения СССР из лиги. Формально распущена в 1946 г.

33. Письмо Зиновьева – очевидно, имеется в виду известное письмо председателя Коминтерна Г. Зиновьева, дезавуированное коммунистическим Интернационалом как фальшивое в 1926 г.

34. Пешавар – город в Западном Пакистане. С 1849 г. опорный пункт англичан на северо-западе Индии; до 1955 г. административный центр Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана.

35. Кафиристан (ныне Нуристан) – область на северо-востоке Афганистана.

36. Карачи – город, крупнейший экономический центр и порт Пакистана, с 1948 по 1959 гг. – его столица.

37. Правильно Сафридии (самоназвание – априди) – пуштунское племя, населяющее районы Хайберского прохода, Кахатского перевала и горной страны Тирах в Западном Пакистане. Говорят на диалекте восточного пушту иранской семьи языков, исповедует ислам суннитского толка.

38. Шейх-уль-ислам (шейх-аль-ислам) (арабск.) – особо почетный титул авторитетных знатоков мусульманской теологии и религиозно права. Употребляется, главным образом, по отношению к знатокам законодательства.

39. Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892- 1939) – член РСДРП с 1910 г., после Февральской революции был избран кронштадтскими матросами в местный Совет. Являлся членом комитета ГДРП(б) Кронштадта, возглавлял редакцию газеты "Голос правды". В дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде руководил отрядами революционных матросов Кронштадта, участвовавших во взятии Зимнего дворца и ликвидации мятежа Керенского. После революции – комиссар Генерального штаба, затем заместитель наркома по морским делам. В июне 1918 г.- член Революционного Совета Восточного фронта, в сентябре – член Революционного Совета республики, в декабре 1918 г.- член Революционного Совета Балтийского флота. 25- 27 декабря участвовал в поисковой операции отряда кораблей флота у Ревеля против английской эскадры и попал в плен, после освобождения в июне 1919 г. назначен командующим Астраханско-Каспийской военной флотилии, а в сентябре – возглавлял Волжско-Каспийскую военную флотилию. В июле 1920 г. вновь отозван на Балтийский флот и назначен начальником Морских сил флота. С 1921 г. на дипломатической работе. Занимался журналистской деятельностью был главным редактором литературного журнала "Красная новь" под псевдонимом "Федор Желябов" опубликовал политические биографии Пилсудского, Муссолини, Гитлера. Автор воспоминаний "Кронштадт и Питер в 1917 году". С 1930 г.- полномочный представитель СССР в Эстонии, с 1933 г.- в Дании, а с 1934 г.- в Болгарии. 1938 г. под впечатлением массовых репрессий против крупных партийных функционеров принял решение не возвращаться в СССР. Автор знаменитого открытого письма И. В. Сталину, в котором, разоблачал его преступления, утверждал, что тот установил режим личной диктатуры, не имеющий ничего общего с социализмом. Умер во Франции.

40. Вазиристан – историческая область в Пакистане, населенная одним из пуштунских племен.

41. Правильно Джемаль-паша Ахмед (1872- 1922) – турецкий государственный деятель, один из лидеров младотурецкой партии "Единство и прогресс". В 1914- 1918 гг.- морской министр. Член "триумвирата", управлявшего Турцией во время 1-й мировой войны. В 1914- 1917 гг.- командовал войсками в Сирии и Палестине. В конце 1918 г. эмигрировал в Германию, затем в Швейцарию. С 1920 г.- военный советник в Афганистане. Убит в

Тифлисе. Автор мемуаров (на русском языке – "Записки Джемаль-паши 1913- 1919 гг." Тифлис, 1923).

42. Карахан (Карахян) Лев Михайлович (1889- 1937) – член РСДРП с 1904 г., за участие в революционном движении в 1915 г. был арестован и сослан в Томск. После Февральской революции избирался членом Думы Петроградского района, затем членом Петроградского Совета. В августе 1917 г.- член президиума Петроградского Совета. Участник Октябрьской революции (секретарь Петросовета, член ВРК). Секретарь советской делегации на переговорах о Брестском мире. В 1918- 1920 гг.- член коллегии наркоминдела в 1927- 1934 гг.- заместитель наркома иностранных дел. В 1921 г.- полпред РСФСР в Польше, в 1923- 1926 гг.- в Китае, с 1934 г.- в Турции. Член ЦИК СССР. В декабре 1937 г. по обвинению в шпионаже был осужден военным трибуналом и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

43. Джелалабад – город на юго-востоке Афганистана.

44. Газни (Газна) – город на юго-востоке Афганистана, в Кабульской провинции.

45. Сикхи – этно-религиозное объединение последователей сикхизма, секты XVI- XVII вв., превратившейся в самостоятельную религию. Сикхизм получил распространение, главным образом, в индийском штате Пенджаб. Основой его является единобожие, отрицание идолопоклонства, каст, равенство сикхов перед богом.

46. Правильно Равалпинди – город в Западном Пакистане. Важный торговый и стратегический пункт на путях в Афганистан и Кашмир. По конституции 1962 г. был временной столицей Пакистана на период строительства Исламабада.

47. Берзин (Кюзис Петерис) Ян Карлович (Павел Иванович) (1889- 1938) – член РСДРП с 1905 г., участник революций 1905-1907 гг., Февральской и Октябрьской, гражданской войны. В 1917 г.- член Выборгского и Петербургского комитетов РСДРП (б). С декабря 1917 г. работал в аппарате НКВД РСФСР. В январе – мае 1919 г. заместитель наркома внутренних дел в занятой большевиками Латвии. В июле – августе 1919 г. начальник политотдела 11-й Петроградской стрелковой дивизии, в августе – ноябре 1920 г. начальник особого отдела 15-й армии. С декабря 1920 г. работал в Разведывательном управлении РККА. В 1924-1935 гг. и в 1937 г. начальник Разведывательного управления Штаба РККА. Армейский комиссар 2-го ранга (1937 г.). В 1936-1937 гг.- главный военный советник республиканской армии в Испании. Вскоре после возвращения арестован, осужден по обвинению в шпионаже и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

48. Литвинов (Баллах Макс) Максим Максимович (1876-1951) – советский дипломат. Член РСДРП с 1898 г. С 1908 г. в

эмиграции. В январе 1918 г. назначен полномочным представителем РСФСР в Великобритании, но Британское правительство не признало его дипломатического статуса, и он в сентябре 1918 г. заключен в тюрьму. Обменен на английского дипломата и разведчика Р. Локкарта. С ноября 1918 г.- член коллегии Народного комиссариата иностранных дел. 23 декабря 1918 г. от имени Советского правительства обратился из Стокгольма с мирными предложениями к державам Антанты (так называемая "Декларация Литвинова"). С начала 1921 г. полпред в Эстонии, с мая 1921 г. заместитель наркома иностранных дел. В 1922 г. заместитель руководителя советской делегации на Генуэзской, затем глава делегации на Гаагской международных конференциях. В 1930- 1939 гг. нарком, 1941 – 1943 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1934- 1941 гг. член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

49. Пагман – летняя резиденция афганских королей, в которой 31 августа 1926 г. был заключен советско-афганский пакт о нейтралитете и ненападении.

50. Правильно Мешхед – город на северо-востоке Ирана, в Хоракане. Близ Мешхеда находится гробница известного поэта Фирдуоси.

51. Правильно Семнан – город, административный центр одноименного генерал-губернаторства в центральной части Ирана.

52. Дамган – город в центральном районе Ирана.

53. Шахруд – река в Иране.

54. Правильно Себзевар – город на северо-востоке Ирана в провинции Хорасан.

55. Правильно Нишапурские горы – горная система на северо-востоке Ирана.

56. Омар Хайям (около 1048 – после 1122) – персидский поэт, математик, философ. Автор всемирно известных философских четверостиший – рубай, основной идеей которых было утверждение целью высшим благом наслаждения и свободы личности.

57. Имам (от арабск. "амма" – стоять впереди, предводитель) – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины. Правильно имам Реза (Али Ар-Реза) – (765 или 770- 818) – восьмой шиитский имам. В 816 г. был приглашен ко двору халифа Мамуна и объявлен наследником престола. Отравлен по приказу изменившего свои политические планы халифа. Гробница имама Резы в селении, названном в его честь Мешхеда Али Реза, превратилась одну из главных святынь шиитов.

5 Мулла (от арабск. "маула" – владыка) – служитель религиозно культа у мусульман.

59 Правильно Реза-шах Пехлеви (1878- 1944) – шах Ирана в '25- 1941 гг., основатель династии Пехлеви. Сын офицера. Начал общественную службу в персидской казачьей бригаде с низших чинов. Возглавил казачью бригаду, которая 21 февраля 1921 г. совершила государственный переворот. В 1921 – 1923 гг.- военный министр, октября 1923 до конца 1925 г.- премьер-министр. 12 декабря 25 г., после низложения династии Каджаров, Учредительное собрание провозгласило его шахом. Осуществил меры по централизации государственной власти, судебную, военную реформы. С середины 30-х годов проводил курс на сближение с фашистской Германией, августе 1941 г. отрекся от престола в пользу своего сына Мохамеда. Умер в Йоханнесбурге (ЮАР).

60. Бехаизм – учение, созданное Хуссейном Али Нури (1817-)2). Бехаисты стремились пропагандой религиозных идей установить всеобщее братство народов, создать единые язык и религию человечества. Мусульманские теологи и сами бехаисты не признают это учение частью ислама. Бехаизм, в сущности, самостоятельная религия, включившая в себя некоторые принципы христианской морали. Проповедует мир, единство и равенство. Большинство его сторонников принадлежало к иранской буржуазии. В настоящее время имеет многочисленных последователей в Европе и Америке. Ортодоксальный ислам считает бехаистов отступниками-атеистами.

61. Хорасан – историческая область на северо-востоке Ирана.

62. Бест (от персидск. убежище). Укрывшиеся в ограде святилища (беста) не могли быть арестованы.

63 Шариат (от арабск. "шариа", буквально – надлежащий путь) – свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенный исламом "вечным и неизменным" плодом божественных установлений.

64 Белуджистан – историческая область в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья. В средние века территория входила в различные государства. В XVIII в. объединена под властью Насир-хана Белуджа. В середине XIX в. Англия подчинила себе Восточный Белуджистан. В 1849- 1857 гг. Западный Белуджистан вошел в состав Персии, а Восточный в 1947- 1948 гг. стал частью вновь созданного Пакистана.

65. Кучан – город на северо-востоке Ирана, в Хорасане.

66. Ягода Генрих Генрихович (1891 – 1938) – член РСДРП с 1907 г. В юности работал учеником гравера в Нижнем Новгороде, позднее профессиональный революционер. Тесно связан с семьей

первого Председателя ВЦИК Я. М. Свердлов (женат на его племяннице Иде Леонидовне Авербах). Во время гражданской войны занимал крупные должности в инспекторских и контрольных органах Красной Армии, работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции. В 1919- 1922 гг. был членом коллегии Наркомата внешней торговли. С 1920 г.- член президиума ВЧК, затем первый заместитель председателя ОГПУ. В то время, когда ОГПУ возглавлял часто болевший В. Р. Менжинский (с 1926 по 1934 гг.), Ягода фактически руководил этим ведомством. Ему подчинялось секретно-оперативное управление, куда входили контрразведывательный, секретный особый информационный и оперативный отделы, т. е. в его руках были сосредоточены все важнейшие направления работы ОГПУ внутри страны. В 1928- 1929 гг. поддерживал бухаринскую, так называемую правую, группировку в партии, выступавшую против коллективизации. Имел тесные личные контакты с Н. И. Бухариным. В 1931 – 1933 гг. Ягода курировал строительство Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, был одним из первых организаторов применения массового подневольного труда заключенных в СССР. С июля 1934 г.- народный комиссар внутренних дел. Член ЦК РКП (б) и ЦИК СССР. Являясь главой органов госбезопасности, был исполнителем и соучастником Сталина при проведении репрессий 1932- 1936 гг. В октябре 1936 г. снят с поста наркома внутренних дел и до марта 1937 г. возглавлял Наркомат связи СССР. Арестован и осужден на процессе так называемого правотроцкистского блока (процесс Бухарина – Рыкова) в марте 1938 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян. Единственный из жертв мартовского процесса 1938 г., кто не был реабилитирован при пересмотре дела в 1988 г. Хотя обвинения, выдвинутые против Ягоды на самом процессе, были ложными, его реабилитация была бы не возможна в виду многочисленных преступлений, совершенных им в бытность председателем ОГПУ и наркомом внутренних дел СССР.

67. Дерибас Терентий Дмитриевич (1883- 1939) – член РСДРП 1903 г. Участник революции 1905- 1907 гг. В 1917 г. один из руководителей борьбы за установление советской власти в Оренбургской губернии. С 1920 г. работал в органах ВЧК (ОГПУ), с 1931 г. член коллегии ОГПУ. Кандидат в члены ЦК партии с 1934 г.

68. Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891 – 1943) – из семьи швейцарца-сыровара, эмигрировавшего в Россию. Окончил Петроградский политехнический институт, по специальности инженер-металлург. Член партии с 1917 г. С мая 1918 г. член Комиссии СНК по обследованию северных губерний, участвовал в

борьбе с контрреволюцией в Архангельске и Вологде. С декабря 1918 г. работал в ВЧК, был председателем Особого бюро при Московском окружном военном комиссариате, с мая 1919 г. заместителем начальника особого отдела ВЧК. Затем начальник контрразведывательного и иностранного отделов ВЧК и ГПУ, заместитель начальника управления ОГПУ. Позднее работал в Штабе РККА. Обвинен в шпионаже и расстрелян, реабилитирован посмертно.

69. Мясников Гавриил Иванович (1889- 1946) – член РСДРП 1906 г. В 1917 г. избран председателем Мотовилихинского Совета рабочих депутатов. Занимая этот пост, организовал убийства великого князя Михаила Александровича Романова в ночь на 13 июня, пермского архиепископа Андроника в ночь на 18 июня 1918 г. (архиепископ был закопан живым в землю). По официальной версии убийства не были санкционированы высшими властями. В ноябре 1918 г.- делегат VI съезда Советов, с сентября 1920 г. работал в отделе управления Петроградского Совета. В мае 1921 г. обратился с докладной запиской в ЦК РКП (б), где предлагал восстановить реальную власть Советов, создать Крестьянский союз, обладающий контрольно-инспекторскими функциями, и ввести свободу печати, этот документ вызвал резкую критику В. И. Ленина. 20 февраля 1922 г. постановлением Политбюро ЦК РКП (б) был исключен из партии с правом через год ходатайствовать о вступлении в РКП (б). За критику политики партии арестован и препровожден из Мотовилихи, где пользовался большой популярностью среди рабочих, в Москву, вернулся весной 1923 г. Мясников организовал подпольную "Рабочую группу" Российской Коммунистической партии (большевиков). В манифесте группы были выдвинуты обвинения руководству партии в перерождении "в монархическую касту". В мае 1923 г. Мясников снова арестован и выслан в Германию, где опубликовал манифест "Рабочей группы", вскоре германские власти вернули его в СССР, он был задержан, заключен в тюрьму и три года спустя отправлен в ссылку в Армению, бежал через иранскую границу и вскоре оказался во Франции. В эмиграции практически отошел от политической деятельности. В 1946 г. вернулся в СССР и был расстрелян.

70. Правильно Фын Юй-сян (1882- 1948) – китайский политический и военный деятель, генерал, член Гоминьдана. Служил солдатом имперской армии династии Цин. После Синьхайской революции 1911 – 1913 гг. занимал различные командные должности в войсках северо-китайских националистов. В октябре 1924 г. открыто выступил против лидера и руководителя движения У Пэй-фу и, заняв Пекин,

совершил государственный переворот. Фын Юй-сян пригласил в качестве советников советских военных специалистов, приступил к реорганизации своих войск, назвав их "национальными армиями", установил связь с революционным правительством Сун Ят-сена на юге страны. Осенью 1925 г. "национальные армии" начали военные

действия против мятежной группировки Чжан Цзо-линя, но потерпели поражение. В 1926 г. вступил в Гоминьдан. В том же году посетил СССР. В 1933 г. возглавил Объединенную народную армию сопротивления Японии. Во время войны был сторонником объединения всех национальных сил и сотрудничества с китайскими коммунистами. В январе 1948 г. заочно избран председателем Политического совета Революционного комитета Гоминьдана. По официальной версии погиб в результате несчастного случая.

71. Пятницкий (Таршис) Иосиф Аронович (1882- 1938) – член РСДРП с 1898 г. Участник революции 1905- 1907 гг. в Одессе. В 1917 г. член МК РСДРП (б), Исполкома Моссовета и VI съезда РСДРП (б), член Боевого партийного центра и Московского ВРК. В 1918- 1922 гг. член Исполкома Моссовета и член ВЦИК, член бюро МК РКП(б), одновременно в 1919- 1920 гг. председатель ЦК профсоюза железнодорожников, в 1920 г. секретарь МК РКП (б). С 1921 г. работал в Коминтерне. В 1924- 1927 гг. член ЦКК, с 1927 г. член ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

72. Рой, Манабendra Нат (1892- 1948) – индийский политический деятель. В 1910- 1915 гг. участвовал в революционном движении против английских колонизаторов. В 1915 г. эмигрировал. Позднее примкнул к коммунистам. До 1920 г. жил в Мексике. Делегат II, III, IV и V конгрессов Коминтерна, с 1924 г. член его Исполкома. Впоследствии отошел от компартии. С 1940 г. возглавлял в Индии радикально-демократическую народную партию.

73. Чемберлен Невил (1869- 1940) – премьер-министр Великобритании с 1937- 1940 гг., консерватор. С 1922 г. многократно входил в состав правительства. Был сторонником умиротворения фашистских держав, подписал Мюнхенское соглашение 1938 г. Вышел в отставку в мае 1940 г.

74. Аркос (АИ Кизйап Соорегапуе Боаегу Ни.) – советско-британское акционерное торговое общество. Учреждено в Лондоне в июне 1920 г. советской кооперативной делегацией во главе с Л. Б. Красиным, зарегистрировано в английском Министерстве торговли как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 г. СНК РСФСР разрешил Аркосу ведение торговых операций на территории Советской

республики. Аркос был крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии. К началу 1927 г. оборот Аркоса превышал 100 млн. фунтов стерлингов. Весной этого года британская секретная служба получила сведения о шпионской деятельности сотрудников общества. 12 мая 1927 г. полиция захватила дом No 49 по ул. Мургейт, где размещался Аркос. Был проведен повальный обыск, захвачены почта, шифры и другая документация. Несколько советских сотрудников пытались воспрепятствовать обыску и к ним была применена физическая сила. По сообщению английского правительства захват Аркоса был осуществлен для того, чтобы изъять особо секретный документ, похищенный советской разведкой. Однако он не был обнаружен, и премьер-министр Стэнли Болдуэн не смог убедительно доказать, что акция была оправдана. События 12 мая вызвали политический кризис и разрыв дипломатических отношений Великобритании и СССР. Сотрудники всех советских дипломатических и торговых миссий были высланы из страны. В 1929 г. после восстановления дипломатических отношений возобновилась и деятельность Аркоса. Однако основные торговые операции проходили теперь по линии торгпредства СССР, участие Аркоса в товарообороте резко сократилось. Общество прекратило свою деятельность в начале второй мировой войны.

75. Луристан (Лорестан) – историческая провинция на юго-западе Ирана.

76. Луры – группа племен, близкая к курдам и бахтиарам, живут на западе Ирана и в соседних районах Ирака. Язык луров относится к иранской группе индоевропейской семьи языков, исповедуют ислам шиитского толка.

77. Бахтиары – группа племен, живущих на юго-западе Ирана, восточной части Луристана.

78. Гуммиарабик – вязкая прозрачная жидкость, выделяемая некоторыми видами акаций. Растворяется в воде. Применялась как обезболивающее вещество.

79. Урмия – город. До 1926 г. назывался Резайе. Расположен на северо-западе Ирана.

80. Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890- 1986) – профессиональный революционер, вел партийную работу в Казани, Нижегородской губернии и Петербурге. Подвергался арестам, ссылке, работал в редакции газеты "Правда", был членом ВРК.)18- 1919 гг.- председатель Совета народного хозяйства Северо-Западного района, председатель Нижегородского губисполкома, в 1920 г.- секретарь Донецкого губкома партии, секретарь ЦК КП(б) Украины. 21 – 1930 гг.- секретарь ЦК партии, в 1930- 1941 гг.- Председатель СНК СССР. Долгое время был

фактически вторым лицом в партии, государственном аппарате. Один из наиболее последовательных приверженцев диктатуры И. В. Сталина, активный участник проведения массовых репрессий сталинского режима. В 1941 – 1957 гг.- первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР. 1939- 1949 гг., 1953- 1956 гг.- нарком (министр) иностранных СССР. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС был выведен из соостава ЦК и его Президиума как член антипартийной группировки, пытавшейся препятствовать разоблачению культа личности Сталина. С 1957 г.- посол в Монголии, в 1960- 1962 гг.- постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1962 г. исключен из партии. Восстановлен в 1984 г.

81. Меджлис (арабск.) – парламент в некоторых мусульманских пах.

82. Тавриз (Тебриз) – город на северо-западе Ирана.

83. Пехлеви (до 1925 г.- Энзели) – город и порт в Иране на Каспийском море.

84. Керманшах – город на западе Ирана.

85. Шираз – город на юге Ирана. Во 2-й половине XVIII в. столицей Персии. Родина знаменитых поэтов Сзади и Хафиза.

86. Правильно хафтленг и чехарленг – две основных группы бахтиаров.

87. Курдистан – территория в Западной Азии, в пределах Ирана, , Ирака, Сирии, в Курдистанских горах.

88. Ахваз – город на юге Ирана, в Хузистане.

89. Каджарская династия – основатель Ага-Мохамед-хан Каджар. правила в Иране с 1796 по 1925 г. Низложена постановлением меджлиса.

90. Максимов Аркадий Романович (?- 1935) – во время гражданской войны был начальником хозяйственной части одного из кавалерийских полков Красной Армии. За хищения исключен из партии. В 1925 г. по протекции своего двоюродного брата Я. Блюмкина поступил на службу в ГПУ секретным агентом. По утверждению Б. Бажанова, был специально приставлен к нему для слежки. Осенью 1927 г. вместе с Бажановым работал в Ашхабаде и 1 января 1928 г. бежал с ним в Персию. Жил в Париже, где, по некоторым данным, через Блюмкина возобновил контакты с ГПУ. Погиб в 1935 г. при невыясненных обстоятельствах, упав с площадки Эйфелевой башни.

91 Бажанов Борис Георгиевич (1900- 1982) – родился в г. Могилеве-Подольском. В 1918 г. окончил гимназию, летом 1919 г. вступил в РСДРП (б) и вскоре был избран секретарем Могилевского уездного комитета партии. С 1920 г. работал

заведующим Винницкого губернского отдела народного образования. В ноябре 1920 г. поступил в Московское Высшее Техническое училище, где был секретарем партийной ячейки. Зимой 1922 г. работал в подотделе местного опыта организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), весной того же года стал секретарем комиссии Организационного бюро ЦК по пересмотру устава партии. 10 августа 1923 г. решением Оргбюро был назначен помощником секретаря ЦК И. В. Сталина, а затем секретарем Политбюро. Согласно воспоминаниям Б. Г. Бажанова, он, столкнувшись с закулисными интригами в верхах партии и увидев истинное лицо ее вождей, стал убежденным антикоммунистом. Тогда же ему, якобы, стало известно, о том, что фактический глава ОГПУ, близкий Сталину, Г. Г. Ягода неоднократно информировал Политбюро, и, главное, лично Сталина о его неблагонадежности. В этой ситуации Бажанов решил бежать из СССР. Так как заграничная командировка была для него в тот момент немыслима, он решил нелегально покинуть страну и избрал для этого наиболее доступный путь через персидскую границу. Подготовка к бегству была длительной и детально продуманной. Уйдя из аппарата ЦК, Бажанов, пользуясь связями в партии, устроил так, что был командирован в Среднеазиатское бюро ЦК. С осени 1927 г. он занял должность заведующего секретным отделом ЦК компартии Туркмении. Состоял в приятельских отношениях с секретарем ЦК К. Икрамовым. 31 декабря 1927 г. Бажанов под видом охотничьей экскурсии выехал в приграничный район и 1 января пересек границу в районе города Лютфабад вместе со своим спутником Максимовым, приставленным к нему агентом ГПУ. Максимов был вынужден последовать за своим подопечным, опасаясь расстрела, который неминуемо ждал его в случае успеха побега. Советская контрразведка немедленно проинформировала секретных агентов ГПУ в Лютфабаде о бегстве Бажанова, но чекисты не смогли организовать погоню во время, так как личный состав был поголовно пьян по случаю празднования Нового года. В обычное время задержать беглеца не составило бы труда, так как красноармейские отряды в случае нужды беспрепятственно вторгались на территорию сопредельного Ирана. Бажанову удалось добраться до пограничных с Индией областей, где он вступил в контакт с британской разведкой Интелли-дженс сервис. С 1928 по 1982 г. Бажанов жил в Париже. В 1929 г. и 1930-х годах опубликовал ряд статей в парижских изданиях и выпустил небольшую книгу воспоминаний, в которой главное место уделил Сталину и его окружению. Во время советско-финской войны Бажанов предложил свои услуги правительству Финляндии и

предпринял попытку организовать из русских военнопленных корпус для борьбы с советской властью. Его политическая агитация среди пленных имела определенный успех, но каких-либо реальных результатов он не достиг. Перед самым началом войны с СССР Бажанов вызвали в Берлин, где им интересовались видные крупные функционеры нацистской партии. Он был принят управляющим делами Центрального Комитета национал-социалистической партии Дерингером, а так же руководителем внешнеполитического отдела партии А. Розенбергом и имел продолжительные консультации с заместителем Розенберга Лейббрандтом, однако от сотрудничества отказался. С 1941 г. полностью отошел от политики и вел жизнь частного человека. В 1980 г. за границей вышло наиболее полное издание записок Бажанова. В СССР они опубликованы в 1990 г.

92. Уншлихт Иосиф Станиславович (1879- 1938) – член РСДРП с 1900 г. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве. Делегат съезда РСДРП(б). В октябре 1917 г.- член Петроградского ВРК, исполкома Петроградского Совета, ВЦИК. С декабря 1917 г.- член коллегии НКВД. Во время германского наступления на Петроград в феврале 1918 г. был одним из организаторов обороны в районе Острова. С февраля 1919 нарком по военным делам и член ЦИК Литовско-Белорусской советской республики, член Президиума ЦК Литвы и Белоруссии, в апреле 1919 г.- заместитель председателя совета обороны Литовско-Белорусской республики. В июне – декабре – член РВС 16-й армии, в июле – августе 1920 г.- член временного ревкома Польши. В 1921 – 1923 гг.- заместитель председателя ВЧК-ГПУ. Затем член и заместитель председателя Реввоенсовета СССР, заместитель наркома по военным и морским делам заместитель председателя ВСНХ. Член Ревизионной комиссии) с 1924 г., кандидат в члены ЦК партии с 1925 г. Член ВЦИК президиума ЦИК СССР. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

93. Попытка отравления действительно была предпринята. Во всяком случае Бажанов писал о том, что однажды им был замечен сильный запах горького миндаля, исходивший от кофе. Он догадался, это возможно запах цианистого калия, и перебежчики кофе не пили.

94. Бажанов в своих мемуарах об этом эпизоде писал так: "... мы спускаемся наконец на пятый день в долину Мешхеда и уже в его предместьях выходим на автомобильную дорогу. Здесь циркулирует грузовик на правах автобуса. Мы попадаем в него вовремя, занимаем наши места, сейчас же за нами в автобус садятся два чекиста, но вынуждены занять места перед нами. Они, вероятно, полагают, мы вооружены, и ничего себе не

позволяют. Мы доезжаем до Мешхеда, и автобус довозит нас почему-то до гостиницы. Нам объявляют, что это единственный отель европейского типа в городе: иностранцы останавливаются в караван-сараях". Вероятно, что агент, не выполнив своей задачи, решил, отчитываясь перед Агабековым, представить дело так, будто Бажанова и Максимова охраняли персидские солдаты. На самом деле их сопровождали проводники, данные им начальником уезда Пастаном. Параллельно с шагами, предпринятыми ГПУ для ликвидации беглецов, шли переговоры об их выдаче по дипломатическим каналам, впрочем, может быть несколько отходя от истины, утверждало что Сталин "согласился уступить персам" по трем или четырем спорным вопросам, связанным с рыбными и нефтяными промыслами в приграничной зоне на Каспийском море и даже в вопросе о линии государственной границы. У Бажанова вообще была тенденция переоценивать значение собственной личности и своего побега. Но тем менее переговоры о его выдаче безусловно проводились – свидетельство тому – отмена приказа о ликвидации перебежчиков. Начальник полиции Мешхеда информировал Бажанова о том, что из Тегерана было поручено официальное уведомление о направлении перебежчиков в станицу Персии. При этом полицейский чин конфиденциально сообщил, что, вероятно, при переезде из Мешхеда Бажанов и Максимов будут выданы советским представителям. Все это осталось вне поля зрения Агабекова, чем и объяснялось его недоумение. Деталь весьма характерная для всего стиля работы ОГПУ и других советских секретных служб – из соображений секретности, понимаемой в самом расширенном толковании, одни агенты находились в полном неведении того, что делали другие. Бажанов, узнав о том, что соглашение о его выдаче достигнуто, бежал в Индию, связавшись с английской разведкой. Затем он вступил в контакт с начальником Интеллидженс сервис Индии Айземонджером и через семь месяцев был в Европе.

96. Правильно Бачаи Сакао (?- 1929) – один из руководителей мятежа 1928- 1929 гг. в Афганистане. В январе 1929 г. при поддержке англичан провозглашен эмиром Афганистана под именем Хабибуллы Гази. После вступления в Кабул войск Мухаммеда Надира в октябре 1929 г. был свергнут с престола и казнен.

97. Ангора (настоящее название Анкара) – город, столица Турции с 1923 г. Расположена на Анатолийском плоскогорье. Основан в VII в. до н. э. С 1920 г. местопребывание Великого национального собрания Турции и правительства.

98. Украинцы-самостийники – члены украинской

националистической партии, возникшей после Февральской революции под названием УПСС. Представители УПСС вошли в состав Центральной рады. На III-м украинском войсковом съезде (октябрь 1917 г.) партия требовала провозглашения "самостийной" Украины, земельной реформы в интересах зажиточного крестьянства при сохранении частной собственности. После провозглашения Центральной радой Украинской народной республики (7 (20) ноября 1917 г.) УПСС возглавила борьбу против советской власти. В декабре 1917 г. на Всеу край иском съезде была предпринята попытка объединить все самостийницькие группы и организации в единую партию. Был избран ЦК в составе 21 человека. Осенью 1918 г. самостийники вошли в состав Директории. С 1919 г. лидеры их находились в эмиграции.

99. Дашнаки – члены партии "Дашнакцутюн" ("Союз"), армянской националистической партии, основанной в 1890 г. Программа включала требование автономии Западной Армении в составе Турции. В мае 1918 – ноябре 1920 г.- правящая партия Армянской республики. Была организатором антисоветского мятежа в феврале 1921 г. После его подавления лидеры партии находились в эмиграции.

100. АВИАХИМ, (ОСОАВИАХИМ) – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, массовая добровольная общественная организация граждан СССР в 1927-1948 гг.

101. МОПР – Международная организация помощи борцам революции. Создана в 1922 г. Секция МОПР СССР существовала до 1947 г.

102. ДОБРОЛЕТ – "Российское общество добровольного воздушного флота", организовано в Москве в 1923 г. с целью развития гражданской авиации для обслуживания на началах коммерческого расчета народного хозяйства.

103. АВТОДОР – в 1927- 1935 гг. добровольное общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР.

104. Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874- 1934) – член с 1902 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1898 г.). В августе – октябре 1917 г.- член редколлегии газеты "Солдат", член Всероссийского бюро военной организации РСДРП (б). С октября 1917 г. комиссар Петроградского ВРК и Министерстве финансов. В ноябре 1917 г.- январе 1918 г.- заместитель наркома финансов. В январе – марте 1918 г.- нарком шансов, в марте – апреле – член Президиума Петроградского совета, в апреле – ноябре – генеральный консул

РСФСР в Берлине, декабре – член коллегии НКВД. В январе – августе 1919 заместить наркома РКП УССР и член коллегии Всеукраинской ЧК. С сентября 1919 г.- особоуполномоченный особого отдела ВЧК. В феврале – июле 1920 г. заместитель начальника, в июле 1920 г.- июле 22 г. начальник особого отдела и член коллегии ВЧК. В дальнейшем председатель ОГПУ. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г. Член ЦИК СССР.

105. Ольский Я. К.- в 1920- 1921 гг. был председателем Белошекой ЧК.

106. Петерс Яков Христофорович (1886- 1938) – член РСДРП 1904 г., участник Октябрьской революции, член Петроградского ВРК. 1917 г. являлся членом коллегии ВЧК, в 1918 г.- заместитель председателя ВЧК, председатель Ревтрибунала. В 1919 г. чрезвычайный комиссар в Петрограде, комендант Петроградского и Киевского укрепленных районов, член Военного совета Тульского укрепленного района. В 1920- 1922 гг. был председателем ВЧК в Туркестане, членом Туркестанского бюро ЦК РКП (б). С 1923 г.- член коллегии ОГПУ. 1930- 1934 гг.- председатель МКК ВКП(б), являлся членом ЦКК партии с 1923 г. Член ВЦИК.

107. Бухарин Николай Иванович (1888- 1938) – профессиональный революционер. В 1908 г. кооптирован в Московский комитет ДРП. Неоднократно подвергался аресту, тюремному заключению, ссылке. С 1911 г.- в эмиграции. Возвратившись в 1917 г. на родину, работал в Московском партийном комитете, редактировал газету Известия Московского военно-революционного комитета. С конца 1917 г.- редактор газеты "Правда". В 1918 г. был одним из редакторов газеты "Коммунист". С лета 1918 г.- снова в "Правде", главным редактором проработал до 1929 г. Одновременно (в 1924- 1929 гг.) – директор журнала "Большевик". Действительный член АН СССР 1929 г.). Член Исполкома Коминтерна в 1919- 1929 гг. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1930- 1934 гг. работал в ВСНХ, Наркомтяжпроме СССР, затем в 1934- 1937 гг.- ответственный редактор газеты "Известия". В 1937 г. был репрессирован, исключен из партии. В 1938 г. по делу "Правотроцкистского антисоветского центра" приговорен к расстрелу. В 1988 г. посмертно реабилитирован.

108. Грузинские меньшевики – члены социал-демократической рабочей партии Грузии, образовавшейся в ноябре 1918 г. в Тбилиси хотели отделения ее организаций от Российских меньшевиков. Лидерами партии были: Н. Н. Жордания, Е. П. Гегечкори, Н. В. Рамишвили, Г. Церетели и др. В 1917- 1921 гг. издавала газету "Эртоба" ("Единство"). Грузинские

меньшевики играли ведущую роль в Закавказском комиссариате, затем Закавказском сейме, возглавляли правительство Закавказской демократической федеративной республики. С мая 1918 г. - правящая партия в Грузинской республике, правительство которой возглавил Рамишвили, затем Жордания. После ликвидации республики в феврале 1921 г. лидеры меньшевиков оказались в эмиграции.

109. Мусаватисты – члены азербайджанской националистической партии "Мусават" ("Равенство"), возникшей в 1911 г. в Баку. Первоначальное название – "Мусульманская демократическая партия "Мусават". В июне 1917 г. мусаватисты объединились с "Тюркской партией федералистов", возникшей в Гяндже после Февральской революции. С этого времени партия называлась "Тюркская демократическая партия "Мусават". В ее программе содержалось требование национально-территориальной автономии в составе российского государства. Официальный орган – газета "Истиггал" ("Независимость"). После Октябрьской революции мусаватисты участвовали в создании Закавказского комиссариата и созыве Закавказского сейма, в правительстве Закавказской демократической федеративной республики. Когда произошел распад республики, их фракция в Закавказском сейме выступила инициатором провозглашения Азербайджанской республики, ликвидированной в апреле 1920 г. 26 мая мусаватисты опираясь на турецкие войска, предприняли неудачную попытку переворота. Позднее лидеры партии эмигрировали.

110. Горцы – члены организации "Союз объединенных горцев Кавказа", созданной в мае 1917 г. на I горском съезде во Владикавказе. "Союз" возглавляли кумыкский князь Р. Х. Капланов, чеченский нефтепромышленник А. Чермоев, бывший чиновник ингуш В. Джабагиев, кабардинский конозаводчик П. Коцев. В ноябре 1917 г. "Союз" провозгласил создание Горской республики, а большая часть членов ЦК союза составила Горское правительство. "Союз" входил в "Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей" и в его руководство – Терско-Дагестанское правительство. С образованием в марте 1918 г. Терской советской республики члены ЦК бежали в меньшевистскую Грузию, где вновь было сформировано Горское правительство. В мае 1919 г. после его самороспуска некоторые члены правительства уехали в Тифлис, где участвовали в подготовке Гоцинского мятежа 1920- 1921 гг. в Нагорном Дагестане.

111. Рамишвили Ной (Петр) (1881- ?) – один из лидеров грузинских меньшевиков. На V (Лондонском) съезде РСДРП был

избран в ЦК от меньшевиков. После Февральской революции – член ЦК грузинской партии меньшевиков, редактор газеты "Эртоба" ("Единство"). В 1918- 1920 гг. Рамишвили был министром внутренних дел в грузинском правительстве, выступал за отделение Грузии от России. В 1923 г., находясь за границей, руководил группой меньшевиков, пытавшихся организовать восстание против советской власти.

112. Правильно Хиджас – историческая область Саудовской Аравии, расположенная вдоль побережья Красного моря от Акабского залива на юго-восток. Главный город – Мекка.

113. Правильно – Йемен.

114. Правильно Лахор – город в Пакистане, административный центр провинции Западный Пакистан. Расположен в Пенджабе, на левом берегу р. Рави.

115. Ибн Сауд (1880- 1953) – король Саудовской Аравии в 1932- 1953 гг. Вел войны за объединение Аравии. В 1902- 1927 гг. эмир Неджда, в 1927- 1932 гг.- король государства Хиджаз.

116. Яхья ибн Мухаммед (1867 или 1869- 1948) – король Йемена в 1918- 1948 гг. В 1904 г. принял титул имама (духовного главы) мусульманской секты зейдитов. Убит заговорщиками.

117. Абиссиния – неофициальное название Эфиопии, употреблявшееся в прошлом.

118. Правильно Эритрея – провинция Эфиопии на побережье Красного моря. В 1890- 1940 гг.- итальянская колония.

119. Куйбышев Валериан Владимирович (1888- 1935) – профессиональный революционер. Учился в Военно-медицинской академии в Петербурге, в 1906 г. был исключен за участие в студенческой забастовке. Вел партийную работу в Западной Сибири. Многократно арестовывался, был в ссылке. В 1914- 1915 гг.- член Петербург-то комитета РСДРП (б). Возвратившись из ссылки, возглавлял 917 г. Самарскую организацию РСДРП(б), избирался председа-ем Самарского Совета, ревкома и губкома партии. В годы граждан-й войны – политкомиссар и член РВС ряда армий, член РВС иной группы войск Восточного фронта, член РВС Туркестанского энта, заместитель председателя комиссии ВЦИК, СНК РСФСР и

. РКП (б) по делам Туркестана. С декабря 1920 г.- член Президиума ВСНХ. В 1922- 1923 гг.- секретарь ЦК РКП(б), в 1923- 6 гг.- председатель ЦКК партии, нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО СССР. С 1926 г.- Председатель ВСНХ, 930 г.- председатель Госплана СССР. Одновременно в 1930- 4 гг.- заместитель Председателя СНК и СТО СССР, председатель лиссии Советского контроля при СНК. Избирался членом ВЦИК (ИК СССР.

120. Микоян Анастас Иванович (1895- 1978) –

профессиональный революционер. В 1917 г.- член Тифлисского и Бакинского комитетов большевиков, редактор газеты "Социал-демократ". В середине 1918 г., в период обороны Баку от германотурецких войск был комиссаром бригады Красной Армии. В августе 1918 г. после падения советской власти в Баку остался в городе, возглавлял большевистскую партийную организацию. Избирался членом Кавказского краевого комитета партии. В 1922-1924 гг.- секретарь Юго-Восточного ЦК РКП(б) в Ростове-на-Дону, в 1924- 1926 гг.- секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. С 1926 г.- нарком внешней и внутренней торговли СССР. В 1930-1938 гг.- нарком снабжения, комитета пищевой промышленности СССР. В 1937- 1946 гг.- заместитель Председателя СНК СССР, одновременно в 1938- 1946 гг.- комиссар внешней торговли. С 1946 по 1955 г.- заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1955- 1957 гг., 1958- 1964 гг.- первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно был министром внешней торговли (1946- 1949 гг.), министром торговли СССР (1953- 1955). Избирался членом ВЦИК и ЦИК ГР. В 1964- 1965 гг.- Председатель Президиума Верховного совета СССР, в 1965- 1974 гг.- член Президиума Верховного Совета СССР.

121. Надир-шах Мухаммед (1883- 1933) – король Афганистана, рал видную роль в войне за независимость в 1919 г. В 1919-

1920 гг.- военный министр, в 1924- 1926 гг.- посол в Париже; в 1926 г. ушел в отставку и жил во Франции. В 1929 г., возвратившись на родину, возглавил борьбу против Бачаи Сакао. В октябре 1929 г. провозглашен королем. Убит террористами.

122. Калинин Михаил Иванович (1875- 1946) – профессиональный революционер. Был членом Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", агентом "Искры". Неоднократно арестовывался, ссылался. В 1917 г. входил в первый легальный комитет РСДРП (б) Петрограда, избирался в городскую думу, был председателем городской управы. В 1918 г.- комиссар городского хозяйства. С марта 1919 г.- Председатель ВЦИК, с декабря 1922 г.- Председатель ЦИК СССР. В 1938- 1946 гг.- Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

123 Кандагар (Кандахар) – город на юге Афганистана. Административный центр Кандагарской провинции. В XVIII в. являлся столицей Афганистана.

124. Правильно дуррани – один из племенных союзов афганцев.

125 Примаков Виталий Маркович (1897- 1937) – советский военный деятель. В 1915 г. за антивоенную агитацию осужден на вечную ссылку в Сибирь. С мая 1917 г.- член Киевского горкома

РКП (б). Был делегатом II съезда Советов, членом ВЦИК 2-го созыва. В годы гражданской войны командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией и корпусом червонного казачества. Окончил высшие военно-академические курсы (1923). В 1924-1925 гг. начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В 1925- 1926 гг. находился в командировке в Китае. В 1927- 1930 гг.- военный атташе в Афганистане и Японии. В 1931 – 1933 гг. командовал корпусом. В 1933- 1935 гг.- заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С 1935 г.- заместитель командующего Ленинградским военным округом. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

126. АМТОРГ – советская торговая миссия в Америке, действовала в тот период, когда не существовало дипломатических отношений с США. Через нее, как правило, легализовались секретные агенты ГПУ в этой стране. Фактически Амторг выполнял функции и полпредства и торгового представительства.

127. Чичерин Георгий Васильевич (1872- 1936) – советский дипломат. В революционном движении с 1904 г., член партии с января 1918 г. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1896). В августе 1917 г. арестован в Великобритании как секретарь "делегатской комиссии" по делам возвращения политэмигрантов в Россию. 3 января 1918 г. освобожден, 29 января назначен заместителем наркома иностранных дел, с 24 февраля глава советской делегации на мирных переговорах с Германией. С 30 мая 1918 г. нарком иностранных дел РСФСР (в 1923- 1930 гг.- СССР). Руководитель советской делегации на Генуэзской и Лозаннской конференциях в 1922- 1923 гг. В 1925- 1930 гг.- член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

128. Ворошилов Климент Ефремович (1881 – 1969) – член РСДРП с 1903 г. Вел партийную работу в Луганске, Баку, Петербурге, Царицыне. Подвергался арестам, был в ссылке. В 1917 г. председатель Луганского Совета, затем комиссар Петроградского ВРК. После Октябрьской революции – командующий группой войск, армейских соединений, народный комиссар внутренних дел Украины; член Реввоенсовета Первой Конной армии. В 1921 – 1925 гг. командовал войсками Северо-Кавказского и Московского военных округов. С ноября 1925 г. по июнь 1934 г.- нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР, в 1934- 1940 гг. нарком обороны СССР. Один из организаторов массовых репрессий среди командного состава РККА. Маршал Советского Союза (с 1935 г.). Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. С 1940 г.- заместитель Председателя СНК

СССР и председатель Комитета Обороны при СНК. В 1941 – 1945 гг.- член ГКО, главнокомандующий Северо-Западного направления, командующий войсками Ленинградского фронта. На всех этих постах проявил полную неспособность руководить войсками в условиях современной войны. В 1946- 1953 гг.- заместитель Председателя Совета министров СССР. С 1953 по 1960 г.- Председатель Президиума верховного Совета СССР.

129. Имеется в виду рабочая (лейбористская) партия Великобритании, одна из двух ведущих партий страны. Основана в 1900 г.

130. Сольц Арон Александрович (1872- 1945) – член РСДРП 1896 г. Неоднократно арестовывался, отбывал наказание в тюрьме. Участник революции 1905- 1907 гг. В 1917 г. входил в состав редакций газет "Правда" и "Социал-демократ". С 1921 г. член Верховного суда РСФСР, а затем СССР, председатель его юридической коллегии. В 1920- 1934 гг.- возглавлял Центральную комиссию партийного контроля. С 1923 г. осуществлял руководство партийными чистками. В период сталинских репрессий Центральная комиссия партийного контроля, возглавляемая Сольцем, при рассмотрении дел оппортунистов целиком и полностью следовала указаниям руководства и НКВД. Член Центральной контрольной комиссии Коминтерна.

131. Термез – город (с 1929 г.), центр Сурхандарьинской области Узбекской ССР.

132. Рабат – караван-сарай, постоянный двор.

133. Мазари-Шериф – город на севере Афганистана. Расположен оазисе Балх, близ р. Аму-Дарьи и советско-афганской границы.

131. Правильно Ташкурган (Хульм)- город на севере Афганистана.

135. Керки – город, центр Керкинского района Чарджоуской области Туркменской ССР.

130. Правильно Майменсингх – город в Восточном Пакистане.

137. Комакадемия – Коммунистическая академия, высшее идеологическое учебное и научно-исследовательское учреждение, функционировавшее в Москве в 1918- 1936 гг. В 1919- 1924 гг. называлась – Социалистическая академия общественных наук, с 1924 г.- социалистическая академия. В академию входили институты – философии, истории, литературы, искусства, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания. С 1929 г. имела отделение в Ленинграде, пускала журнал "Вестник Коммунистической академии". Затем была объединена с АН СССР.

138. Скоропадский Павел Петрович (1873- 1945) – генерал-

лейтенант. Окончил Пажеский корпус (1893 г.) Участник 1-й мировой войны. В октябре 1917 г. на съезде "вольного казачества" в Чигирине г. назначен главой военных формирований Украинской Центральной рады. В ходе австро-германской оккупации Украины 29 апреля 1918 г. на "съезде хлеборобов" в Киеве избран гетманом Украины, возгласил создание "Украинской державы". 14 декабря 1918 г. эмигрировал в Германию.

139. Миллер Евгений Карлович (1867- 1937?) – один из лидеров ого движения на Севере России. Окончил Академию Генераль-ного штаба в 1892 г. Участник 1-й мировой войны, генерал-лейтенант 1915 г. Осенью 1917 г. назначен представителем Ставки верховного главнокомандующего при итальянском главном командовании. В январе 1919г. вошел в состав Верховного правительства Северной области сачестве генерал-губернатора. В мае был назначен Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком главнокомандующим войсками Северной области, а с сентября стал Главным начальником. С февраля 1920 г.- военный министр и управляющий иностранными делами Временного правительства Северной области. В конце февраля 1920 г. эмигрировал. Жил во Франции, с 1930 г.- возглавлял Русский Общевоинский Союз – организацию, ставившую своей целью сохранение белогвардейских офицерских кадров и борьбу против советского режима. В 1937 г. был похищен агентами НКВД и, вероятно, тогда же убит.

140. Имеется в виду консервативная партия Великобритании (официальное название – Национальный союз консервативных и юнионистских организаций). Образована в середине XIX в.

141. Мануильский Дмитрий Захарович (1883- 1959) – профессиональный революционер. Окончил Парижский университет. Член РСДРП с 1903 г. На VI съезде РСДРП (б) принят в партию. Участник Октябрьского вооруженного восстания. С декабря 1917 г. член коллегии Наркомпрода, с февраля 1918 г. заместитель наркома. С декабря 1919 г.- член Всеукраинского ревкома. С 1922 г. работал в Коминтерне, на различных партийных и государственных должностях. Академик АН СССР (1945 г.).

142. Радек Карл Бернгардович (1885- 1939) – с начала 1900-х годов принимал участие в социал-демократическом движении в Галиции, Польше и Германии. Член РСДРП с 1917 г. После Октябрьской революции работал в Народном комиссариате иностранных дел. На XIII- XV съездах РКП (б) избирался членом ЦК партии. Был секретарем Исполкома Коминтерна. С 1923 г. примыкал к левой оппозиции во главе с Л. Д. Троцким, в 1927 г.

был сослан в Сибирь, где провел полтора года. Тогда же решением XV съезда ВКП(б) за фракционную деятельность был исключен из партии. В 1929 г. возвращен в Москву и восстановлен в ВКП(б). С этого времени Радек стал активным противником Троцкого, неоднократно выступал в печати с обвинениями в его адрес. В этот период он большим тиражом опубликовал серию работ по вопросам международной политики СССР, выступал с лекциями и статьями в периодической печати. Его политическим кредо стал откровенный сталинизм. В 1936 г. арестован, обвинен в троцкизме и шпионаже в пользу гитлеровской Германии. Радек стал главным орудием Сталина на процессе Пятакова в январе 1937 г. Он признал все абсурдные обвинения и дал показания о том, что Пятаков, Сокольников и другие получали инструкции от Троцкого, который, якобы, вошел с соглашением с Гитлером о свержении советской власти в СССР. По приговору Военной коллегии Верховного суда тринадцать из семнадцати подсудимых были приговорены к смертной казни, а Радек – к десяти годам лишения свободы. По официальной версии умер в тюрьме.

143. Луначарский Анатолий Васильевич (1875- 1933) – в 1903- 1907 гг. большевик, затем сторонник ревизии марксизма. В 1917 г. на VI съезде РСДРП (б) принят в большевистскую партию. С октября 1917 г. до 1929 г.- нарком просвещения РСФСР/ с 1929 г.- председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Академик АН СССР (1930). Член ВЦИК, ЦИК СССР.

144. Ататюрк Мустафа Кемаль (1880 или 1881 – 1938) – турецкий государственный деятель, основатель и первый президент (1923- 1938) Турецкой республики. В 1904 г. окончил Стамбульскую академию генерального штаба. Участвовал в младотурецком движении, но после революции 1908 г. отошел от комитета "Единение и прогресс". В 1913- 1914 гг.- военный атташе в Болгарии. В 1919 г. возглавил национально-освободительное движение в Анатолии. После оккупации Стамбула войсками Антанты и разгона палаты депутатов создал в Анкаре (23 апреля 1920 г.) новый парламент – Великое национальное собрание Турции и стал главой правительства. По его инициативе был упразднен (1 ноября 1922 г.) султанат, провозглашена республика 29 октября 1923 г., ликвидирован халифат (3 марта 1924 г.).

141. Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880- 1936) – участник революции 1905- 1907 гг. С 1909 г.- член областного бюро СДРП Московской промышленной области, член Московского комитета партии. В 1917 г.- член Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков, с ноября – председатель Московского совета профсоюзов. С января 1919 г.-

председатель ВЦСПС. Позднее возглавлял Комиссию ВЦИК по делам Туркестана. С января 1922 г. секретарь ВЦСПС, с сентября – Председатель ВЦСПС. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1929- 1930 гг.- председатель правления. Всесоюзного объединения химической промышленности и заместитель Председателя ВСНХ СССР. С мая 1932 г.- заведующий ГИЗом. В августе 1936 г. покончил жизнь самоубийством.

146. Пирей – город-порт в Греции, на берегу Эгейского моря.

147 "Последние новости" – одна из самых крупных русских эмигрантских газет. Орган республиканско-демократической группы кадетской партии. Создана в апреле 1920 г. в Париже. Издатель и редактор – лидер кадетов П. Н. Милуков. В газете сотрудничали .И. Гучков, известный публицист и общественный деятель В. Л. Бурков, видные эсеры Е. К. Брешко-Брешковская, А. А. Аргунов, В. М. Зенцов, Е. Е. Лазарев, писатели В. И. Немирович-Данченко, М. А. Осорин, И. А. Бунин, М. И. Цветаева, В. В. Набоков, М. А. Алданов, Саша Черный, В. Ф. Ходасевич, К. Д. Бальмонт, историк В. А. Мякотин, экономист В. А. Розенберг и другие. Последний номер газеты вышел в июне 1940 г. перед вступлением немцев в Париж.